Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2023 № 32

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор
А.В. Галькова (Томск) – отв. секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
Т.А. Гридина (Екатеринбург)
Н.П. Дворцова (Тюмень)
Ю.М. Ершов (Томск)
Н.В. Жилякова (Томск)
И.В. Лизунова (Новосибирск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
И.В. Тубалова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)
О.Г. Щитова (Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет, сайт http://journals.tsu.ru/book/

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Каплун М.В. Феминно-маскулинная образность романа О. Миртова «Мертвая зыбь» 5
Федотова С.В. Литературно-критическое своеобразие «Книги об Александре Блоке» К. Чуковского 26
Федосов Е.А. Советская визуальная пропаганда в условиях холодной войны: опыт источниковедческого анализа плакатов и карикатур 1946–1964 гг. 45

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Федюнева Г.В. Коми-зырянский словарь в рукописном сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина (1668 г.) 66
Перевалова Е.В. «Летописец великокняжеских путешествий»: Контстантин Случевский – очеркист (по материалам газеты «Московские ведомости») 82
Мосунова Л.А., Митягина Е.В. Отзыв о книге как пространство культурного кода читателя 98

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Чижов Н.С. Книга Ю. Вэллы «Поговори со мной» как художественное целое: композиция и архитектоника 113
Булатова Е.К. Типология корпоративных изданий 130
Лизунова И.В., Савенко Е.Н., Трояк И.С. Малотиражность книгоиздания – кризис или смена трендов развития..... 146

Правила оформления статей 165

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Kaplun M.V. Feminine and masculine imagery of the novel *Dead Swell* by O. Mirtov 4
Fedotova S.V. Literary and critical singularity of the *Book About Alexander Blok* by K. Chukovsky 26
Fedosov E.A. Soviet visual propaganda in the conditions of the Cold War: An experience of a source-study analysis of posters and caricatures of 1946–1964 45

BOOK AND READING IN CULTURE

Fedyuneva G.V. A Komi-zyryan dictionary in the collection of the old Russian scribe Prokhor Kolomnyatin (1668) 66
Perevalova E.V. A "chronicler of Grand Duke's travels": Konstantin Sluchevsky the essayist (based on the materials of the newspaper *Moskovskie Vedomosti*) 82
Mosunova L.A., Mitiagina E.V. Book review as a space of the reader's cultural code 98

BOOK PUBLISHING

Chizhov N.S. Yu. Vella's book *Talk to Me* as a stylistic harmony: Composition and architectonics 113
Bulatova E.K. Typology of corporate publications 130
Lizunova I.V., Savenko E.N., Troyak I.S. Small circulation of book publishing – a crisis or a change in development trends 146

Rules for Article Submission 165

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 5–25.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 5–25.

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/32/1

ФЕМИНИННО-МАСКУЛИННАЯ ОБРАЗНОСТЬ РОМАНА О. МИРТОВА «МЕРТВАЯ ЗЫБЬ»

Марианна Викторовна Каплун[1]

[1] *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, tangosha86@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается роман О. Миртова (Ольги Негрескул) «Мертвая Зыбь» (1909) в контексте литературно-гендерной поэтики русского модернизма. Исследованы литературные типажи романа, образующие стройную образную систему, тесно связанную с социально-философской проблематикой произведения. Показано, что в романе нашли отражение основные принципы модернистского феминнно-маскулинного конструирования (от концепции духовной любви, дуализма и дионисийского эроса до женской истерической субъективации и кризиса патриархальности), которые вполне вписывались в литературоведческий гендерный дискурс рубежа веков.

Ключевые слова: О. Миртов, О. Негрескул, «Мертвая зыбь», модернизм, роман, литературно-гендерная поэтика, маскулинность, феминнность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Каплун М.В. Феминно-маскулинная образность романа О. Миртова «Мертвая зыбь» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 5–25. doi: 10.17223/23062061/32/1

© М.В. Каплун, 2023

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

FEMININE AND MASCULINE IMAGERY OF THE NOVEL *DEAD SWELL* BY O. MIRTOV

Marianna V. Kaplun[1]

[1] *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tangosha86@mail.ru*

Abstract. The article examines the novel *Dead Swell* by O. Mirtov (real name Olga Negreskul) in the context of literary-gender issues in the modernism era. A novel about the life of exiles in a city like Vologda or Vyatka was published in the leading monthly political journal *Russkaya Mysl'* [Russian Thought] in 1909. In its ideological orientation, *Dead Swell* is on a par with V. Ropshin's *Pale Horse* (1909), a novel *Devil's Doll* (1911) by Z. Gippius and the story *Honesty with Oneself* by V. Vinnichenko (1914). The literary-gender aspect of the novel is still little studied. There are various feminine and masculine literary types in the novel, fitting well into the modernist gender system. The wife of the protagonist Liza Silina is focused on the inner world of her experiences and is subject to absolute dependence on her own husband (the big Other), which is characteristic of "female hysterical subjectivation". In the gender system, Liza can be attributed to the spiritual gender type, closely related to the expressed "martyrdom" of the heroine. The image of the accuser Ekaterina Bryantseva is closely connected with the prevailing modernist ideas about the "new woman", independent and free of patriarchal morality. But the passionate and inconsistent behavior of the heroine in relation to the object of her love can be seen in the context of the continuation of Lacan's understanding of the nature of passion in the gender projection of modernism. The common-law wife of one of the exiles Sophia Somova (a possible alter-ego of the author) is an image of a "thinking femina" who is able to distinguish truth from lies in search of the real Spirit. The characteristic detachment of the heroine, as if watching the rest of the heroes through a veil, becomes the key to the heroine's understanding and acceptance of herself and those around her. The literary-gender aspect of the novel is closely related to the crisis of patriarchal values, which is symbolized by the male heroes. The protagonist of the novel, Andrei Silin, a hedonist and erotomaniac, physically incapable of deep affection and preferring the principle of Dionysianism, fits well into the modernist concept of the Dionysian eros by Vyacheslav Ivanov. Closely related to the image of Silin is the theme of the "unread soul", the "soul under the mask", which Liza and the other women of the novel are so eager to discover. The direct opposite of Silin and his friend is an intellectual, "philosopher" Leonid Mokhov.

Mokhov, Liza's spiritual brother, considers the main thing to be the knowledge of someone else's soul, but suffers from his own powerlessness in front of the world around him. The gender-philosophical aspect of the novel is a continuation of the dualistic views of Negreskul, which is reflected in the figurative structure of the novel, where each hero has his own parodying double. The novel reflects the basic principles of feminine-masculine construction (from the concept of spiritual love, dualism and Dionysian eros to female hysterical subjectivation and the crisis of patriarchalism), fitting well into the literary critical gender discourse of the modernism era, which was reflected in various literary-gender types.
Keywords: O. Mirtov, Olga Negreskul, *Dead Swell*, modernism, novel, literary gender poetics, masculinity, femininity

Acknowledgements: The research is performed within IWL RAS with support of the grant of the Russian Science Foundation (project number 19-78-10100).

For citation: Kaplun, M.V. (2023) Feminine and masculine imagery of the novel *Dead Swell* by O. Mirtov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 5–25. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/1

Роман Ольги Эммануиловны Негрескул (псевдоним О. Миртов)[1] «Мертвая зыбь» публиковался в журнале «Русская мысль» в 1909 г.[2] В год выхода роман о жизни ссыльных в городе наподобие Вологды или Вятки, который по своей идеологической направленности перекликался со сборником «Вехи»[3], был принят достаточно прохладно. С. Адрианов в «Критических набросках» писал, что на роман «Мертвая зыбь» возлагались большие надежды, однако «из грандиозного замысла автора вышло весьма немного» [4. С. 379]. Адрианов отмечал, что миром героев Миртова правит «сплошная пошлость», а однобокость изображения в романе «искажает всю сущность изображаемого», что лишает роман «архитектурного скелета», который не складывается в «психологически целостную конструкцию» [4. С. 380, 385]. В. Львов-Рогачевский причислил роман к «документам революционного отчаяния», поставив «Мертвую зыбь» в один ряд с «Конем бледным» Ропшина (1909), драмой Гиппиус, Мережковского и Философова «Маков цвет» (1907), ро-

[1] Ольга Эммануиловна Негрескул-Котылёва-Розенфельд (1872–1939). Была членом Общества русских драматических писателей и оперных композиторов [1. С. 88–90; 2. С. 344].

[2] Роман издавался несколько раз (по ГАК РНБ: 1926 г. СПб., [1910]; 2-е изд.: Пг., [1916]), самое позднее переиздание в 2012 г. В статье цит. романа воспроизводится по первому изданию в журнале «Русская мысль»: [3].

[3] Ольга Негрескул посвятила роман педагогу, писателю, журналисту, редактору и общественному деятелю Александру Яковлевичу Острогорскому, скончавшемуся в 1908 г.

маном Зинаиды Гиппиус «Чертова кукла» (1911) (все произведения были опубликованы в журнале «Русская мысль»)[1] [5. С. 313]. По мнению Львова-Рогачевского, автор проявляет стишком «беспощадную суровость к “настоящему человеку” и необыкновенную любовную мягкость к обывателю» [5. С. 318].

У романа нашлись и защитники. Е.А. Колтоновская при общей сдержанной критике признала главного героя «Мертвой зыби» Силина наследником арцыбашевского «Санина», отметив общую слабость героя, который «нервически разбрасывается по сторонам и постоянно противоречит самому себе» [5. С. 403, 405][2]. Автор под псевдоним Тридэ в газете «Пермские губернские ведомости» упоминал роман Миртова, характеризуя послереволюционное разочарование в идеалах политической борьбы как «жажду обывательщины», и считал симптоматичным переход писателей от общественно-политической тематики к бытописанию: из «красного домика», «атмосфера которого насыщена политикой», – в «свой», «к обыкновенной, обывательской жизни» [7. С. 3; 8. С. 77]. М. Горький в письме к А.В. Амфитеатрову от 1910 г. советовал познакомиться с романом О. Миртова, написанном «не без таланта»: «Читали вы “Мертвую зыбь” Миртова, в “Русской мысли”, август-декабрь? Прочитайте, это не без таланта, и хотя в том же тоне, как “Бледный конь”, но честнее, искреннее. Хорошо взять Сашеньку – Дедлова, Санина, Силина и поставить их в один ряд. Прочитать пред этим сопоставлением книжку Фрейда “Психопатология обыденной жизни” – в ней очень интересно доказывается, что в психике человека нет ничего произвольного» [9][3].

Литературно-гендерная проблематика романа «Мертвая зыбь» до сих пор мало исследована[4]. Стоит оговориться, что гендерная терминология употребляется в статье в литературоведческом понимании. Методология исследования базируется на зафиксированных в литературе социально-психологических стереотипах в конструировании женских и мужских

[1] В этот же ряд Львов-Рогачевский ставит романы «Виктор Стойницкий» Р. Шенталя (1911) и «Честность с собой» В. Винниченко (1914) [5. С. 313].

[2] Об «арцыбашевщине» и социально-культурном контексте см.: [6. С. 236–240].

[3] В то же время Горький неоднократно сопоставлял произведения Ропшина, Арцыбашева, Дедлова-Кинга и Миртова, видя их внутреннюю связь – пессимизм, духовное обнищание, «печальное стремление попасть в тон победителю мещанину», называл их «антиреволюционными» (письмо Н.С. Каржанскому). См.: [9].

[4] В отличие от романного наследия «женская» драматургия О. Миртова представляет интерес для современных гендерных исследователей (см., например: [10. С. 5–60]).

образов рубежа веков. Как указывает О. Охотникова, литературно-гендерные объекты «воплощаются в особой картине мира, особой точке зрения автора и героя, особой системе персонажей, в особом характере авторского сознания, объектно-субъектной системе, реализуются в особом типе женской-мужской литературы» [11. С. 279]. Речь идет о литературоведческом анализе женских и мужских образов романа в контексте консервативного гендерного дискурса эпохи модернизма. В романе функционируют феминнные и маскулинные литературные типажи, которые вполне укладываются в модернистскую литературно-гендерную систему. Жена главного героя Андрея Силина Лиза (для близких просто Дитя с ударением на первый слог) – слабое, чуткое, сентиментальное существо, прячущееся от жизни в ворохе классических романов и стихов (из фаворитов Писарев и Некрасов) и смыслом жизни избравшее служение своему супругу. Как точно выразился С. Адрианов, жена Силина «обладает организмом хрупким физически и необычайно нежным, тонким психически» [4. С. 382]. Тонкая душевная организация Лизы была подготовлена ее отцом («бедным фантазером»), всю жизнь оберегавшим дочь и не желающим отпускать ее от себя, тем самым подавляя Лизу, как личность. Лиза сама признается себе, что «не знает толком, в чем ее жизнь» [3. Кн. 8. С. 53]. Из-за случайной интриги отца Лиза теряет по-настоящему близкого ей по духу человека Леонида Мохова, не подав ему руки в нужный момент и тем самым разрушив их дружбу и зарождающееся чувство. Отец Лизы, сам того не подозревая, отдает свою Дитю в руки доброго, но беспутного человека Андрея Силина, не способного на глубокие чувства. Даже признание Лизы в любви к нему дается Силину с трудом, ему «скучно и немножко смешно» ее слушать. Лиза оказывается не способной отличить ложь от правды, слепо полагаясь на своего эгоистичного супруга. Но Лиза не просто прячется от реального положения вещей в мире своих фантазий и вечного ожидания мужа, постепенно героиня выстраивает непроходимую стену между текущей жизнью и своим душным комнатным мирком.

Желание Лизы полностью слиться с Андреем, подавление собственной индивидуальности больше похоже на «рабскую зависимость от большого Другого», что характерно для «женской истерической субъективации» [12. С. 68–69]. Как указывает И. Жеребкина, «одним из парадоксов “истерической субъективации”» является нарциссизм, т.е. сосредоточенность на внутреннем мире своих переживаний и абсолютное безразличие к окружающим» [12. С. 68–69]. Вместо того чтобы попытаться найти общий язык с членами колонии и влиться в ссыльное общество, Лиза предпочитает затворничество и письма к «одинокой душе»

[3. Кн. 11. С. 62]. С одной стороны, Лизу пугает необходимость открыть свою душу другому, с другой – натура Лизы требует познания души другого. На протяжении романа героиня задается вопросом о необходимости проникновения во внутренний мир друг друга: «Почему они всегда врозь? Почему не хочет он вместе с ней заглянуть в самые глубины? Он проходит мимо… Всегда проходит мимо… Ему, как будто, не нужна ее душа… А разве не в этом проникновении во внутренний мир любимого чувствует себя человек звеном вечности?» [3. Кн. 8. С. 53]; «Для радости, проявившей себя моим телом, нужна была любовь его души…» [3. Кн. 11. С. 61]; «Нет, человеку нужно много – нужен целый внутренний мир другого человека – всю душу целиком… тогда хороши береза и солнце» [3. Кн. 12. С. 52]. Интуитивно чувствуя невозможность подобного «душевного слияния», Лиза приходит и к прямо противоположной идее: «Еще вчера я не знала, что только тот может сказать себе: я счастлив, у кого вытравлена вся душа» [3. Кн. 11. С. 56][1]. Любопытно, что Лиза при всей своей огромной любви к мужу и желанию раствориться в нем, обижается на Андрея, прочитавшего «душевные излияния» жены на бумаге. «Душевное письмо» Лизы намеренно не адресовано никому конкретно, но достаточно эгоцентрично, о чем свидетельствует обилие «я»-местоимений: «К новой жизни *мне* был указан путь… *Я* вижу его… И одиночества *я* не принимаю… Пусть нет Бога и нет Андрея… Но эти слова *я* пишу не только *себе*… А тому, кто никогда, быть может, не прочитает их, но кто в эту самую минуту тоже, как и *я*, потерявший все, отвернувшись от Бога и от любимого, чувствует *меня* в мире и протягивает ко *мне* руки <…> Слушай меня, одинокий!.. Нет одиночества, потому что есть в мире *я* <…>» (курсив мой. – *М.К.*) [3. Кн. 11. С. 62]. Хотя муж Лизы в итоге признает, что «у каждого маленького человечка есть свое огромное, свой глубокий колодец», понять и принять «душевную философию» супруги законченный гедонист Силин оказывается не в силах [3. Кн. 11. С. 53].

Обостренная субъективация Лизы, ее зацикленность на собственных страданиях невозможны для героини без пресловутого чувства вины. Лиза винит себя буквально за все, за что, по ее мнению, она должна быть наказана: за периодические сомнения в дражайшем супруге, хотя на то есть веские причины (практически на глазах жены Андрей беззастенчиво соблазняет кухарку Дуню), за ссылку, в которой они с Андреем оказались по ее вине (по просьбе знакомых Лиза прятала в доме за-

[1] Идея невозможности полного раскрытия души другому получит свое развитие в повести Н.В. Недоброво «Душа в маске» (1912) [13. С. 188–200].

прещенные брошюрки, о которых не имела ни малейшего представления), за патологическую неспособность, как муж, радоваться солнцу и дарить людям светлые мысли и т.д. Создается впечатление, что, чем больше Лиза подчиняется судьбе / Андрею, тем больше она виновата перед самой собой[1].

Стоит отметить, что подчинение Лизы, переходящее в исступленный «мазохизм», по форме больше напоминает религиозный фанатизм, тесно связанный с монастырской аскезой. Окружающие характеризуют внешность Лизы неизменно как черную, худощавую фигуру, бледную, бескровную, как будто безжизненную с тонким белым лицом. Силин отмечает маленькую грудь жены, ее тонкие, худые руки и тот факт, что Лиза порой выглядит старше своих лет. В одной из сцен Андрей прямо называет Лизу «врожденной декаденткой». Словно следуя «религиозному догмату», Лиза намеренно подавляет любые внешние проявления, чтобы окончательно погрузиться в свое внутреннее «я». Лиза, затворница по натуре, как будто живет в преддверии какого-то откровения, о чем говорит ее обращение к Богу в письмах, неотделимого от образа Андрея. В сознании Лизы Бог и Андрей как будто слиты воедино. Сам Силин считает свою жену «форменной истеричкой», «глупенькой женщиной» и «неврастеником», понимая, что в некоторые минуты его совсем не влечет к ней ни как к женщине, ни как к человеку, тем самым подчеркивая свою духовную разобщенность с женой, нежелания полного слияния. Интересно, что отношение к плотской любви у Лизы отнюдь не однозначно. В сцене близости с мужем Лиза подчеркнуто асексуальна, отстранена, как пишет автор, как будто «раздавленная мраком, в котором снова, именно благодаря этой ласке, замерцали искорки сомнения и веры» [3. Кн. 9. С. 202]. А после Лиза задается вопросом о душе: «Это люди назвали любовью?.. Это цель и смысл бытия? <…> Разве душа участвует в этом акте?.. И разве нужна ему ее душа? Он глух и слеп… Но тогда не все ли ему равно – взять ее или другую женщину?» [3. Кн. 9. С. 202–203]. В этом эпизоде у Лизы ослабляется присущее ей чувство вины, героиню посещает мысль, что она не так уж виновата перед мужем. Мысль, которая в свою очередь провоцирует следующую, более гнетущую: «На дне души темно, словно ускользает жизнь» [3. Кн. 9. С. 203]. Однако в другой момент Лиза приходит к мысли, что ее любовь

[1] Подобный мотив можно обнаружить в вышедшем в это же время рассказе В. Брюсова «Добрый Альд» (1909–1910) и в дальнейшем тема вины через подчинение получит продолжение в романе Анны Мар «Женщина на кресте» (1916) [12. С. 133–134].

к мужу все-таки имеет чувственный характер: «Она любит только его красные губы, только его безумные ласки и все, что его окружает, что кричит о их любви» [3. Кн. 11. С. 60]. Подобная противоречивая экзальтированность вполне соответствует гендерному духовному типу.

В литературно-гендерной проекции Лизу можно отнести к «типу средневековой истерички» [12. С. 104; 14]. В разговоре с Моховым Силин характеризует свою жену как «святую мученицу». Исследователи гендерной проблематики Средневековья в контексте господства религиозного самосознания отмечали, что «пребывание в монастыре и даже в затворничестве не было таким уж сильным испытанием для психики, поскольку само по себе еще не означало абсолютной изоляции от мира» [15. С. 162]. Отказ от мирской суеты и размышления над вопросами бытия не могли нанести серьезный вред психике Лизы, если бы речь шла о монастырском послушании, но Лиза ощущает себя частью другого человека, своего супруга Андрея. Например, когда мужа нет рядом или в минуты душевных страданий, Лиза сознательно отказывается есть, мотивируя это отсутствием аппетита, как будто, соблюдая какой-то придуманный ей самой пост, формируя неправильное отношение к еде как лишнему условию жизни. Рассуждения героини о внешних, материальных вещах всегда оказываются сопряжены с духовным кризисом. Даже в момент, когда Лиза хочет выйти в свет, ее желание жить обычной жизнью сводится к мыслям о священнодействе, как выражается сама героиня, нужно «священнодействовать, живя», например, «есть мясо горячее непрожаренное с кровью» [3. Кн. 11. С. 52]. Причем отчетливо видно, что подобные мысли о простых человеческих радостях даются героине с большим трудом, поскольку несопоставимы с так необходимым ей чувством вины и наказания.

Возможно, серьезные изменения в психике героини спровоцировал арест Лизы на десять дней из-за найденных в их с Андреем доме брошюрок, когда героиня была вынуждена оказаться в настоящей тюрьме без своего ненаглядного супруга, которого в душе признавала Богом. Ссылка только усугубила общее болезненное состояние Лизы, не находящей в себе силы приспособиться к новым условиям. Конец Лизы закономерен и вполне соотносится с сакральной истерией, присущей героине. Много времени просидевшая в четырех стенах Лиза, подстрекаемая «подругой» Катей Брянцевой, решила выбраться на волю, чтобы встретиться со старым другом Моховым. Но выход в люди заканчивается роковым казусом. Героиня встречает своего мужа в обществе проститутки Евлампии и, пережив несколько унизительных сцен, оказывается окончательно сломленной не только душевно, но и телесно.

Сначала Лизу разбивает паралич, а затем к ней приходит долгожданное освобождение от оков бытия, которые связывали ее с супругом. Окончательно разуверившись в любимом (и жизни), героиня тихо и просто умирает, не сумев даже толком попрощаться (тихий шепот с именем Андрей не был услышан). Состояние Лизы перед смертью вполне соответствует мистическому мироощущению. В забытьи Лиза чувствует, что отрывается от земли «словно она летела уже над землей, как во сне»: Это *я* смеюсь! Это *я* лечу <…> вот так… оттолкнуть от себя землю… Это совсем, совсем легко… Вон – во-о-н! две фигурки – в одной из них было – "мое я"… Оно осталось там, внизу…» (курсив автора. – *М.К.*) [3. Кн. 12. С. 77].

В средневековом миропонимании земные привязанности всегда казались героиням Откровений слишком незначительными по сравнению с любовью к Богу и стремлением к нему. Земной мир мыслился тяжелым и тоскливым, а небесное блаженство являлось единственно важным [15. С. 163]. Даже Силина в течение романа часто посещает мысль, что его жена «идеальный ангел». Создается впечатление, что автор намеренно подводит читателя к мысли, что Лиза для Силина была той «духовной любовью», благодаря которой он поддерживал идеальный образ самого себя [12. С. 102]. Об этом свидетельствует концовка, когда для жизнерадостного повесы Силина померк солнечный свет и «побежали тени облаков» [16. С. 590]. Лиза оказалась тем духовным проводником, солнцем, озаряющим его жизнь, а с ее кончиной мир перестал играть яркими красками. Подобная «мученическая смерть» сближает Лизу с духовно-выраженным феминнным типом.

Противовес преданной затворнице Лизе в романе составляет образ Екатерины Брянцевой, пламенной революционерки и страстной натуры, «горячего волчонка» в характеристике окружающих. В самом начале романа на очередном собрании Брянцева истово бросается на всех присутствующих мужчин, чтобы обличить ссыльное общество в свойственной ей размашисто-саркастичной манере: «Товарищи, ха-ха! Мы умеем только ножку подставлять друг другу. Мы еще не научились истинно-товарищеским чувствам. Играем в парламент! Комиссии, подкомиссии, центральные правления… Ха-ха!.. Мало старых цепей! Надели на себя ореолы и барахтаетесь в яме…» [3. Кн. 8. С. 19]. В ответ Катю просят успокоиться и выйти, называя истеричкой и сумасшедшей, что, видимо, способствует формированию у читателя достаточно популярного литературного образа рубежа веков *New Woman*, характеристиками которой являются «самостоятельность, бунтарство и то, что она противостоит стереотипам и ожиданиям женской роли в семье и обществе, особенно в

области сексуальности» [17; 18. P. 212]. Но на протяжении романа образ Брянцевой претерпевает значительные изменения. В год выхода «Мертвой зыби» критика оказалась беспощадной к главной *enfant terrible* колонии, посчитав, что первоначальный замысел автора изобразить настоящую патриотку своей страны, честную и идейную, обернулся «пшиком», явив литературе очередную истеричку «на почве слишком затянувшегося девства» (см., например: [4. С. 381]).

Столь явное неудовольствие критиков, скорее всего, было продиктовано непониманием достаточно прямого акцентирования внимания на резких переменах в женской психике при конструировании достаточно типичного для литературы модернизма образа. Возможно, автору-мужчине такое вольное обращение с устоявшимися гендерными представлениями критики могли бы простить, но не женщине, пишущей под псевдонимом. В свою очередь Ольга Негрескул могла следовать интуитивному развитию достаточно яркой для литературы героини. Негрескул было мало сделать Катю несгибаемой сверхженщиной, изобличающей пошлость ссыльного круга и наравне держащейся с мужчинами. По всей видимости, главной задачей для автора было оживить устоявшийся образ, сделать героиню чувствующей и достоверной для женской аудитории романа.

Брянцева, как и многие героини женской прозы, проходит испытание любовью. Главные мужчины в жизни героини характеризуют ее в самом начале романа, отражая собственное мировосприятие. Интеллигент Леонид Мохов, оказавшийся в ссылке по чистой случайности, в своем воображении рисует образ прекрасного цветка: «Мохов, смотря на ее [Катину] голову, похожую на цветок на длинном, тонком стебле, думает, что людей разделяет только одна перегородка, несчастье, за которую они прячутся друг от друга» [3. Кн. 8. С. 20]. Сравнение Брянцевой с цветком для Мохова не случайно, позже, когда они с Катей останутся наедине, он расскажет, что всю жизнь, подобно немецким романтикам, пребывает в поисках «голубого цветка», в конце концов, признав себя негодным для жизни человеком [3. Кн. 12. С. 38]. Другой мужчина в жизни Брянцевой Андрей Силин при встрече чувственно описывает свои фантазии на ее счет: «Глядя на приятельницу своей жены, он всегда думает, что если бы сорвать с нее эту нелепую жеванную юбку и вечно серенькую кофточку и, вообще, всю ее раздеть до-нага, то наверное окажется, что её гибкое, почти плоское тело с твердыми косточками по бокам живота – смуглое и горячее, как уголь» [3. Кн. 8. С. 20].

Остается неизменным вопрос, почему при всей своей независимости и свободолюбии Брянцева из двух столь разных мужчин выбирает само-

го ничтожного с точки зрения намерений Силина. В какой-то степени ответ лежит на поверхности взаимоотношений Кати с внешним миром. В отличие от интроверта Лизы, довольствующейся внутренними переживаниями, Катя явный экстраверт, больше любящий делать, чем думать и говорить. Созерцательное отношение Мохова к жизни не может целиком увлечь Катю, хотя и представляется ей любопытным, не зря она характеризует Мохова, как романтика: «Ужасный романтик! Теперь ясно, почему вы не принадлежите ни к какой партии» [3. Кн. 12. С. 38]. Брянцева произносит это в тот момент, когда сама понимает, что далеко ушла от так лелеемых ей общественных вопросов, которые были вытеснены с появлением более сильного, влекущего чувства. Катя даже решается открыться Мохову: «Я должна вам сказать… Я уже не такая… Я очень ушла уже от общественного горя… Этого восторга страданий уже нет…» [3. Кн. 12. С. 44]. В какой-то момент Катя понимает, что могла бы даже полюбить Мохова, с которым чувствует себя в безопасности, если бы не проникший в ее душу Силин и даже делает над собой определенное усилие, чтобы впустить в себя новое чувство, но терпит фиаско.

Проблема заключается в чувстве (как сама героиня называет «восторге страданий»), которое необходимо Катиной кипящей натуре и которое может дать героине только такой сладострастный и жизнерадостный человек, как Силин. Это чувство «страсть», которое сама героиня характеризует как «несчастная страсть». Брянцева влюбляется в Силина порывисто, практически с первым прикосновением. Эти случайные стыковки с мужчиной в какой-то момент начинают осознаваться Катей как часть неслучайных совпадений, ведущих героиню, как она считает, к подлинному чувству: «Пусть он делает вид, что то была простая случайность, что случайно он обнял ее в тесноте, в санях. Пусть она не дождалась никаких объяснений <…>… пусть он подлец, но это было… было!.. Она не могла ошибиться… в подобных моментах не ошибаются» [3. Кн. 12. С. 30–31]. Страсть в душе Кати тлеет, грозясь разгореться в любой момент, и этот момент наступает, когда Силин застает Брянцеву в объятиях Мохова, после чего Катя ударяет Андрея по лицу. Ударив причину своей «страсти», героиня как будто освобождает какую-то пружину внутри себя и начинает «биться в истерике, упав лицом на диван» [3. Кн. 12. С. 49].

Далее в полубезумном порыве Катя бежит за Силиным, представляя, как будет вымаливать у него прощение, встав на колени, что для героини является подлинно чувственным актом. При этом не совсем понятно, почему Катя и Андрей не могли просто предаться страсти, поскольку

оба были охвачены одним чувством. Однако невозможность физической близости между героями стоит рассматривать в контексте истерических теорий модернизма, в частности, как продолжение лакановского понимания. На протяжении романа Катя стремится к Силину и одновременно отталкивает его каждый раз, когда есть шанс, что страсть найдет выход, как бы провоцируя дополнительные препятствия на пути реализации любви. По Лакану, такие препятствия нужны, чтобы «повысить «значимость объекта своей любви», поэтому для истерического субъекта нет ничего более неприемлемого, чем реализация ее/его сексуального желания» [12. С. 67]. Брянцева одновременно желает и обладать Силиным, и продолжать питать себя неразделенной страстью, подсознательно возводя объект своей любви на недосягаемый пьедестал.

В качестве продолжения любовной игры Катя выбирает чисто женские ухищрения, что не вполне соотносится с ее открытым характером, однако постоянное поддержание страсти диктует новые правила. Сначала Брянцева решает сблизиться с Моховым, тем самым вызвав ревность своего «объекта страсти», а затем, узнав, что Мохов когда-то был увлечен Лизой, а Лиза им, придумывает новый ход интриги – снова свести Мохова с Лизой, чтобы освободить от оков Андрея, при этом воображая себя «сестрой милосердия». Автор как будто специально оставляет судьбу Кати вне действия романа, обрывая повествование на смерти Лизы, давая возможность читателю самому додумать финал.

Немного особняком от остальных женских героинь стоит гражданская жена одного из ссыльных Софья Сомова. Софья – женщина твердой воли, устойчивых принципов и развитого интеллекта. В ссылку она сознательно отправилась вместе с мужем Дмитрием Сомовым, обвиненном в «социалистических взглядах». Несмотря на то, что Софье уделено не так много места в романе, ее персонаж является одним из ключевых в понимании происходящего. Софья и ее дядя Афанасий Карпович оказываются в колонии случайно. Софья как «жена декабриста», дядя – как сопровождение горячо любимой племянницы. Однако в самой колонии любовь Софьи и Дмитрия дает трещину. Софья начинает осознавать всю тщетность и бесполезность жизни ссыльных-подпольщиков, по разным причинам оказавшихся в одном городе и бесконечно далеких от подлинно идейного существования. В ссылке Дмитрия больше интересует соперничество с местным лидером партийной ячейки Козловым, бесконечно выступающим на заседаниях и печатающим пространные доклады. Все стремления Дмитрия сводятся к желанию «стать членом центральной комиссии по распространению полезных книг между своими же ссыльными» [3. Кн. 9. С. 154]. Внутренне Софья согласна с Брянце-

вой о бессмысленности такой подпольной жизни: «Для чего ему эти доклады?! Да… Вся горячность его натуры выливается теперь в комиссии, подкомиссии… <…>. Он измельчал, но чувство самодовольства никогда не позволит ему сознать это измельчание» [3. Кн. 9. С. 154].

В отличие от Лизы и Кати, принадлежащих к нарциссическому типу, и способных слушать только самих себя, Софья, один из немногих персонажей «Мертвой зыби», способна посмотреть правде в глаза, какой бы горькой она ни оказалась. Когда-то, несмотря на закономерные протесты семьи и беспокойного дяди, Софья согласилась на унизительный для женщины ее способностей и образования гражданский брак (сожительство) с любимым человеком, потому что Дмитрий, как социалист, отвергал обряд венчания. Тогда она понимала, для чего ей это нужно и не роптала, но в ссылке героиня теряет понимание такой жертвы. Главное, что отличает Софью от всех остальных героев, это абсолютная, беспощадная честность к самой себе, которая помогает героине понять, что в неудавшемся союзе виноваты оба, что перемены произошли не только в Дмитрии, но и в ней самой. Софья первая задается вопросом о незримой духовной нити, которая связывает двух людей и которая не сводится к «половой любви». Она пытается найти причину охлаждения отношений не в Дмитрии, а в самой себе, субъективируя свои ощущения: «Одно только казалось несомненным, – что вопрос не в том, как ей жить дальше, не в праве искать или не искать человека, не в долге, а в неотложной потребности найти причину охлаждения, поймать момент, когда одна душа, слитая с другой оторвалась…» [3. Кн. 9. С. 154]. Понастоящему Софью беспокоит только эта оборвавшаяся нить, связывающая две души, ведь если так легко разлюбить, то, в чем тогда заключается ценность «духовной близости»? И ответ на этот вопрос для героини остается открытым. Софья понимает, что разлюбила окончательно во время неудавшейся близости с Дмитрием, описанной автором подчеркнуто натуралистично: «В темноте укладывался рядом, сдергивая с нее одеяло. Так неприятно толкались острые колени и холодные ступни. В эту минут ей показалось, что она решила вопрос. При чем здесь его принципы, в самом деле!..» [3. Кн. 9. С. 161].

Желая снова почувствовать вкус к жизни, Софья на время сближается с Андреем Силиным, которого она знает, как отчаянного ловеласа, далекого от политической борьбы, т.е. выгодно контрастирующего с Дмитрием [4. С. 381]. Влечение к такому пошлому человеку, как Силин, такой умной женщины, как Софья, может показаться искусственным, но в художественном пространстве романа большую роль играет душная атмосфера «мертвого города», из которого герои пытаются выбраться

всевозможными средствами. Кто-то уходит в мир своих фантазий, кто-то интригует, а кто-то в отчаянной надежде встретить родственную душу готов разглядеть высокое в ничтожном, как Софья. Проблема в том, что колония оказывается зыбучим песком, из которого нельзя выбраться, не порвав связи с пошлым кругом, что в итоге и делает Софья. Можно сделать предположение, что в образе Софьи угадываются черты самой Ольги Негрескул, пережившей ссылку в Вологодской губернии, воспоминания о которой легли в основу романа [19. С. 169–171][1].

Если рассматривать Софью как альтер-эго автора, то становится ясной отстраненность героини, как будто сквозь завесу наблюдающую за остальными героями, искренне пытаясь узнать и понять окружающих ее людей, видя в этом ключ к пониманию и принятию себя. Идея Высокого Духа, поиска духовного связующего звена между людьми поддерживала и сама Ольга Негрескул, о чем можно узнать из ее переписки с Е.А. Колтоновской: «Нынешней формой моей все более не довольствуюсь, жажду совершенной формы, верю в возможность ее для себя, так как верю в силу моего Духа, и потому жду смерти с жизненным интересом, хотя люблю и эту жизнь. Люблю землю и все земное» [20. С. 188].

Обращает на себя внимание, что Софья появляется в трудные для героев минуты, чтобы одним своим присутствием сгладить ситуацию. Например, в сцене обморока Лизы, теряющей силы от накатившей на нее тоски, вынужденной отвечать на неудобные вопросы гостей, Софья помогает жене Силина, укладывает ее в постель и улыбается, как маленькому ребенку, из-за чего Лиза начинает воспринимать ее как мать, чувствуя прилив душевных сил [3. Кн. 12. С. 21]. В отличие от подверженной страстям Кати Брянцевой, Софье хватает душевного такта и мудрости отойти в сторону, когда к ней приходит понимание, что Лиза слишком сильно любит своего мужа и разлука с ним или его измена могут убить ее. Даже прожженный циник Силин понимает, что Софья, в отличие от всех остальных, действует на него умиротворяюще: «Такая хорошенькая женщина и такая проницательная» [3. Кн. 12. С. 21]. В итоге Софье удается уехать из колонии, тем самым разорвав связующие ее нити со ссыльным кругом. Однако, как мы узнаем впоследствии, она будет продолжать корить себя за поспешный отъезд, понимая, что могла

[1] В январе 1903 г. О. Негрескул была арестована вместе с матерью за участие в кружке «Объединение революционных сил памяти П. Лаврова». Негрескул вела дела Красного Креста в Петербурге [1. С. 88; 19. С. 169]. Прообразом Дмитрия Сомова мог послужить первый муж Ольги М.Ф. Негрескул, связанный с «нечаевским делом» [1. С. 88].

хотя бы попытаться предотвратить трагедию в семье Силиных, оставшись с Лизой. Совестливость – отличительная черта Софьи.

Литературно-гендерный аспект романа тесно связан с кризисом патриархальных ценностей, который символизируют герои-мужчины. Главный герой Андрей Силин считает себя воплощением «здорового, светлого стремления к наслаждениям», которые ничто не должно омрачать [4. С. 381–382]. Сын богача, красавца, эротомана Ильи Силина и его чистой, религиозной и любящей жены, «запуганной, маленькой матери», так и не сумевшей принять развратную натуру мужа и умершей вскоре после родов. В целом Андрей точно повторяет путь своего отца. Окружающие описывают Силина, как «веселого, златоволосого, крепко сбитого, сверкающего красками трепещущего тела, в котором стремительно бежала кровь» [3. Кн. 12. С. 25]. Несколько раз в романе акцентируется внимание на «ярких, точно помазанных кровью губах» Андрея, что придает его образу черты романтизма.

Силин физически не способен на глубокие привязанности и предпочитает принцип гедонизма, «дионисийства», о котором говорит достаточно открыто, вполне вписываясь в модернистскую концепцию дионисийского эроса Вяч. Иванова [12. С. 65]. Смыслом жизни герой видит всевозможные удовольствия при полном отсутствии обязательств и огорчается препятствиям на пути к желаемому, руководствуясь принципом «хороша только страсть, все остальное скучно»[1]. Е. Колтоновская ставила Силина в один ряд с героями Гиппиус и Винниченко (Юрий в «Чертовой кукле», Мирон в «Честность с собой»), т.е. «*новым* человеком – ярким индивидуалистом, во всем руководствующимся желаниями своего “я”» (курсив автора. – *М.К.*) [5. С. 405]. Силин не стесняется брать деньги у недоедающей проститутки Евлампии, поскольку периодически пребывает в долгах, проматывая вверенные ему колонией средства. Женщины мыслятся Силиным как инструмент получения наслаждения, о чем свидетельствуют частые эротические грезы героя. Врожденное обаяние и легкий характер дают возможность Силину наслаждаться любым женским обществом. Жертвенную любовь своей жены Лизы Силин считает тягостной, в этой зависимости ему чудится «разложение смерти, ищущей во что бы то ни стало вечного союза с живым» [3. Кн. 11. С. 68].

Силин не нуждается в познании чужой души, однако не лишен чувства жалости, которое, как он считает, все портит. Неспособность раз-

[1] Ранее эту концепцию разрабатывал А. Каменский в романе «Люди» (1908), в котором, по мысли автора, решение проблемы одиночества может быть найдено в высвобождении сексуального подсознания личности, уничтожении комплексов [21].

глядеть истинную любовь в женщине, которая всегда была с ним рядом, приводит к трагедии, после которой путь к гедонизму герою закрыт. С образом Силина тесно связана тема «непрочитанной души», «души под маской», которую так желает открыть Лиза и другие женщины романа. Красивое лицо Силина – это вакхическая маска человека, перешедшего черту гедонизма и находящегося на краю бездны. Мотив маски вскрывается в сцене перед смертью Лизы, когда измученная девушка пытается последний раз услышать правду от мужа, но слышит очередную ложь: «С грубой силой, упершись ладонью в его лицо, она оттолкнула его от себя, словно чудовищную маску» [3. Кн. 12. С. 73]. Маска проявляет себя и ранее, в сцене овладения Евлампией, когда проститутка в момент страсти с ужасом понимает, что ее возлюбленный сумасшедший и сравнивает его с осьминогом с многомиллионными щупальцами. В этой сцене с заигравшегося Силина на минуту слетает маска, и Евлампия обнаруживает «страшное лицо» с «бессильно отвалившейся красной, мокрой губой» [3. Кн. 11. С. 45].

Прямая противоположность Силину, его друг интеллигент Леонид Мохов, которого Силин называет «философом». Мохов, духовный брат-двойник Лизы, главным считающий познание чужой души. В отличие от Силина Мохов несчастен в личной жизни. Его первая любовь Лиза, которую он называет «голубым цветком своей жизни», порвала их отношения, поверив россказням папеньки. Второе глубокое чувство к Кате Брянцевой не нашло настоящий отклик в сердце девушки, предпочитающей мучительную страсть к Силину тихой и спокойной любви с Моховым. Сам Мохов понимает, что он «никчемный человек» и, как символ человеческого бессилия, держит на стене гравюру с погибшим Икаром, подлетевшим слишком близко к солнцу. Свою неустроенность герой объясняет врожденной невозможностью прикоснуться к жизни: «Иногда мне кажется, что я слишком холоден к жизни… и я боюсь этого. Я хочу подойти вплотную к жизни, чтобы чувствовать боль от каждого укола… А жизнь как будто отстраняет меня <…>. Я страдаю от этого своего равнодушия» [3. Кн. 12. С. 61].

У Мохова есть концепция «человека» и «футляра». Однажды в музее Grevin в Париже герой столкнулся с «человеком-куклой», в котором не угадывалось ничего живого: «И вдруг, *при наличности все тех же данных, это оказалось не человеком, а только оболочкой, пустым футляром, из которого вынуто что-то…* И это осязание пустоты, при полной иллюзии жизни, смущало мозг <…> С этого момента я, помню, разделил движущихся людей на живых и мертвых…» (курсив автора. – *М.К.*) [3. Кн. 11. С. 12]. В критике образа Мохова Адрианов отмечал, что эта фигура у г. Миртова «вышла весьма туманной» с «вялой философией,

бессильной, бездейственной, колеблющейся»[1] и находил генетическую связь Мохова, обремененного какой-то загадочной «священной болезнью», с образом князя Мышкина Достоевского [4. С. 383].

В критике романа В. Львов-Рогачевский отметил интересную особенность в конструировании мужских образов «Мертвой зыби». По мнению критика, О. Миртов «слишком любит своего Силина, слишком любуется им» в отличие от образцово-показательного интеллигента Мохова. Автор «ничего не простила ссылке и простила все развлечения» этому истинному сынку миллионера и сладострастника» [5. С. 327]. Но все же Силина, в отличие от Софьи Сомовой, сложно назвать прямым альтер-эго автора, однако излишнее любование героем и оправдание его циничного отношения к жизни говорят о желании О. Негрескул в метафорическом смысле слиться с персонажем, принять его точку зрения.

В таком двойственном отношении к мужской природе, оправдании ее слабостей, угадывается дуалистическое мистическое осмысление мужской и женской натуры, о чем в 1912 г. Ольга Негрескул писала Е.А. Колтоновской, задумавшей составить ее биографию: «Мужское начало во мне – силы равной женскому. Потому имею два равноценных лика – женский лик для жизни земной и мужской – для предстания перед очами Вечноживущаго и принятия Его тайн» [20. С. 187]. Интересно, что Негрескул в письмах относит «мужское начало» к жизни небесной, а «женское» к земному мироощущению, однако в художественном пространстве романа автор легко изменяет этой концепции в зависимости от гендерной зависимости в паре, Лиза-Силин (духовное – земное), но Брянцева-Мохов (земное – духовное). Возможно, меняя гендерную систему координат в своем миропонимании, Негрескул хочет подчеркнуть, присущий человеческой природе дуализм.

Дуалистичность воззрений автора находит свое отражение в образной структуре романа, в которой каждый герой имеет своего пародирующего двойника. Для Лизы такими двойниками являются проститутка Евлампия и ее первая любовь Мохов. Евлампия, как и Лиза, избирает путь служения объекту своей любви, считая, что Андрей послан ей свыше почившей маменькой, чтобы порвать с ее позорным настоящим. Желая «стереть пятна со своей души», Евлампия предается экзальтиро-

[1] В 1916 г. после выхода романа А.И. Куприна «Яма» Ю. Слотвинский в критическом очерке в газете «Пермская жизнь» дает ретроспективный обзор послереволюционного развития литературы, усматривая «в разнообразных течениях мысли и жизни единую душу, оправдывающую безволие». В числе тематически близких романов автор называет «Мертвую зыбь» О. Миртова, «Белые лепестки» Н.Ф. Олигера, [«Спокойствие»] Б. Зайцева, «Рабочий Шевырев» и «Санин» С. Арцыбашева [8. С. 116; 22. С. 3].

ванным молитвам при свете никогда не затухающей в ее комнате лампадки [3. Кн. 11. С. 33–34]. Евлампия отдает Силину последние деньги и даже единственную память о матери – золотую цепочку, воспринимая такую самоотдачу как «торжественно-жертвенный акт».

В такой же торжественной жертвенности весь роман пребывает Лиза. Другую двойническую пару в романе составляют Катя Брянцева и местная партийная работница Соколова. Соколова, как и Брянцева, прекрасно разбирается во всех проблемах ссыльных и видит царящие вокруг пошлость и бездействие. Однако в отличие от Кати, благодаря своему уравновешенному характеру, Соколова имеет незыблемый авторитет даже в глазах мужчин колонии. Соколова воспринимает жизнь просто и откровенно, как и еще один ее духовный двойник Силин, предпочитая скучному женскому обществу мужское, в котором имеет неизменный успех. Несмотря на открытую неприязнь Брянцевой, называющей Соколову «бесцеремонной» особой, Мохов понимает, что Соколова по-своему великолепна, даже обладая посредственной внешностью: «Да, она была великолепна с этим своим вульгарным, приплюснутым носом и заодно оттопыренной нижней губкой» [3. Кн. 11. С. 19]. Можно сделать предположение, что тема двойничества нужна автору не только для того, чтобы подчеркнуть генетическую связь своего произведения с идеями Достоевского, ссылки на творчество которого присутствуют в романе в изобилии (например, аллюзии на «Преступление и наказание», «Идиота», «Братьев Карамазовых») (см. подробнее: [4. С. 379–385]). В свете образно-характерных находок Ольги Негрескул подобное желание представить и углубить разные типажи во всем многообразии могут соотноситься со стремлением понимания женской и мужской природы в духе близких автору дуалистических теорий. Интересно, что из всех героев романа только возможное альтер-эго автора Софья не имеет своего пародирующего двойника.

В «Мертвой зыби» присутствуют некоторые литературно-гендерные находки автора Ольги Негрескул, тесно связанные с социально-философской проблематикой романа. В романе нашли отражение основные принципы феминнно-маскулинного конструирования (от концепции духовной любви, дуализма и дионисийского эроса до женской истерической субъективации и кризиса патриархальности), которые вполне вписывались в литературно-критический гендерный дискурс эпохи модернизма, получивший отражение в различных литературно-гендерных типажах. В 1911 г. идеи «Мертвой зыби» найдут свое продолжение во втором романе О. Негрескул «Яблони цветут», который, по мнению исследователей, является наиболее удачной художественной и философской находкой автора [20. С. 178–188].

Список источников

1. Миртов О. // Русские писатели. 1800–1917 : Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 88–90.

2. Каталог пьес членов общества русских драматических писателей и оперных композиторов: основанного 21 октября 1874 года. М. : Типо-литография В. Рихтер, 1914. 366 с.

3. Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. Ежемесячное лит.-полит. издание. М.,1909. Кн. 8. Август. С. 4–55; Кн. 9. Сентябрь. С. 152–204; Кн. 10. Октябрь. С. 3–62; Кн. 11. Ноябрь. С. 3–74; Кн. 12. Декабрь. С. 7–79.

4. Адрианов С. Критические наброски // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 379–385.

5. З.Н. Гиппиус: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николюкина. СПб. : РХГА, 2008. 1038 с.

6. Михайловский И.О. «Арцыбашевщина» и социально-культурный контекст // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 236–240.

7. Три-дэ. К тихой пристани: Из «красного домика» – в «свой» // Пермские <губернские> ведомости. 1911. 25 мая (№ 109). С. 3.

8. Литературная жизнь России в конце XIX – начале XX века на страницах пермской периодической печати (1890–1917): Аннотированный библиографический указатель. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2007. 464 с.

9. Горький М. – Амфитеатрову А.В., 4 или 5 января 1910 г. URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1416.htm (дата обращения: 01.10.2021).

10. Михайлова М.В. «Бабы с пьесами...» в эпоху modern // Женская драматургия Серебряного века / сост., вст. ст. и коммент. М. Михайловой. СПб. : Гиперион, 2009. С. 5–60.

11. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследованя и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 273–279.

12. Жеребкина И. Страсть. Женская сексуальность в России в эпоху модернизма. СПб. : Алетейя, 2020. 302 с.

13. Каплун М.В. Гендерные проекции в повести Н.В. Недоброво «Душа в маске» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 188–200. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-188-200

14. Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты // В.Ф. Ходасевич. Некрополь : Воспоминания. Париж, 1976. С. 7–26. URL: http://az.lib.ru/p/petrowskaja_n_i/text_0010.shtml (дата обращения: 02.10.2021)

15. Суприянович А.Г. В слезах и во славе. Гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 264 с.

16. История русской литературы : в 4 т. / ред. кол.: А.С. Бушмин, Е.Н. Купреянова, Д.С. Лихачёв, К.Д. Муратова, Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков (гл. ред.). Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1980–1983. Т. 4: Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) / ред. тома К.Д. Муратова. 1983. 784 с.

17. Эконен К. Дискурс «новой женщины» // Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М. : Новое литературное обозрение, 2011. URL: https://royallib.com/read/ekonen_kirsti/tvorets_subekt_genshchina_strategii_genskogo_pisma_v_russkom_simvolizme.html#135256

18. Dekoven M. Modernism and Gender // The Cambridge Companion to Modernism. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 212–231.

19. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999. С. 169–171.

20. Колтоновская Е.А. Женские силуэты: (Писательницы и артистки). СПб. : Просвещение, 1912. 240 с.

21. Каменский А.П. Люди // Образование, 1908. № 7–10. URL: http://az.lib.ru/k/kamenskij_a_p/text_1908_lyudi.shtml (дата обращения: 5.10.2021)

22. Слотвинский Ю. Страданием очистимся // Пермская жизнь. 1916. 26 нояб. (№ 289). С. 3.

References

1. Nikolaev, P.A. (ed.) (1999) *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 88–90.

2. The Society of Russian Dramatic Writers and Opera Composers. (1914) *Katalog p'es chlenov obshchestva russkikh dramaticheskikh pisateley i opernykh kompozitorov: osnovannogo 21 oktyabrya 1874 goda* [The Catalog of plays by members of the Society of Russian Dramatic Writers and Opera Composers: founded on October 21, 1874]. Moscow: V. Rikhter.

3. Mirtov, O. (1909) Mertvaya zyb' [Dead Swell]. In: *Russkaya mysl'*. Vol. 8. pp. 4–55; Vol. 9. pp. 152–204; Vol. 10. pp. 3–62; Vol. 11. pp. 3–74; Vol. 12. pp. 7–79.

4. Adrianov, S. (1910) Kriticheskie nabroski [Critical sketches]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 379–385.

5. Nikolyukin, A.N. (ed.) (2008) *Z.N. Gippius: pro et contra* [Zinaida Gippius: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGA.

6. Mikhaylovskiy, I.O. (2011) “Artsybashevshchina” i sotsial'no-kul'turnyy kontekst [“Artsybashevshchina” (Michail Artsybashev’s style) and socio-cultural context]. *Politicheskaya lingvistika*. 3(37). pp. 236–240.

7. Tri-de. (1911) K tikhoy pristani: Iz “krasnogo domika” – v “svoy” [To a Quiet Pier: From the “Red House” to “Own”]. *Permskie <gubernskie> vedomosti*. 25th May. pp. 3.

8. Abashev, V.V., Kustov, V.A. & Masaltseva, T.N. (2007) *Literaturnaya zhizn' Rossii v kontse XIX – nachale XX veka na stranitsakh permskoy periodicheskoy pechati (1890–1917): Annotirovannyy bibliograficheskiy ukazatel'* [Literary life in Russia in the late 19th – early 20th century in the Perm periodicals (1890–1917): An annotated bibliography]. Perm: Perm State University.

9. Gorky, M. (1910) *Gorky M. – Amfiteatrovu A.V., 4 ili 5 yanvarya 1910 g.* [Gorky M. to Amfiteatrov A.V., January 4 or 5, 1910]. [Online] Available from: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1416.htm (Accessed: 1st October 2021).

10. Mikhaylova, M.V. (2009) “Baby s p'esami...” v epokhu modern [“Women with plays . . .” in the modern era]. In: Mikhaylova, M.V. (ed.) *Zhenskaya dramaturgiya Serebryanogo veka* [Women's Dramaturgy of the Silver Age]. St. Petersburg: Giperion. pp. 5–60.

11. Okhotnikova, S. (2002) Gendernye issledovaniya v literaturovedenii: problemy gendernoy poetiki [Gender studies in literary criticism: problems of gender poetics]. *Gendernye issledovanya i gendernoe obrazovanie v vysshey shkole*. 2. pp. 273–279.

12. Zherebkina, I. (2020) *Strast'. Zhenskaya seksual'nost' v Rossii v epokhu modernizma* [Passion. Female Sexuality in Russia in the Era of Modernism]. St. Petersburg: Aleteyya.

13. Kaplun, M.V. (2021) Gendernye proektsii v povesti N.V. Nedobrovo “Dusha v maske” [Gender projections in Nikolay V. Nedobrovo’s “The Soul in the Mask”]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 60. pp. 188–200. DOI: 10.37816/2073-9567-2021-60-188-200

14. Khodasevich, V.F. (1976) *Nekropol': Vospominaniya* [Necropolis: Memoirs]. Parizh: [s.n.]. pp. 7–26. [Online] Available from: http://az.lib.ru/p/petrowskaja_n_i/text_0010.shtml (Accessed: 2nd October 2021)

15. Supriyanovich, A.G. (2017) *V slezakh i vo slave. Gender, vlast' i identichnost' v srednevekovoy Zapadnoy Evrope* [In tears and glory. Gender, Power and Identity in Medieval Western Europe]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

16. Muratova, K.D. (ed.) (1983) *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: in 4 vols]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.

17. Ekonen, K. (2011) *Tvorets, sub"ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies for Women's Writing in Russian Symbolism]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: https://royallib.com/read/ekonen_kirsti/tvorets_subekt_ genshchina_ strategii_genskogo_pisma_v_russkom_simvolizme.html#135256

18. Dekoven, M. (2011) Modernism and Gender. In: Levenson, M. (ed.) *The Cambridge Companion to Modernism*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 212–231.

19. Mogilner, M. (1999) *Mifologiya “podpol'nogo cheloveka”: radikal'nyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the “underground man”: A radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as a subject of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 169–171.

20. Koltonovskaya, E.A. (1912) *Zhenskie siluety: (Pisatel'nitsy i artistki)* [Female silhouettes: (Writers and Artists)]. St. Petersburg: Prosveshchenie.

21. Kamenskiy, A.P. (1908) Lyudi [People]. *Obrazovanie*. 7–10. [Online] Available from: http://az.lib.ru/k/kamenskij_a_p/text_1908_lyudi.shtml (Accessed: 5th October 2021)

22. Slotvinskiy, Yu. (1916) Stradaniem ochistimsya [Let us be cleansed by suffering]. *Permskaya zhizn'*. 26th November. pp. 3.

Информация об авторе:
Каплун М.В. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: tangosha86@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
M.V. Kaplun, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: tangosha86@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2021;
одобрена после рецензирования 14.12.2021; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 17.10.2021;
approved after reviewing 14.12.2021; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 26–44.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 26–44.

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/23062061/32/2

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «КНИГИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ» К. ЧУКОВСКОГО

Светлана Владимировна Федотова[1]

[1] *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, lucia-th@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается «Книга об Александре Блоке» Корнея Чуковского (1922), впоследствии вошедшая в состав книги «Александр Блок как человек и поэт» (1924) в сильно измененном виде. Анализируются семантика первоначального заголовочного комплекса, многоуровневая структура, двойной полемический контекст замысла книги, характерные приемы и идеи. Выявляется эстетическая концепция автора, восходящая к учению И. Канта о прекрасном и гении, которая определяет литературно-критическое своеобразие первой книги Чуковского о Блоке.
Ключевые слова: Блок, Чуковский, Кант, «Двенадцать», гений, литературная критика

Благодарности: исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003-П, https://rscf.ru/project/20-18-00003/).

Для цитирования: Федотова С.В. Литературно-критическое своеобразие «Книги об Александре Блоке» К. Чуковского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 26–44. doi: 10.17223/23062061/32/2

Original article

LITERARY AND CRITICAL SINGULARITY OF THE *BOOK ABOUT ALEXANDER BLOK* BY K. CHUKOVSKY

Svetlana V. Fedotova[1]

[1] *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, lucia-th@yandex.ru*

Abstract. The subject of the article is Korney Chukovsky's *Book About Alexander Blok* (1922), one of the first monographs, which critically reviews all works of the poet up to the long poem *The Twelve*. The book was written during Blok's lifetime and approved by him, which determines its significance. The relevance

© С.В. Федотова, 2023

of the article is due to the fact that in modern studies this book is almost forgotten: it was included in the second book by Chukovsky *Alexander Blok as Man and Poet* (1924) in a greatly modified form. With the exception of early articles by Elena Ts. Chukovskaya, which traced the history of the book's creation, it did not become the subject of a targeted literary analysis. The main aim of the article is to reveal the literary and critical singularity of the *Book About Alexander Blok*. The first section, based on the analysis of the corpus of Chukovsky's diaries and letters, demonstrates that in his creative mind the book has always occupied an important place and at the same time existed under the initial title. The second section analyzes the ambiguous semantics of the book's title, both lapidary and tautological. The author argues that its most probable meaning is that this is the only book of its kind by *the first critic* about *the first poet* of the epoch. The proposed interpretation makes it possible to establish a connection between the radical turn in the relationship between Blok and Chukovsky after October 1917 with the creative concept of the book and to reconstruct the double polemical context of its creation: (1) refutation of the political interpretations of the poem *The Twelve* and (2) unanimous opposition of Blok and Chukovsky to scientific and formal approaches to poetry. Based on a comparison of the "universal" criticism of Chukovsky and Blok's views on the nature of poetic creativity, the author learns that they were like-minded in understanding the inseparability of the artist's soul and his style. The third section analyzes in detail the singular structure of the book, corrected under the influence of Blok's mother, who negatively perceived a feuilletonistic composition. The section offers an alternative interpretation of the multi-level header complex, which includes the titles of parts and chapters; proposes to consider internal headings as structural components of the plot of each part, as semantic dominants, identified as a result of a microanalysis of the "lyrical trilogy". The author shows that all the final chapters of the first three parts of the book reveal the sense-bearing items of Chukovsky's aesthetic concept, which goes back to Kant's ideas: Chukovsky's definition of the poem *The Twelve* as "a work of genius" and its creator as "a national genius" is based on Kant's doctrine of genius. An analysis of the last two chapters of the book in the context of the psychology and phenomenology of Chukovsky's works led to the conclusion that the literary and critical singularity of the first book about Blok lies in an attempt to present Blok's works in accordance with Kant's idea of beauty as "expediency without purpose". This intention of Chukovsky was reflected in the weaker critical and stronger apologetic mode of narration.
Keywords: Blok, Chukovsky, Kant, *The Twelve*, genius, literary criticism

Acknowledgements: The research is performed within IWL RAS with support of the grant of the Russian Science Foundation (project number 20-18-00003).

For citation: Fedotova, S.V. (2023) Literary and critical singularity of the *Book About Alexander Blok* by K. Chukovsky. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 26–44. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/2

1

В декабре 1955 г. К.И. Чуковский (1882–1969) записывает в дневнике: «…я прочитал свою старую книжку о Блоке и с грустью увидел, что она вся обокрадена, ощипана, разграблена нынешними блоковедами <…>. Когда я писал эту книжку, в ней было ново каждое слово, каждая мысль была моим *изобретением*. Но так как книжку мою запретили, изобретениями моими воспользовались ловкачи, прощелыги – и теперь мой приоритет совершенно забыт» [1. Т. 6. С. 207].

В этом признании обращает на себя внимание, что речь идет об одной «старой книжке», в то время как фактически их было две. Первая – это «Книга об Александре Блоке», в основном законченная Чуковским при жизни поэта, изданная дважды после его смерти в издательстве «Эпоха» (Петербург; Берлин, 1922) и ставшая первым монографическим исследованием творчества Блока. Вторая – это «Александр Блок как человек и поэт. Введение в поэзию Блока» (Л.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1924). В соответствии с названием в ней две части: первая из них («как человек») включает опубликованные ранее воспоминания «Последние годы Блока» (впервые: Записки мечтателей. 1922. № 6), вторая («как поэт») – переработанную «Книгу об Александре Блоке», посвященную анализу поэтики.

Заглавие итоговой книги носит подчеркнуто литературоведческий характер, что было обусловлено полемикой Чуковского с формалистами [2]. Но характерно, что в сознании автора книга всегда существовала под первоначальным заглавием, начиная от записи в дневнике от 4 января 1924 г., где фиксируется, что «Книжка о Блоке» (дается как название второй книги) наконец-то напечатана [1. Т. 11. С. 132], до предсмертных завещаний, где в списке своих произведений писатель в том же духе упоминает «Книгу об Ал. Блоке» (1924)» [1. Т. 13. С. 542–543]). Это любопытное вытеснение из памяти наукообразного заглавия второй редакции можно объяснить тем, что для Чуковского всегда и во всем был важен приоритет новизны, оригинальности: в первой «Книге об Александре Блоке» он действительно «изобретал». Неслучайно спустя два года в дневниковой записи от 24 января 1926 г. Чуковский пишет о том, что типографская задержка «Книги о Блоке» 1922 г. «погубила» ее, лишив автора статуса первооткрывателя: «Я писал эту книгу, когда Блок был жив, “Эпоха” так долго мариновала ее в типографии, что книга вышла лишь после смерти Блока, когда изо всех щелей посыпались “Книги о Блоке”» [1. Т. 12. С. 254].

Действительно, под предисловием к «Книге об Александре Блоке» стоит дата «1921, август» [3. С. 8], но первое издание появилось в конце января 1922 г. С небольшим отрывом во времени ее опередили брошюра В. Львова-Рогачевского «Поэт-пророк: Памяти А.А. Блока» (М., 1921) и сборник «Об Александре Блоке» (Пб.: Картонный домик, 1921), подготовленный близкими к формализму авторами. В связи с выходом последнего в письме от 29 ноября Чуковский раздраженно обвинял руководителя «Эпохи» Е.А. Белицкого в неоправданно замедленном выпуске собственной книги, парадоксально называя опередивший ее сборник так же «Книгой о Блоке» [1. Т. 14. С. 476]. Второе же издание, берлинское, точно повторяющее первое, было напечатано в октябре 1922 г., когда поток литературы о покойном поэте стал довольно мощным[1]. Очевидно, что ситуация с утерянным приоритетом в зарождающемся блоковедении воспринималась Чуковским с почти маниакальной болезненностью: недаром он – как в страшном сне – приписывал разноименным книгам о Блоке название собственного произведения, которое на самом деле ни разу не повторилось у других.

Все эти факты говорят о том, что первая редакция, занимавшая в творческом сознании Чуковского столь важное место, заслуживает самого пристального внимания. В исследованиях о Блоке она упоминается редко [4. С. 209; 5. С 246–248; 6. Т. 8. С. 349–350], чаще фигурирует книга 1924 г. Самыми обстоятельными, несомненно, являются статьи Е.Ц. Чуковской, где описывается история создания итоговой книги ее деда о Блоке [7. С. 233] и затрагивается текстологический аспект [8. С. 316–321]. В комментариях к книге «Александр Блок как человек и поэт», републикованной в новейшем собрании сочинений Чуковского, безоговорочно даются отсылки к этим источникам [1. Т. 8. С. 595–599].

Учитывая названные работы, попробуем рассмотреть первую книгу Чуковского о Блоке в ином ракурсе: с точки зрения ее литературно-критического своеобразия. С этой целью проанализируем ее название, полемический контекст ее замысла, структурно-композиционные особенности, характерные приемы и концептуальные идеи, на оригинальности которых так настаивал автор.

[1] В этом году помимо многочисленных докладов, воспоминаний и статей в сборниках, приуроченных к годовщине смерти поэта, вышли в свет: Памяти Александра Блока. Пб. : Вольфила, 1922; *Перцов П.* Ранний Блок. М. : Костры, 1922; *Бекетова М.* Александр Блок: Биогр. очерк. Пб. : Алконост, 1922; Памяти А.А. Блока [Сб.] / сост., предисл. и коммент. П. Медведева. Пб. : Полярн. звезда, 1922; *Княжнин В.Н.* Александр Александрович Блок. Пб. : Колос, 1922; *Белый А.* Поэзия слова: Пушкин. Тютчев. Баратынский. Вяч. Иванов, А. Блок. Пб. : Эпоха, 1922.

2

Обратимся прежде всего к заглавию – «Книга об Александре Блоке». Почему Чуковский остановился на таком лапидарном и в то же время тавтологичном названии, намеренно подчеркнутом нами в удвоении опорного слова? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, проще всего сравнить заголовочную модель Чуковского с ближайшими аналогами. Первый из них – это книга В.Л. Львова-Рогачевского «Две правды. Книга о Леониде Андрееве (с иллюстрациями)» (1914), где нужное нам словосочетание представляет собой жанрово-тематический подзаголовок, уточняющий броское, абстрактное-антиномичное заглавие. Уже на уровне заголовочного комплекса понятно, что автор будет описывать жизнь писателя, воплотившего в своем творчестве трагические противоречия времени.

Второй прецедент – «Книга о Леониде Андрееве» (1922), которая вышла в свет практически одновременно с книгой Чуковского. Но хотя названия двух изданий аналогичны, они принципиально отличаются по типу и структуре. «Книга о Леониде Андрееве» имеет подзаголовок «Воспоминания»: это сборник, включающий мемуары современников о покойном художнике (Горького, Блока, Андрея Белого, Замятина, Телешова, Чулкова, Зайцева и того же Чуковского), отдавших дань памяти ушедшему писателю, а вместе с ним и всей дореволюционной эпохе, связанной с его именем. «Книга об Александре Блоке», напротив, дает сугубо индивидуальный взгляд Чуковского-критика на поэтический путь Блока, опираясь исключительно на анализ его произведений, без привлечения личных воспоминаний. Отличия и от биографической книги Львова-Рогачевского, и от сборника мемуаров разных авторов, таким образом, очевидны, но все же можно уловить и общие для всех трех примеров эпические интенции. У Чуковского в лексеме «книга», вынесенной в заголовок, на первый план выступает не нарицательное, а собственное значение. Иными словами, заглавие настраивает читательское восприятие «Книги об Александре Блоке» как сочинения особого рода, подчеркивая его новизну, целостность и значимость.

В то же время в приведенных выше цитатах из дневников и писем Чуковского бросается в глаза не только исключительность названия первой книги, но и его определенная двойственность, поскольку разные графические варианты написания проявляют семантическую неоднозначность заглавного словосочетания. Когда оно пишется со строчной буквы, без кавычек, ключевая лексема «книга» тяготеет к нарицательности (тип печатного издания). Когда же оно дается в кавычках и с про-

писной буквы, в нем сразу же выдвигается на первый план семантика собственного наименования, его единичность, уникальность, усиленная связкой с именем художника par excellence. Минималистское заглавие тем самым приобретает эпический размах и историческую весомость: это *Книга о гениальном Поэте*, ставшем символом литературной эпохи. Если же присоединить к этой формуле характеристику самого Чуковского как «единственного русского критика нашего времени», данную матерью Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух, в письме от 23 февраля 1921 г. [8. С. 317], то получим наиболее вероятный смысл названия: «Книга об Александре Блоке» – это единственная в своем роде книга *первого критика* о *первом поэте* эпохи.

Думается, что предложенная трактовка может пояснить тот радикальный (и малопонятный) поворот, который произошел в отношениях Блока и Чуковского после Октября 1917 г. Общеизвестно, что до революции молодой критик-фельетонист вызывал у поэта исключительно резкую неприязнь; что их сблизила только суровая пореволюционная реальность, в условиях которой творческая интеллигенция, признавшая новую власть, совместно участвовала в культурно-просветительских начинаниях того времени. В поздних дневниках Чуковский описал этот резкий разворот Блока в свою сторону, используя выразительный прием контрастного параллелизма: «Как нежно любил он меня в предсмертные годы, цеплялся за меня, посвящал мне стихи, писал необычайно горячие письма – и как он ненавидел меня в 1908–1910» [1. Т. 13. С. 223].

В дневнике же 1919–1921 гг. зафиксирован процесс постепенного разрушения стены между поэтом и критиком. Первая запись, сигнализирующая о начале нового этапа, датируется 9 декабря 1919 г.: «Сегодня я впервые заметил, что Блок *ко мне благоволит*» [1. Т. 11. С. 279]. На волне взаимного интереса в начале 1920 г. и начинается подготовка книги. Блок в ретроспективной записи от 25 мая 1921 г. прямо связывает изменение своего отношения к критику с этой работой: «Чуковский написал обо мне книгу и читал ряд лекций. Отсюда – наше сближение» [9. Т. 7. С. 421]. Значит, не революция сама по себе, не бесконечные ежедневные заседания, а именно творческий замысел книги стал катализатором «узнавания» Блоком в бывшем недруге своего единомышленника.

История возникновения этого замысла изложена в предисловии к первой редакции «Книги об Александре Блоке»: «В начале 1920 года во время яростных нападок заграничной печати на поэму Блока “Двенадцать” мне захотелось осветить эту поэму по-своему и показать, как ошибаются те, кто видит в ней апологию современного быта. Мне было

ясно, что эта поэма неразрывно связана со всем предшествующим творчеством Блока и что понять ее может лишь тот, кто близко знаком с этим творчеством» [3. С. 8].

Это высказывание дает основание для реконструкции двойного полемического контекста создания книги. В первую очередь она была нацелена на опровержение политически или идеологически ангажированных трактовок поэмы Блока, преобладающих в восприятии современников. А во вторую, не менее, если не более важную, – Чуковский намеревался «осветить поэму по-своему», доказать, что его собственный критический метод наиболее адекватен «предмету» анализа – в противовес господствующим подходам к поэзии, прежде всего формалистическим и научным (ср. оценку лекции Гумилева о «Двенадцати» как «вздор» [1. Т. 11. С. 253]). Обе задачи не могли не вызвать сочувственный интерес Блока к будущей книге и к эстетическим установкам ее автора, неожиданно оказавшегося близким в понимании природы поэтического творчества.

Основные положения своей «универсальной критики», ее сходство и различие с формальным методом Чуковский изложил в письме к Горькому, которое датируется концом 1920 – началом 1921 г., т.е. временем, когда работа над книгой о Блоке шла полным ходом. Поводом к этому письму была горьковская рецензия на лекцию Чуковского «Ахматова и Маяковский» (1920). Отвечая на частные замечания, критик выходит на концептуальные обобщения. Для характеристики писателя, утверждает Чуковский, важны не его «мнения и убеждения», а его «органический стиль», те «инстинктивные, бессознательные навыки творчества», которые сам писатель может не замечать. «Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастия его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам, и на основании этого чисто формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя <…> нужно на основании формальных подходов к матерьялу конструировать то, что прежде называлось душою поэта» [1. Т. 14. С. 446–447].

Нельзя не заметить, что принципу «от анализа стиля – к душе художника» Чуковский был верен и в своих дореволюционных критических статьях. Приведенные выше формулировки имеют более четкое терминологическое облачение в силу их полемической заостренности. Но, строго говоря, ту же мысль можно найти в эпатажном предисловии к 3-му изданию его дебютной книги «От Чехова до наших дней» (1908), где критик уподобляется Пинкертону. Его основная задача – выследить (по стилистическим «уликам») «особый пункт помешательства» у каж-

дого писателя, выявить «то заветное и главное, что составляет самую сердцевину его души, и выставить эту сердцевину напоказ» [1. Т. 6. С. 29].

Удивительно, что в 1900-е гг. Блок не увидел за фельетонной маской Чуковского эстетическую позицию, во многом близкую ему самому. Взять хотя бы основной тезис его реферата «Генрих Ибсен» (1908): «Стиль всякого писателя так тесно связан с содержанием его души, что опытный глаз может увидать душу по стилю, путем изучения форм проникнуть до глубины содержания» [6. Т. 8. С. 68]. Чуковский первым подписался бы под ним – и на заре своей критической карьеры, когда Блок презрительно оценивал его фельетоны как «легкомысленное порхание, настоящее хамство» [10. С. 121], и на ее закате, в начале 1920-х гг., когда он «вынужденно покидал амплуа критика» [1. Т. 8. С. 20].

Однако после революции Блок и Чуковский оказываются по одну сторону баррикад не только в общественно-политическом, но и в эстетическом плане. Стоит только сопоставить их полемические выпады против формализма В. Шкловского и «научного подхода» к поэзии, практикуемого Н. Гумилёвым, чтобы убедиться в поразительном единомыслии поэта и критика. Но если для Блока главным объектом полемики был Гумилёв и акмеизм, а формалисты – на втором плане, то для Чуковского, наоборот: позицию критика определяло прежде всего противостояние формальному подходу. Гумилёв же в его восприятии – просто поддельщик, который мелет «вздор о правилах для писания и понимания стихов», «Сальери, который даже не завидует Моцарту». Слова Гумилёва о том, что «Блок *бессознательно* доходит до совершенства, а он – сознательно» [1. Т. 11. С. 317], Чуковский воспроизвел в воспоминаниях «Последние годы Блока», в контексте принципиально важной оппозиции гения и ремесленника.

Большое значение для понимания полемического контекста создания «Книги об Александре Блоке» дают три описания встречи Чуковского с Блоком в домашнем кругу поэта в начале января 1921 г. Первое принадлежит самому Чуковскому. В его дневниковой записи от 12 января отмечены только те моменты разговора, которые были связаны с подготовкой книги, направленной против хулителей «Двенадцати» [1. Т. 11. С. 316–317]. Однако из вышеупомянутого письма матери поэта ясно, что, помимо будущей книги о Блоке, обсуждался также первый номер альманаха «Дракон» (Пг.: Цех поэтов, 1921), в том числе и вопрос о достойном отпоре Гумилёву, чья статья «Анатомия стихотворения» была опубликована там же. Единственным критиком, который мог бы сказать «по этому поводу что-нибудь талантливое и меткое», по убеждению корреспондентки, был Чуковский [8. С. 317–318]. Наконец, третье свидетельство, суще-

ственно уточняющее ситуацию, содержится в письме Е.Ф. Книпович к П.Н. Зайцеву от 18 марта 1924 г. Она вспоминает о том, что все члены домашнего круга поэта, возмущенные содержанием альманаха «Дракон», все – и мать Блока, и она сама, и «отчасти сам Александр Александрович подбивали К.И. Чуковского как прекрасного полемиста выступить против них. Но Чуковский уверил, что “не талантлив” и не может, и предложил Ал.Ал. написать самому статью об акмеистах для второго номера журнала “Дом Искусств”» (цит. по: [11. С. 260–261]).

Отказ Чуковского оказался плодотворным как минимум в двух отношениях. Во-первых, Блок внял совету и к апрелю того же года написал свою последнюю статью ««“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)»; она предназначалась для первого, майского, номера «Литературной газеты», который так и не вышел [12. С. 95–96]. А во-вторых, в «Книгу об Александре Блоке» Чуковский включил главку «Душа», полностью посвященную защите творческой индивидуальности художника, его самобытной души, определяющей оригинальность его поэтического стиля – защите от тогдашних, научных и формалистических, методов анализа. «Знаю, что теперь непристойно это старомодное, провинциальное слово, что, по нынешним литературным канонам, критик должен говорить либо о течениях, направлениях, школах, либо о композиции, фонетике, стилистике, эйдологии, – о чем угодно, но не о душе, но что же делать, если и в композиции, и в фонетике, и в стилистике Блока – душа!» [3. С. 32]. Трудно не обратить внимания на совпадение с утверждением Блока в статье «Без божества, без вдохновенья…» о том, что Гумилёв и «акмеисты» «топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма; <…> в своей поэзии (а следовательно, и в себе самих) они замалчивают самое главное, единственно ценное: *душу*» [9. Т. 6. С. 183].

Если бы не было достоверно известно, что Чуковский и в дореволюционной критике стремился выявить «душу художника», можно было бы воспринимать названную главку как почти дословный пересказ давней статьи Блока «О лирике» (1907), тем более что из нее дается прямая цитата. Однако факты упрямо настаивают на том, что перед нами не элементарное заимствование идей, а скорее совпадение глубинных эстетических ритмов поэта и критика, редчайшая встреча *идеального поэта* с *идеальным читателем.*

3

Как отмечалось Е.Ц. Чуковской, первая редакция «Книги об Александре Блоке» претерпела в дальнейшем серьезные изменения под

воздействием критических оценок матери Блока. Письмо А.А. Кублицкой-Пиоттух от 29 января 1922 г. – очень важный документ, позволяющий проследить, какие замечания Чуковский учел, а какие нет, включая исправленный вариант первоначального текста в книгу «Александр Блок как человек и поэт» в качестве второй ее части. Отмечая, что в книге «много ценного и хорошего: о Двенадцати, о ветре, о Душе, о Серафиме, об “отъединенности”», что все эти определения исключительно оригинальны («Ни у кого я еще этого не встречала, не говоря уже об общей яркости, живости, талантливости…»), – основным ее недостатком Александра Андреевна признала «фельетонность»: «Подразделение на кусочки с названиями придает газетный характер, и все приемы, подходы и многие словечки – чисто фельетонные» [8. С. 319].

Е.Ц. Чуковская прокомментировала правку для второй редакции, но остались незатронутыми отдельные моменты, требующие уточнения и дополнения. Так, по поводу «подразделения текста на кусочки» справедливо сказано, что «в первом издании книга была разбита на множество мелких главок, снабженных заголовками», однако из всех заголовков в качестве примера приводятся только 4, причем выборочно [8. С. 317]. Чтобы продемонстрировать своеобразие анализируемой книги, имеет смысл рассмотреть этот вопрос подробнее. Это тем более важно, что в издании 1924 г. структура приобрела строго лаконичный характер: в ней три части, названные единообразно (*Первая / Вторая / Третья книга стихов*); вместо заголовков внутренних главок появилась нумерация; осталось на месте только название главы «Двенадцать», но сама она (как и две финальные главки) с явным нарушением хронологии вошла в состав *Третьей книги стихов*.

Для первой же редакции показателен весьма разветвленный многоуровневый заголовочный комплекс, куда входят названия частей и главок (в совокупности их 40). Это выглядит так.

Вступление (неозаглавленное) включает 6 главок: «Кто-то», «Без подлежащего», «Туманы», «Сны», «Криптограммы», «Тайны».

«Стихи о Прекрасной Даме» – 11: «Свет и тьма», «Лучезарная», «Святая», «Девственная», «Строгая», «Раб», «Двуликий», «Владимир Соловьев», «Преображение», «Иенские романтики», «Душа».

«Книга вторая» – 6: «Кабак, болото, город», «Люди», «Серафим поневоле», «Двойственность», «Инерция звуков», «Синкретизм».

«Книга третья» – 14: «Для всех», «Ночь», «Страшный мир», «Пустота», «Люди», «Смех», «Смерть», «Разоблачение любви», «Гибель», «Ветер», «Россия», «Наша. Моя», «Дикий», «Русь – вихрь и хаос».

Затем идут еще три главы: «Двенадцать», «Радость» и «Роза и крест», ради которых, собственно, и создавалась книга.

В среднем текст рубрицируется через 1–2 страницы; но встречаются и более мелкие «кусочки», когда на одной странице – два подзаголовка или озаглавлен небольшой абзац. Есть даже случай, когда название вклинивается прямо в середину предложения, разбивая его на два абзаца. Вполне понятно, почему мать Блока восприняла такую структуру как фельетонное мельтешение фрагментов. Тем не менее в последовательности этих заголовков есть своя логика. Их можно рассматривать как структурные компоненты сюжета каждой части в отдельности и всей книги в целом, как своего рода тезисный план, фиксирующий малейший поворот мысли автора. Более того, названия главок в первых трех частях (за исключением финальных) – это, по сути, ключевые слова в тексте «лирической трилогии» Блока, выявленные в результате микроанализа. Прием нахождения семантических доминант, укрупнения деталей и остроумного обыгрывания их в сюжете критической статьи – один из самых показательных для Чуковского-критика [5. С. 243–275].

Правда, обычно этот прием сочетался у Чуковского с иронической или пародийной интонацией, благодаря чему его литературно-критические фельетоны прославились, по точному выражению Брюсова, как «блистательные карикатуры». В случае же с Блоком дело обстоит совершенно иначе. Справедливо было отмечено, что «Чуковский, человек иронический, насмешливый, острый, едкий – даже в записях, сделанных для себя одного, на страницах своего личного Дневника сразу меняет тон, чуть заговаривает о Блоке» [7. С. 235]. В книге о поэте автор также непривычно серьезен и благоговеен, не прибегая к отработанным сатирическим приемам.

За счет этого отчетливо проступила его эстетическая концепция, которая раньше скрывалась за фейерверком остроумных афоризмов и парадоксов. На наш взгляд, она проявляется в финальных главках первых трех частей. Можно заметить, что они каждый раз выпадают из ряда заголовков (ключевых слов), заданного блоковским сюжетом «трилогии вочеловечивания». Отличаясь от других, они вступают в смысловые отношения между собой, обнажая концептуальную схему, важную для автора книги.

Речь идет о главках «Душа» (1 ч.), «Инерция звуков» и «Синкретизм» (2 ч.), «Русь – вихрь и хаос» (3 ч.). Первая из них, как уже отмечалось, полемична: она доказывает оригинальность и самобытность поэта самого по себе, его *души*, вне всяких литературных, философско-религиозных и мистических течений, направлений, научных классифи-

каций и т.д. Алогичность появления последних главок во второй части подтверждается примечанием автора о том, что они посвящены всем трем книгам лирики. Главка «Инерция звуков» (самая большая по объему во всей книге) представляла сугубый интерес для автора, который в это время увлеченно занимался изучением звукописи и стихосложения под прицельным огнем критики формалистов. Вместе с главкой «Синкретизм» она посвящена описанию фонетической и образной «магии поэзии Блока», которая действовала на современников «как луна на лунатиков».

Что же касается главки «Русь – вихрь и хаос», то ее отличие заключается только в формулировке заглавия: это не ключевые слова, это синтетическое суждение, функция которого – провозгласить органическую связь дореволюционного творчества поэта и его «Двенадцати». В следующей главе, посвященной непосредственно анализу поэмы, все основные идеи этой части получают окончательное завершение. Здесь встречаем такие утверждения: Блок – «Великий, Всероссийский, Всенародный Поэт»; «он герой Достоевского»; «Россия – это ветер, ветер бродяг и бездомников»; именно такую Россию любил поэт, «нищую, униженную, дикую, хаотическую, несчастную, гибельную, потому что таким он ощущал и себя, потому что он всегда любил отчаянно, – сквозь ненависть, самопрезрение и боль» [3. С. 61–80].

Из всего вышесказанного следует, что все финальные главки первых трех частей – это смысловые звенья эстетической концепции национального гения: уникальная душа поэта – уникальный дар стихийно-пассивной музыкальности – органическая связь музыкальной души поэта с музыкой национальной души. Все они подводят к вершине творчества Блока, который, по Чуковскому, давно был бессознательным «певцом революции – фантастической, национальной, русской». Доказывая, что «Двенадцать» – «национальная поэма о России», Чуковский подчеркивает, во-первых, ее «самый крайний национализм» в духе Достоевского (главный вопрос для Блока, как и для Достоевского, «с Богом ли русская революция или против Бога»). А во-вторых, ее музыкальное совершенство: ритмическое многообразие поэмы – «музыка революции» – преображает страшную реальность в высшую гармонию искусства. Рассуждения Чуковского о национальном характере поэмы и его музыкальном воплощении аккумулируются в афоризме, который и составляет соль его интерпретации «Двенадцати»: «Если это и частушка, то – сыгранная на грандиозном орга́не» [3. С. 61–80].

Приведем также цитату, которая является апогеем и главки «Двенадцать», и всей книги в целом: «Я назвал его поэму “Двенадцать” гени-

альной. Блок для моего поколения – величайший из ныне живущих поэтов. Вскоре это будет понято всеми. Его темы огромны: Бог, любовь, Россия» [3. С. 88]. В примечании к этому фрагменту Чуковский сообщил, что произнес «это ответственное слово» о гениальности еще при жизни поэта, на вечере в Петербурге в Большом Драматическом театре 25 апреля 1921 г. Тем самым он не только акцентировал свой приоритет в признании Блока национальным гением, а «Двенадцати» – гениальным произведением, но и продемонстрировал собственную критическую проницательность, плодотворность своего критического метода в целом, который пережил свой «звездный час» в истолковании поэмы Блока в контексте всего его творчества.

На фоне огромного количества отзывов о «Двенадцати» (см. исчерпывающий обзор откликов современников [6. Т. 5. 312–371]) концепция Чуковского, таким образом, выделяется заострением двух моментов: органической связи поэмы «Двенадцать» со всем предшествующим творчеством Блока и национального характера его гения в целом. В этом критик действительно оказался первым. Даже Андрей Белый впервые публично провозгласил, что Блок – «поэт Русский, с большой буквы», уже после его смерти, на заседании Вольфилы памяти поэта 28 августа 1921 г., избегая при этом слова «гений» [13. С. 235].

О нетривиальности трактовки Чуковского свидетельствует, в частности, восприятие «Книги об Александре Блоке» Ф.К. Сологубом. Последний сразу отметил новизну мысли о том, что Блок – великий национальный поэт, но увидел в ней «чистое злоехидство» критика, прекрасно показавшего, что весь свой национализм Блок «просто построил по Достоевскому. Здесь нет ничего своего» [1. Т. 12. С. 38–39]. Это мнение, прямо противоположное замыслу автора, говорит о том, что его книга натыкалась на инерцию читательского ожидания, настроенного только на остроумное «злоехидство» Чуковского в адрес прославленных писателей.

Насколько сильна была эта инерция, можно заключить и по тонкому отзыву, принадлежащему талантливому, рано умершему «серапиону» Льву Лунцу. В неопубликованном при жизни обзоре «Посмертная литература о Блоке» (1922) он уделяет книге Чуковского много внимания. Ее ждали с особым нетерпением, подчеркивает рецензент, поскольку знали, что Чуковский начал свою работу еще до смерти Блока. Особенно важно, что оценка книги начинается с определения специфики дарования автора: он «не ученый и не критик, а *беллетрист*», «*сатирик*, и только сатирик», который «как никто, умеет осмеивать недостатки, “приканчивать” писателя». Книга в целом не удалась, считает Лунц, потому что в ней Чуковский изменил своему таланту: «Сатирик считает Блока вели-

ким поэтом, но *доказать* этого не может»; «Вместо эффектного сюжетного построения – логическое, хуже того, научное развитие статьи», оно «погубило сатирика», лишило его произведение «прежней остроты и единства композиции» [14. С. 397–398].

В этом есть доля правды. По удачному определению Е.В. Ивановой, Чуковский был «выдающимся мастером разгромного фельетона, отрицательным рецензентом по призванию» [1. Т. 6. С. 14–15]. «Книга об Александре Блоке» в этом смысле действительно не критична, она апологетична. Но вот вопрос: почему? Почему Чуковский ни разу не заставил нас улыбнуться, почему он непривычно серьезен и даже патетичен?

Рискнем выдвинуть два предположения, которые, по сути, обобщают все, изложенное выше. Первое из них связано с психологией творчества. По дневникам Чуковского хорошо видно, как мучительно рождалась книга: «В сотый раз я берусь писать о Блоке – и падаю под неудачей. “Блок” требует уединенной души», – пишет он в октябре 1920 г. [1. Т. 11. С. 301], и таких признаний немало. Спору нет, действительно, Чуковский, как и многие его современники, был страшно замотан работой во всевозможных комиссиях, добыванием средств к существованию многодетной семьи, недосыпанием, голодом и т.д. и т.п., но не в этом только дело. А в том, что критик не мог найти нужный ритм и тон для своей книги о Блоке: «Боюсь, что он у меня вял и мертв» [1. Т. 11. С. 326]. Любопытно, что именно в связи с подготовкой лекции о Блоке для вечера поэта в Большом Драматическом театре в записях Чуковского появляются размышления о собственных статьях, «фальшивых и неприятных для чтения», потому что писались как лекции, по законам драмы: «Здесь должно быть действие, движение, борьба, азарт – никаких тонкостей, все площадное» [1. Т. 11. С. 329]. Очевидно, что в книге (как и в лекциях) о Блоке автор не мог позволить себе «площадных», азартных приемов, неадекватных «предмету», сознательно уходил от прежнего стиля своих фельетонов, неуместного в большой книге с эпическим названием. Однако репутация бежала впереди него. Так, в пандан к упреку в «фельетонности» книги, высказанному матерью *первого поэта эпохи первому русскому критику*, прозвучал один из откликов на лекцию Чуковского о Блоке, где «равновеликость» обоих была уловлена языком газеты: «Один – король поэтических теноров», «второй король фельетонистов-критиков» (Жизнь искусства. 1921. № 727–729. 11–13 мая).

Еще одно предположение основано на эстетической теории Чуковского, которая просматривается в логической взаимосвязи финальных главок первых трех частей книги. Если ее игнорировать, то провозглашение Блока национальным гением в главке «Двенадцать» выглядит

скорее декларативным, чем доказательным. И здесь зададимся еще одним вопросом. Зачем Чуковскому понадобились две главки после «Двенадцати»? Ведь изначальная задача – продемонстрировать органическую взаимосвязь дореволюционного творчества Блока и революционной поэмы – уже была решена. Ответ напрашивается сам собой. В главках «Радость» и «Роза и крест» Чуковский выходит на свою «единственную тему – душа как источник творчества» [1. Т. 7. С. 532], на главную цель своего метода: через анализ стиля раскрыть сущность *души* поэта.

Об алгоритме достижения этой цели критик проговаривался еще в дореволюционных статьях. Схематично три этапа критического анализа выглядят так. Первый – интуитивное проникновение в душу художника: «Как будто поэт на время дал вам свое сердце, свои нервы, превратил вас на время в себя, сделал своим двойником <…> здесь душа говорит душе» [1. Т. 7. С. 530]. Настоящий критик – артист, умеющий перевоплощаться в писателей, чье творчество он изучает. Этим творческим взаимопроникновением, отметим попутно, объясняется стилизация и пародия, к которым прибегал Чуковский, используя «чужое слово» как свое, или, по Бахтину, внедряя свой *голос* в *голос* другого, с разной степенью сближения или отстранения. Второй этап – аналитический. Здесь критик сталкивается с «мучительной» задачей адекватно выразить свое интуитивное прозрение. Для этого он начинает тщательно анализировать текст, выискивать те выразительные детали и приемы, которые говорят о самом главном, «вводят нас в “душу души”, схватывают самую сущность предмета или хоть исподволь подходят к нему» [1. Т. 7. С. 531]. Наконец, третий – это *рассказ* о своем постижении души художника, о его сокровенном отношении к жизни, к человеку, к искусству. Модус этого повествования зависит, во-первых, от степени совпадения внутреннего ритма души писателя и души критика; во-вторых, от осознания близости/чуждости их жизнеощущения, которое передается читателю через интонацию и инсценировку критических оценок. Чем ближе к идеалу прекрасного художник, тем серьезнее и почтительнее критик, чем дальше – тем ядовитее и беспощаднее его смех. В рамках этой феноменологии творчества понятна непривычная для Чуковского тональность его книги о Блоке, благоговейная и апологетическая. Последние главки, завершая анализ поэтического стиля, синтетически обобщают опыт авторского узнавания души гениального Блока.

В главке «Радость» [3. С. 87–91] Чуковский утверждает, что Блок «всегда был поэтом радости. В глубине глубин его поэзия есть именно радость – о жизни, о мире, о Боге». Отсюда вытекает телеологическое

понимание назначения искусства и природы художественного творчества, которое Чуковский формулирует чуть ли не в духе Вячеслава Иванова: «Поэт всегда говорит миру *да*, даже когда говорит ему нет. Творчество всегда есть приятие мира, в творчестве победа над иронией и смертью». Точно задействуя важные для него представления о бессознательности творчества и интуитивном характере его восприятия, Чуковский признается в том, что поколение Блока («наше поколение») «ощущает» его светлым и радостным, он «бессознательно воспринимается всеми как лучезарный и гармонически-радостный», несмотря на «свои хаосы, мятели и кощунства».

В последней же главке – «Роза и крест» [3. С. 92–94] – раскрывается сокровенный мотив этой радости творчества, которой оправдывается жизнь, – *бесцельность*. Вынося в заголовок название произведения, которое оценивается как «мудрейшее» из всего написанного Блоком, критик венчает книгу своей излюбленной идеей бесцельности, которая определяла его юношескую концепцию Самоцели, самоцельного бытия и творчества, основанную на учении Канта о прекрасном как «целесообразности без цели» [15. С. 5–7].

По Чуковскому, Блок «всегда был Бертраном», для которого «мир не Балаганчик»: «он побеждает мировую чепуху – своим бесцельным страданием, и замечательно, что слово *бесцельный* стало у Блока любимейшим». Почему «замечательно»? Да потому что в иерархии ценностей Чуковского бесцельное или самоцельное творчество занимало высшее место, а Блок был для него образцовым художником, до конца сохраняющим верность высшей художественной правде.

О принципиальной важности финала книги для ее автора говорит тот факт, что Чуковский не изменил его во второй редакции, несмотря на возражения матери Блока: «О бесцельности хорошо сказано у Тютчева в стихотворении “Мужайтесь, о, други”. Тут у Вас тоже не то» [8. С. 319]. Строки из песни Гаэтана Чуковский заменил на слова Тютчева, но само положение оставил неизменным: «Нас не запугаешь бесцельностью».

Это упорство критика, благодарно принявшего почти все замечания самого близкого Блоку человека, позволяет и в его «ответственных» словах о гениальности Блока увидеть кантовскую теорию прекрасного как искусства гения. Основное качество гения по Канту – образцовая оригинальность: «*...гений* – это врожденная способность души (ingenium), посредством которой природа дает искусству правила». Гений бессознательно и независимо от своей воли творит исключительно новое, небывалое; «посредством гения природа предписывает правила не науке, а искусству, и это лишь постольку, поскольку оно должно

быть прекрасным искусством» [16. С. 180–181]. Блок и был для Чуковского образцом стихийного гения, через которого творит сама природа. Душа гениального художника – это всеобщая душа, звучащая в прекрасной гармонии музыкального ритма и формы, оправдывающей мир красотой. Душа национального гения – душа русского народа, которая и воплотилась в гениальных «Двенадцати».

Именно эта концепция, по нашему мнению, определяет самобытность первой «Книги об Александре Блоке». Недаром Чуковский так дорожил ею всю жизнь, помня об уникальном случае, выпавшем на его долю: о встрече с гениальным поэтом, постигая стиль и душу которого, он, критик, хоть на час мог приблизиться к тайне его дарования, стать выше себя самого, вровень с ним и даже претвориться в него, эмпатийно переживая магию блоковских ритмов.

Но литературно-критическое своеобразие «Книги об Александре Блоке» было уловлено далеко не всеми современниками. Проницательнее всех оказался А. Вольский, ухвативший, как представляется, самое главное. «Об этой ценной книге можно было бы написать книгу», – заметил он, назвав ее «самой любопытной из написанного о Блоке»: она «замечательна не только по содержанию, но и по методу, намечающему путь синтеза между “формальным” и “эстопсихологическим” приемами исследования художественных произведений» (Накануне. 1922. 29 сент.).

Список источников

1. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.

2. Иванова Е.В. Чуковский и формалисты // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М. : НЛО, 2017. С. 480–486.

3. Чуковский К.И. Книга об Александре Блоке: Пб. : Эпоха, 1922. 121 с.

4. Петровский М. «Двенадцать» Блока и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М. : Наука, 1981. С. 203–232.

5. Добин Е. Сюжетное мастерство критика // Добин Е. Сюжет и действительность. М. : Сов. писатель, 1981. 432 с.

6. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., СПб. : Наука, 1997–2010 (изд. продолжается).

7. Чуковская Е.Ц. Письма Блока к К.И. Чуковскому и отрывки из дневника К.И. Чуковского // Литературное наследство. Т. 92, кн. 2. М. : Наука, 1981. С. 232–272.

8. Чуковская Е.Ц. Блок в архиве Чуковского // Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. М. : Наука, 1987. С. 307–321.

9. Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л. : Худ. лит., 1960–1963.

10. Блок А.А. Записные книжки 1901–1920. М. : Худ. лит., 1965. 664 с.

11. Гумилёв Н. Сочинения : в 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М. : Худ. лит., 1991. 430 с.

12. Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95–112.

13. Александр Блок: pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб. : РХГА, 2004. 736 с.

14. Кукушкина Т.А. Л.Н. Лунц. I. Посмертная литература о Блоке. II. Новые поэты // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 383–412.

15. Кочеткова А.А. К.И. Чуковский – литературный критик 1900–1910-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 21 с.

16. Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994. 367 с.

References

1. Chukovskiy, K.I. (2012–2013) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd.

2. Ivanova, E.V. (2017) Chukovskiy i formalisty [Chukovsky and the Formalists]. In: Pilshchikov, I.A. & Levchenko, Ya. (eds) *Epokha "ostraneniya". Russkiy formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The Era of "Estrangement". Russian Formalism and Modern Humanitarian Knowledge]. Moscow: NLO. pp. 480–486.

3. Chukovskiy, K.I. (1922) *Kniga ob Aleksandre Bloke* [A Book about Alexander Blok]. Petersburg: Epokha.

4. Petrovskiy, M. (1981) "Dvenadtsat'" Bloka i Leonid Andreev ["The Twelve" of Blok and Leonid Andreev]. In: Berdnikov, G.P. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 92(4). Moscow: Nauka. pp. 203–232.

5. Dobin, E. (1981) *Syuzhet i deystvitel'nost'* [Plot and Reality]. Moscow: Sov. pisatel'.

6. Blok, A.A. (1997–2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Collection of Works and Letters: in 20 vols]. Moscow, St. Petersburg: Nauka.

7. Chukovskaya, E.Ts. (1981) Pis'ma Bloka k K.I. Chukovskomu i otryvki iz dnevnika K.I. Chukovskogo [Aleksandr Blok's letters to Korney Chukovsky and excerpts Chukovsky's diary]. In: Berdnikov, G.P. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 92(2). Moscow: Nauka. pp. 232–272.

8. Chukovskaya, E.Ts. (1987) Blok v arkhive Chukovskogo [Aleksandr Blok in Chukovsky's archive]. In: Berdnikov, G.P. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 92(4). Moscow: Nauka. pp. 307–321.

9. Blok, A.A. (1960–1963) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

10. Blok, A.A. (1965) *Zapisnye knizhki 1901–1920* [Notebooks 1901–1920]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

11. Gumilev, N. (1991) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

12. Ustinov, A. & Sazhin, V. (1991) Ozhog. K istorii nevyshedshey "Literaturnoy gazety" 1921 goda [Burn. On the history of the unpublished "Literaturnaya Gazeta" of 1921]. *Literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 95–112.

13. Gryakalova, N.Yu. (ed.) (2004) *Aleksandr Blok: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov* [Alexander Blok: pro

et contra. The personality and work of Alexander Blok in criticism and memoirs of his contemporaries]. St. Petersburg: Russian Chistian Academy for the Humanities.

14. Kukushkina, T.A. (2004) L.N. Lunts. I. Posmertnaya literatura o Bloke. II. Novye poety [Lev N. Lunts. I. Posthumous literature about Blok. II. New Poets]. In: Izmaylov, N.V. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2000]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 383–412.

15. Kochetkova, A.A. (2004) *K.I. Chukovskiy – literaturnyy kritik 1900–1910-kh godov* [Korney I. Chukovsky – a literary critic of the 1900s–1910s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

16. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgment]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.

Информация об авторе:
Федотова С.В. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН им. А.М. Горького (Москва, Россия). E-mail: lucia-th@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.V. Fedotova, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lucia-th@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023;
одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.06.2023

The article was submitted 29.05.2023;
approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 28.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 45–65.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 45–65.

Научная статья
УДК 930.2:94(47+57):76“1940/1960”
doi: 10.17223/23062061/32/3

СОВЕТСКАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЛАКАТОВ И КАРИКАТУР 1946–1964 гг.

Егор Андреевич Федосов[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, E.A.Fedosov@yandex.ru*

Аннотация. Предпринимается источниковедческий анализ плакатов и карикатур СССР периода 1946–1964 гг. Дается характеристика их свойств и особенностей как средства визуальной пропаганды. На основе обобщения общетеоретических работ, публицистических заметок и мемуаров художников, публикаций искусствоведов и критиков, а также архивных документов реконструируются организационные, профессиональные и психологические аспекты выпуска материалов данного типа. Предлагаются методики, позволяющие систематизировать и интерпретировать содержание большого массива пропагандистских источников, созданных в контексте холодной войны.

Ключевые слова: СССР, холодная война, визуальная пропаганда, плакат, карикатура, издательская деятельность, контент-анализ

Для цитирования: Федосов Е.А. Советская визуальная пропаганда в условиях холодной войны: опыт источниковедческого анализа плакатов и карикатур 1946–1964 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 45–65. doi: 10.17223/23062061/32/3

Original article

SOVIET VISUAL PROPAGANDA IN THE CONDITIONS OF THE COLD WAR: AN EXPERIENCE OF A SOURCE-STUDY ANALYSIS OF POSTERS AND CARICATURES OF 1946–1964

Egor A. Fedosov[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation E.A.Fedosov@yandex.ru*

Abstract. The article presents a source-study analysis of Soviet posters and caricatures of 1946–1964. The author characterizes their properties and features as means of visual propaganda. He considers organizational, professional and psy-

© Е.А. Федосов, 2023

chological aspects of producing of this kind of materials based on the generalization of theoretical works, journalistic notes and memoirs of artists, publications of art critics, and archival documents. The author also studies the problem of reconstructing the system of verbal and non-verbal images that were forming during the Cold War and using methodologies for interpreting the content of a huge array of the propaganda (several thousand samples). The main resources for collecting the posters were open-access virtual catalogues of libraries, museums, auction houses and online-markets, private collections, thematic websites, photocopies from the Soviet or modern printed publications. The source of caricatures was periodical press, represented by the central party newspaper *Pravda*, the USSR's main satirical magazine *Krokodil* and the Soviet artists' profile newspaper *Sovetskoe iskusstvo* (*Sovetskaya kul'tura* since 1953). The study shows that several levels of typologization by the technological process of creation, purposes, or genre specifics can be applied to the Soviet visual propaganda. Each type had its own features of the creative and production cycle: time frame of the preparation of the material, rigor and duration of their review, degree of influence of external factors on the final content. Besides general ideological expediency, a certain agitation or satirical topic could be determined by the direct order of the state authorities, the professional flair of poster artists or cartoonists, responses of citizens, or even interests of trade. From the formalized analysis perspective, it is expedient to arrange textual and graphical components of posters and caricatures as a list of thematic categories formed on the basis of identification and grouping of certain ideologemes, images, symbols, etc. Content-analysis procedures and obtained quantitative data reveal, with due regard to the dynamics of development and interrelationship, a sufficiently representative complex of key political metaphors that existed during the escalation of the Cold War.
Keywords: USSR, Cold War, visual propaganda, poster, caricature, publishing, content analysis

For citation: Fedosov, E.A. (2023) Soviet visual propaganda in the conditions of the Cold War: An experience of a source-study analysis of posters and caricatures of 1946–1964. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 45–65. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/3

Материальное и духовное наследие советской эпохи состоит из огромного разнообразия исторических источников. К числу малоизученных материалов следует отнести советскую визуальную пропаганду периода холодной войны. Однако именно сейчас возрастает актуальность и технический потенциал для ее глубокого исследования. Реалии информационных войн породили интерес к различным пропагандистским практикам, и в этой связи исторический опыт визуализации политических идей дает яркое представление о происхождении, функционировании и бытовании ряда образов и стереотипов. А современные компьютерные технологии позволяют сформировать крупные базы визуальных источников на общедоступных электронных ресурсах, что су-

щественно облегчает и интенсифицирует их сбор, обработку и систематизацию.

Целью статьи является комплексный источниковедческий анализ советских плакатов и карикатур 1946–1964 гг. Он включает общую их характеристику как средства визуальной пропаганды; изучение профессионально-психологического контекста ее выпуска в рассматриваемый период; описание методик, позволяющих систематизировать и типологизировать большой объем пропагандистских материалов и, тем самым, выявлять специфику лозунгов и образов, бытовавших в условиях эскалации холодной войны.

Первые исследования на тему визуальной пропаганды появились еще в СССР. Они проводились на фоне непосредственного развития политических событий и носили тогда не только научный, но и прикладной характер. С опорой на собственную профессиональную рефлексию опыт создания плакатов освещали ведущие советские художники-плакатисты В.Б. Корецкий, В.М. Брискин, В.С. Иванов, Н.Н. Ватолина [1–4]. По аналогичному принципу Б.Е. Ефимов рассматривал карикатуры [5]. Сейчас эти работы представляются не только частью историографии, но и ценным источником для понимания сущности визуальной пропаганды глазами ее авторов. Параллельно создавались исследования в области критики и искусствоведения. Так, в обобщающих трудах Г.А. Демосфеновой и Н.И. Бабуриной [6, 7] давалась оценка текущему развитию советского плаката, намечались перспективы дальнейшей работы художников. Целостное, насыщенное фактическим материалом представление о визуальной сатире дано в работе С.И. Стыкалина и И.К. Кременской [8], а также очерках М.Л. Иоффе, где развитие карикатуры в СССР показано через призму творческих биографий карикатуристов [9]. На исходе советского периода к теме визуальной пропаганды обратились психологи П.А. Кудин, Б.Ф. Ломов, А.А. Митькин [10], уделив внимание психологическим аспектам пропагандистского воздействия, проанализировав закономерности его восприятия, в том числе и зрительного.

Современное исследование плакатов и карикатур в основном протекает в рамках лингвистического, имагологического и искусствоведческого направлений. В области лингвистики особый интерес представляет теоретическая работа М.Б. Ворошиловой, посвященная так называемым креолизованным текстам – сложным политическим текстам, сочетающим вербальные и невербальные элементы и нацеленным на комплексное воздействие на адресата [11]. С точки зрения имагологии (историко-антропологической дисциплины, изучающей взаимное восприятие народов, социумов и культур) пропагандистские материалы

выступают источником формирования и закрепления различных образов. Здесь следует особо выделить работу А.В. Голубева, целиком основанную на довоенном советском визуальном материале [12]. В области искусствоведения Н.И. Бабуриной и К. Вашиком был создан фундаментальный труд об отечественном плакате [13], в котором искусствоведческие оценки сочетаются с описанием организации процесса создания плакатной продукции, включая его культурный, политический и экономический контексты на разных исторических этапах. Исследованием наглядной агитации как части социалистического искусства также занимались А.Ф. Шклярук, А.Е. Снопков и П.А. Снопков [14]. Вместе с тем крупных специальных исследований, посвященных выпуску и бытованию визуальной пропаганды в качестве образно-символического отражения политической повестки времен холодной войны, практически нет. Обычно раскрытие данных сюжетов носит фрагментарный характер, основанный на сравнительно небольшом корпусе источников.

Задача любого вида пропаганды – «распространение и утверждение в массовом сознании идеологически обусловленных систематизированных взглядов и представлений, составляющих мировоззренческие позиции личности и общества в целом» [15. С. 7]. Визуальные ее средства «позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [11. С. 95]. В этой связи плакаты и карикатуры обладают рядом преимуществ: постоянство обращения, краткость и доходчивость текстов, устойчивость и яркость зрительных образов, которые могут усиливать восприятие информации на 55% [11. С. 27]. К специфике карикатур следует отнести решающее значение графической составляющей, поскольку текстовая информация в них достаточно ограничена и порой даже необязательна [11. С. 104–105]. При этом зачастую вполне серьезные, хорошо закрепленные на ментальном уровне политические метафоры и символы здесь обретают разоблачительный комический эффект исключительно за счет манеры визуализации [11. С. 101].

Советские исследователи классифицировали плакаты по целевым установкам и принципам воздействия как пропагандистские и агитационные. Первые более пространны по содержанию и рассчитаны на длительное восприятие, подобно инструкции, тогда как вторые обычно являлись краткими откликами на какие-либо политические кампании и побуждают к определенной мысли или действию [16. С. 31–32]. Пропа-

гандистским свойствен повествовательный стиль, а также просветительские и объясняющие функции, в то время как агитационные имели лаконичный и призывный характер, нацеленный на освещение более глобальной темы и создание образа положительных героев [6. С. 68, 92, 183]. По целевому назначению выделялась также группа сатирических плакатов, направленных на разоблачение внутренних и внешних врагов СССР [6. С. 93]. По стилистическим особенностям они близки советской карикатуре. Впрочем, такое деление применимо скорее не к плакату как таковому, а к задействованным в нем образам, поскольку в пространстве одного сюжета нередко одновременно присутствовали изотексты героического и сатирического порядка. Более того, агитация, построенная на очевидном и доходчивом противопоставлении, признавалась и художниками, и зрителями «более выразительной и сильной», чем выполненная только в каком-либо одном ключе [2. С. 16]. По жанровым особенностям наряду с призывными (героическими) и сатирическими выделялись юмористические, шрифтовые и декоративные плакаты (под последними условно обозначаются агитки без изображений человека) [3. С. 7].

Кроме того, плакатные материалы различались по специфике производства, тиражу и оперативности. Наиболее массовый и многотиражный тип – это печатный плакат, объем выпуска которого достигал в среднем 100 тыс. экземпляров [1. С. 15], хотя в зависимости от значения вложенных в него призывов возможны были и большие тиражи. Так, плакатов с наиболее концептуальными политическими лозунгами «Да здравствует великая партия Ленина-Сталина, ум, честь и совесть нашей эпохи» (рис. 1) и «Да здравствует КПСС» (рис. 2) было выпущено по 500 тыс. экземпляров. Именно такие материалы с наибольшей степенью вероятности попадали на уличные агитпункты и производственные объекты, в партийные, государственные и культурные учреждения всей страны. Главным центром производства плакатной продукции являлось действовавшее в Москве и Ленинграде Государственное издательство «ИЗОГИЗ»[1]. Например, на 1958 г. им было запланировано издать 270 различных агиток [17. 10 дек.], на 1962 г. – 240 [18. 10 февр.]. При этом из докладной записки «О серьезных недостатках в издании и распространении агитационно-массовых плакатов» от 28 августа 1963 г. известно, что в целом за 1962 г. всеми печатными организациями СССР,

[1] Основано в 1930 г. С 1938 по 1953 г. также называлось «Искусство» или «Изобразительное искусство». В 1963 г. влилось в структуру издательства «Советский художник».

включая республиканские и региональные, было выпущено 1 371 наименование [19. Л. 19].

Рис. 1. Худ. Н. Ватолина (1952). URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2962943 (дата обращения: 25.05.2021)

Рис. 2. Худ. В. Иванов (1955) URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11854171 (дата обращения: 25.05.2021)

Вместе с тем объемы и направления распространения печатных плакатов порой носили не вполне рациональный характер. В феврале 1957 г. художник, редактор, теоретик наглядной агитации М. Иоффе в критической статье «Путь плаката» отмечал: в условиях, когда тираж той или иной агитки формируется по количеству заявок, собранных Главкнигторгом, предпочтение получают сюжеты на наиболее абстрактные темы, выполненные в «веселой», т.е. в многоцветно-живописной манере. Поэтому, вопреки требованиям агитационной работы, бóльший спрос и хождение имели материалы, не только не удовлетворявшие критерию оперативности, злободневности и высокой идейности, но и просто не соответствовавшие месту распространения, хотя и пригодные в качестве элемента долговременного декора: «...нельзя забывать, что плакат не только вид изобразительного искусства, не только товар, как считают книготорговцы, а плакат – прежде всего орудие массовой пропаган-

ды», – заключал М. Иоффе [17. 28 февр.]. На наличие тиражного дисбаланса в пользу агиток-«украшений» сетовал и плакатист В. Корецкий. Он подчеркивал, что выпускать только 10–15 тыс. экземпляров важного тематически и удачного по исполнению печатного плаката, вокруг которого возможно организовать эффективную работу агитаторов, явно недостаточно в масштабах СССР [1. С. 16–18]. Развлекательно-коммерческое отношение к агитации оставалось живучим. На совещании плакатистов в феврале 1959 г. художник В. Брискин вновь обратил внимание присутствующих на обычно безапелляционные реплики Книготорга – «Это у нас не пойдет! Это не понравится!» – по поводу качественных и значимых плакатов [20. 19 февр.]. Любопытно, что судьбу конкретного агитационного материала, в конечном счете, решали не властные структуры, установки которых тиражировались, не мнение редакторов или отклики зрителей, а коммерциализованная организация.

Другой выделяемый тип – трафаретно-шелкографский плакат – производился оперативно, но заведомо ограниченным тиражом, поскольку экземпляры размножались с применением ручных технологий. Благодаря относительной простоте цикла изготовления он получал распространение в военные годы: в Гражданскую и Великую Отечественную войну с общепризнанным успехом агитационные задачи выполняли Окна РОСТА и Окна ТАСС. В мирное время концепция «Окон» на постоянной основе возродилась в 1956 г. в продукции московской мастерской «Агитплаката». Здесь объем выпуска обычно не превышал 1–2 тыс. экземпляров, хотя оперативность создания, а значит и отклика на политические события, по сравнению с печатными плакатами была выше [3. С. 8–9]. При этом если печатный плакат был в основном рассчитан на всесоюзный или как минимум республиканский уровень, то данные агитки создавались для местного распространения. По этой причине во многих городах и в военное, и в мирное время выходили свои аналоги (например, «Боевой карандаш» в Ленинграде).

В отношении карикатур можно опереться на классификацию художника-сатирика Б. Ефимова. Он считал, что их следует делить не на бытовые и политические, понимая под последними сугубо внешнеполитические сюжеты, значимость которых ставилась выше, а по тематическому признаку – на международные и внутренние, призванные разоблачать с одинаковой заостренностью и негативные аспекты во внешнем мире, и социальные проблемы внутри СССР. По «характеру творческого процесса», т.е. по особенностям цикла создания, карикатурист также предлагал различать визуальную сатиру на газетную и журнальную [5. С. 49].

Критерий оперативности выхода плакатов и карикатур связан и с характером атмосферы, в которой рождались пропагандистские сюжеты, и творческой психологией людей, ответственных за их создание. Объективно жесткая подчиненность визуальной пропаганды политической конъюнктуре сказывалась неоднозначно. В отношении своих коллег в 1963 г. В. Иванов написал: «...каждый из крупных плакатистов имеет яркую индивидуальность, которая сказывается и в подходе к теме, и в приеме ее решения»; – и в ответ на замечания критиков о конъюнктурности плакатов «периода культа личности», художник призвал не абсолютизировать этот фактор: «наряду с засильем так называемых конъюнктурных работ, порой даже *субъективно искренних*, но не в меру помпезных, а, значит, *объективно ложных*… (выделено автором. – *Е.Ф.*) не переставала существовать здоровая струя, рождавшая художественные произведения большой реалистической силы, для которой никакие препоны не были препятствием» [3. С. 17].

Что касается административного влияния на характер работы над плакатами, то по наблюдениям В. Корецкого, в 1950-е гг. функции художественных советов свелись лишь к первоначальному планированию примерных текстов, т.е. лозунгов, которые нужно визуализировать, и просмотру уже готовых работ. На этапе разработки эскиза, когда обдумывались замысел и решение, обсуждение с автором практически не осуществлялось, но уже созданный плакат мог долгое время находиться на «бесконечных просмотрах», которые вели к отставанию сюжета от развития политической повестки. Не без иронии художник отмечал, что «если плакат, на удивление всем, появляется именно к тому событию, к которому он приурочен, то это празднуется в издательствах, как именины» [1. С. 12]. Более типичной была ситуация, когда в целях преодоления отставания плакатист получал заказ от издательства за много месяцев до запланированного выхода. Но в этом случае отвлеченный подход к теме, отсутствие в ней ощущения актуальной политической обстановки не лучшим образом сказывались на убедительности агитации [1. С. 15].

Так или иначе, полный публикационный цикл плаката включал несколько стадий. В многочисленных справках об издании изобразительной продукции, относящихся к осени 1953 г., степень готовности плакатов, посвященных животрепещущей на тот момент теме борьбы за мир, отражена в следующих формулировках: «в работе у автора», «переработка/переделка», «утверждение», «в производстве» и, наконец, «выход в свет» [21. Л. 137–189]. Если плакат не утверждали, то вновь наступал период переработки. С точки зрения административных ступеней плака-

тист К. Иванов[1] описал еще более многоэтапый путь эскиза, а потом и оригинала плаката: «...редактор, закрытое редакционное совещание, зав. редакцией, главный художник, главный редактор издательства и, наконец, директор, который окончательно утверждает эскиз… плюс художественный совет» [20. 19 февр.]. Недоумение художников вызывали растянутые сроки публикационного цикла, в то время как свое профессиональное предназначение они видели в актуальном отклике на политическую и социальную повестку. Насколько при рецензировании «страдала» изначальная авторская концепция плакатных изотекстов, можно судить по следующим сведениям: например, с 1948 по 1950 г. доля отправленных на доработку оригиналов плакатов увеличилась с 27 до 32%, а к концу 1952 г. достигла уже 69% [13. С. 258]. После 1953 г. рецензирование постепенно смягчалось, прежде всего за счет сокращения инстанций, контролирующих создание наглядной агитации. Жесткий контроль сохранился лишь за произведениями, содержавшими образ В.И. Ленина или же освещавшими международные и важнейшие внутриполитические темы [13. С. 259–260]. Что касается характера замечаний рецензентов, то такие из них, как «снять очки у рабочего», «исправить изображение украинца (чрезмерно широкая шея)», иначе «прорисовать левую руку колхозницы» [13. С. 258], свидетельствуют скорее о мелком администрировании, чем о большом политическом диктате. Следует также отметить, что некоторые редакторы все же принимали непосредственное участие в работе над плакатами еще на этапе разработки сюжета, фактически становясь соавторами художников, подтверждением чему являлся, например, стиль редакторской работы Е.В. Поволоцкой [13. С. 290].

Несколько иначе В. Брискин описал процесс создания агитационных материалов в мастерской «Агитплаката», возникшей по инициативе группы московских плакатистов в 1956 г. Они поставили цель на основе унаследованного от «Окон» прошлых лет боевого революционного содержания и лаконичной, выразительной формы «воспитывать в людях все лучшее, благородное и прогрессивное» и «разить происки международной реакции, борясь за мир, за международное сотрудничество, за единство рабочего класса» [2. С. 5]. Редколлегия «Агитплаката» собиралась дважды в неделю, чтобы обсудить и высказать замечания по поступавшим от Московского горкома КПСС тематическим заявкам, новым эскизам и готовым плакатам. На собрании могли присутствовать не только художники и литераторы-поэты, ответственные за изображения и тек-

[1] Не путать с В. Ивановым.

сты, но и представители промышленных предприятий, рабочих клубов, дворцов культуры, парков культуры и отдыха, профсоюзных организаций – все те, кто должен был распространять агитацию на подведомственном участке, донося ее до адресата [2. С. 8]. В. Брискин вспоминал споры вокруг той или иной агитки; противоположные мнения участников собрания, основанные на разном бытовом опыте; о том, как литераторы, выбрав близкий им сюжет, тут же писали к нему стихотворение-лозунг или, набросав несколько новых строк, подсказывали художнику свой замысел [2. С. 10, 14–15]. Все это указывает на особую атмосферу создания «Агитплакатов», едва ли возможную при слишком жестком административном нажиме.

Характер работы карикатуриста требовал еще большей идейной самостоятельности. По наблюдениям Б. Ефимова, темы для журнальных карикатур рождались на еженедельных редакционных совещаниях «в довольно шумной обстановке то серьезных, то веселых споров и препирательств» [5. С. 49–50]. Предложение конкретного сюжета могло исходить от художника, литератора-сатирика или черпаться из откликов и предложений читателей. Затем следовал двухнедельный цикл: создание карикатуры, ее обсуждение редколлегией, внесение исправлений, печать в журнале и выход в свет [5]. Иной была работа над газетными карикатурами, которые предоставлялась в очередной номер за несколько часов до его выхода. В подобных условиях художник – «сам себе и “темист”, и консультант, и художественный совет… необходимые фактические данные выясняются в кратком телефонном разговоре с соответствующим отделом редакции. А дальше карикатурист предоставлен собственной интуиции, смекалке и опыту» [5. С. 50–51]. Впрочем, его интуиция и опыт все же не обходились без внимания высшего руководства.

Показательный случай, относящийся к началу холодной войны, описан в мемуарах Б. Ефимова. В июне 1947 г. он был вызван в ЦК, где к нему обратился главный на тот момент идеолог страны А.А. Жданов: «Вы, наверно, читали в газетах сообщения о военном проникновении американцев в Арктику под тем предлогом, что им оттуда грозит “русская опасность”. Товарищ Сталин сказал, что это дело надо бить смехом <...> не возьметесь ли вы нарисовать карикатуру на эту тему. <...> Товарищ Сталин так, примерно, представляет себе этот рисунок: генерал Эйзенхауэр с целой военной армадой рвется в Арктику, а рядом стоит простой американец и спрашивает: “В чем дело, генерал? Почему такая бурная военная активность в этом мирном районе?” А Эйзенхауэр отвечает: “Разве вы не видите, что нам отсюда грозит русская опасность?” Или что-нибудь в этом роде» [22. С. 434]. За два дня художник выпол-

нил задание, изобразив, как было задумано, Эйзенхауэра и «рядового американца», а также, по своему усмотрению, дружелюбных эскимосов и столь же мирных представителей арктической фауны. Ему удалось передать ви́дение вождя, поскольку рисунок не подвергся корректировке, но подписи Б. Ефимова отредактировал сам И.В. Сталин. Он же придумал для карикатуры название – «Эйзенхауэр “обороняется”». Спустя еще два дня она вышла в номере «Правды» от 28 июня 1947 г. (рис. 3). Необычные обстоятельства создания сюжета (вождь предложил замысел, внес необходимые изменения и лично интересовался ходом работы) и политический резонанс в стране и за рубежом после его выхода натолкнули карикатуриста на мысль, что именно в ту пору был перейден Рубикон в отношениях Востока и Запада, а холодная война окончательно пошла по линии соперничества СССР и США.

С весны 1949 г. в визуальной сатире стала популярна тема помешательства на почве антисоветской истерии министра обороны США Дж. Форрестола. В частности, Кукрыниксы высмеяли эпизод, когда он, будучи в гостях у своего политического соратника А. Гарримана, с паническими криками выскочил на улицу ночью, приняв пожарную сирену за вступление Красной армии. 5 мая 1949 г. редактор газеты «Правда» П.Н. Поспелов отравил эту работу И.В. Сталину с формулировкой: «Посылаю Вам проект карикатуры худ. Кукрыниксы: “Бредовый случай в доме Гарримана”. Прошу указаний» [23. Л. 127]. Вождь изменил название на «Два друга» (так как на рисунке присутствовал и Гарриман), зачеркнул «портрет» Гитлера в комнате дома американца и предложил дополнить пространство карикатуры текстами, комментировавшими инцидент [23. Л. 128]. Можно лишь предполагать, почему Сталин внес именно такие коррективы. Видимо, акцент на дружбу с явно нездоровым Форрестолом определенным образом характеризовал и Гарримана, который тогда отвечал за распределение средств, выделявшихся по «Плану Маршалла», а изображение «бесноватого» фюрера, приевшееся зрителям за долгие годы борьбы с фашизмом, показалось лишним штрихом к и без того нездоровой атмосфере в стане высмеиваемого противника. Но, так или иначе, уже 7 мая 1949 г. читатели увидели карикатуру на страницах «Правды» (рис. 4). Несмотря на сталинские правки, авторская концепция этого сатирического сюжета сохранилась.

Некоторые материалы внешнеполитического толка отправлялись на согласование и В.М. Молотову [23. Л. 129], что, очевидно, было продиктовано необходимостью выверять образы, по которым в массах будет формироваться восприятие международного положения. При этом Б. Ефимов отмечал, что случаи выхода карикатуры с задержкой на

«день-другой» были сравнительно редки, а неудавшиеся или запоздавшие рисунки вообще не публиковались [5. С. 52].

Рис. 3. Худ. Б. Ефимов. Правда. 1947. 28 июня

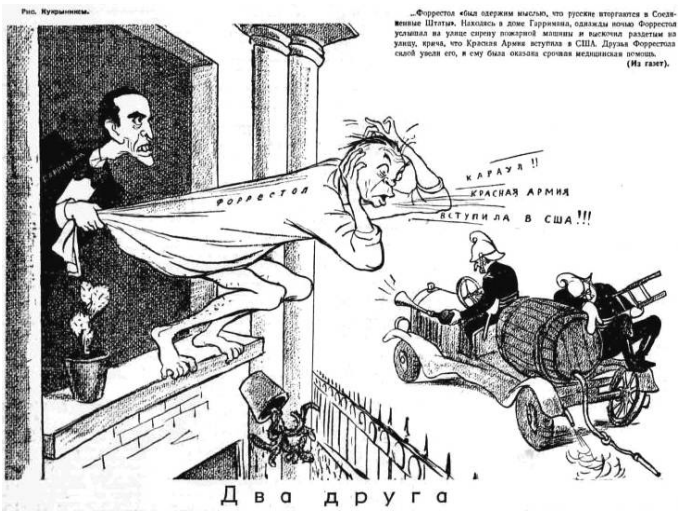

Рис. 4. Худ. Кукрыниксы. Правда. 1949. 7 мая

Вышеописанные процессы создания визуальной пропаганды позволяют по-особому взглянуть на проблему ее конъюнктурности. Безусловно, она была призвана отражать интересы и требования государства, но с помощью каких визуальных и текстовых образов донести их до масс, изначально зависело от художника и, порой, от помогавшего ему редактора или литератора. Следовательно, есть основания рассматривать плакаты и карикатуры не только как механическую визуализацию государственной идеологии, но и как частные реплики художников вполне солидарных с официальной точкой зрения. «Начинающий плакатист с самого начала своей деятельности в плакате осознал и воспитал в себе чувство общественного и гражданского долга, без которых невозможно работать в области политического плаката», – утверждал по своему опыту В. Иванов [3. С. 50]; Схожее мнение высказывал и В. Корецкий: «Идейная убежденность и страсть бойца – вот что необходимо художнику, работающему в жанре политического плаката» [24. 9 апр.]. Приведенные выше слова представляются не просто официозными фразами в духе времени. Уже в наши дни советская и украинская художница К. Кудряшова, работавшая над плакатами с 1950-х гг., не раз подчеркивала, что никогда в своих произведениях «не кривила душой», верила в обнявшихся людей разных стран, которых рисовала, не знала никакой межнациональной розни и неприязни «и была счастлива» [25. С. 79; 26. С. 69].

Думается, что в случае работы над жизнеутверждающими темами поводы для внутренних противоречий у плакатистов были сравнительно редки. Порой иными были психологические условия создания карикатур, когда на крутых политических поворотах вчерашние герои превращались в антигероев или, напротив, требовался пересмотр отношений с некогда непримиримыми врагами. Б. Ефимов описал в мемуарах свое напряжение, когда пришлось изобразить лично знакомого по работе в «Правде» Н.И. Бухарина в образе «помеси лисицы со свиньей», и удивление от того, что в число сатирических мишеней попал некогда популярный югославский маршал И.Б. Тито [22. С. 280, 403]. Однако карикатурист заключал: «...во мне не было никакой “червоточины” во всем, что касалось моей работы», а визуальная сатира на внешнеполитические темы в принципе «не может не отражать позиции и взгляды своего правительства в международной политике» [22. С. 320, 432].

Конечно, не следует абсолютизировать личные пристрастия художников ко всем визуализируемым сюжетам, тем более что и сами они единодушно указывали на формальный подход как на довольно частый недостаток, который влиял и на их работу и, в конечном счете, на зрителя, не трогая и не убеждая его. Советские плакатисты послевоенного

периода признаком этого чаще всего считали перенасыщенность или шаблонность (т.е. излишнюю повторяемость) изотекстов, небрежность или неуместную многословность призывов, рассогласованность текстов и образов, стремление привлекать внимание броскостью красок и живописностью в ущерб идейности и лаконизму. Что касается карикатур, то перед ними, особенно в сугубо графическом газетном варианте, практически не стояла проблема оптимального цветового решения. Они были менее зависимы и от текста, поскольку рисунок, который мог снабжаться названием, комментарием или сатирическими куплетами, сам по себе обладал ясным самодостаточным значением. Характер создания карикатурных сюжетов предполагал и свое понимание шаблона. «Одно дело – надоевшие, затрепанные, набившие оскомину карикатурные приемы, другое дело – традиционные сатирические образы-метафоры, носящие характер своего рода сатирической терминологии», – писал об этом Б. Ефимов [5. С. 58]. Все это, однако, не снимало с карикатуриста ответственности и не допускало ремесленнического отношения к рабочему материалу.

Призывая бороться с недостатками визуальной пропаганды, современники сформулировали и основные принципы работы над ней. Так, в плакате важно было соблюдать баланс между правилами художественного искусства и стилем печатной «газетной» публицистики [1. С. 12; 3. С. 11], тщательно наблюдать за действительностью (включая физиономический анализ), но вместе с тем уметь фантазировать, предвидеть перспективу, «тащить понятное время» [3. С. 10, 59]. Плакатист имел дело с искусством «высоких чувств, благородных прогрессивных мыслей, больших душевных движений. В нем нельзя говорить языком обыденным и серым, но в нем нельзя быть ходульным и абстрактным» [6. С. 191]. Цель плаката – звать и убеждать, а политическая задача людей, ответственных за его создание, – «помогать партии донести до народа идеи в наглядной, образной форме» [3. С. 61]. Подобные установки применимы и к карикатурам – с той лишь разницей, что в достижении сатирического эффекта публицистическое и фантазийное начало, пожалуй, получало решающее значение. Эмоция, к которой взывал карикатурист, кажется не столь возвышенной – злая насмешка и непримиримая ненависть ко всему, что «мешает мирно жить и трудиться», но роль социалистической визуальной сатиры не менее политически значима: «...быть орудием утверждения, укрепления и защиты народного государства путем разоблачения и травли всего ему враждебного и негодного» [5. С. 48].

Наряду с видовыми свойствами и спецификой выпуска советских плакатов и карикатур, следует отметить и способы анализа их содержа-

ния в целях раскрытия системы образов, сформировавшейся в условиях холодной войны. Решение такой задачи предполагает обращение преимущественно к агитационным (героическим) и сатирическим плакатам, а также к газетным и журнальным политическим (международным) карикатурам. Массив собранных изобразительных источников 1946–1964 гг. составил 2 860 плакатов и порядка 4 тыс. карикатур. Основными ресурсами плакатной агитации послужили находящиеся в свободном доступе виртуальные экспозиции, выставки библиотек и музеев; каталоги аукционных домов и интернет-магазинов; частные коллекции; тематические сайты; фотокопии из советских и современных печатных изданий. Источником карикатур стала периодическая печать, представленная центральной партийной газетой СССР «Правда», главным сатирическим журналом страны «Крокодил» и профильной для советских художников газетой «Советское искусство» (с 1953 г. – «Советская культура»).

Акцентируясь на ситуации холодной войны, было важно хотя бы условно отделить сюжеты, сопряженные с глобальной повесткой, от тех, что создавались безотносительно к внешнему миру. Для этого из имевшихся в нашем распоряжении 2 860 советских плакатов 1946–1964 гг. выделено 650 работ, содержание которых имело прямую или косвенную отсылку к международной обстановке. Примером неявной отсылки могут послужить некоторые армейские плакаты. На одном из них – «На страже мирного труда» (1951) – художник М. Соловьев изобразил советского солдата, за которым – колосья колхозных полей и индустриальная панорама (рис. 5). Но, как представляется, агитка наполнена и внешнеполитическим смыслом: быть на страже, в данном случае, значит надежно оградить от незримого внешнего врага и защитить не только свою Родину, но и «мирный труд» как глобальную ценность.

Вся плакатная агитация исследовалась методами контент- и интент-анализа, позволяющими эффективно провести статистический подсчет лозунгов, образов и символов, типологизировать основные тематические категории пропаганды, осмыслить их разнообразие и взаимосвязь. Учитываемой и анализируемой единицей являлось текстовое содержание отдельного плаката. В целях упрощения фиксации количественных показателей ряды контекстуальных синонимов были обобщены в тематические категории, которые послужили единицами счета. Так, близкие по контексту слова «работа», «стройка», «пятилетний план», «Первомай» и т.п. засчитывались как общее понятие «труд». Подобные категории группировались и по характеру смысловой нагрузки (табл. 1). По аналогичному принципу строился количественный анализ изотек-

стов с той лишь разницей, что большинство образов и символов поддаются прямому учету без специальных обобщений. Эти визуальные единицы также группировались по типам (табл. 2).

Рис. 5. Худ. М. Соловьев (1951).
URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6251996
(дата обращения: 25.05.2021)

Таблица 1

Примеры типологии текстовых категорий в плакатных сообщениях

Категории действия	Труд, борьба, защита, победа…
Категории отношения	Мир, солидарность, дружба, вражда, война…
Идеологические категории	Коммунизм, социализм, капитализм, империализм…

Таблица 2

Примеры типологии плакатных изотекстов

Социальные типы	Рабочие, колхозники, военные, интеллигенция…
Антагонистические типы	Капиталисты, колониалисты, милитаристы, шпионы…
Политические символы	Серп и молот, голубь мира, дядя сэм, свастика…

В карикатурах, несмотря на большое идейно-политическое значение, которое придавалось в СССР практически всем, даже на первый взгляд весьма бытовым, сферам сатиры, внутренние и внешние сюжеты четко разграничены. Сравнительно редки примеры, когда наряду с порой сложной системой антагонистических образов изображался еще и положительный герой. Поэтому при реконструкции образно-символического ряда холодной войны целесообразно изначально подвергать анализу материалы только на международные темы, общее число которых составило 4 тыс. ед. В отличие от плаката, к карикатурам в чистом виде не применимы методы контент- и интент-анализа, поскольку текстовая их часть весьма метафорична. Так, Б. Ефимов, комментируя одну из распространенных сатирических фраз – «оседлал любимого конька», – привел 28 гипотетических вариантов изображения «конька» [5. С. 60], отдельный пример визуализации которого можно обнаружить и среди работ карикатуриста (рис. 6).

Рис. 6. Худ. Б. Ефимов. Крокодил. 1959. № 28

В целом подписи к карикатурам обычно четко привязаны к конкретным информационным поводам. По этим причинам текст как таковой не может быть сведен здесь к набору универсальных категорий-идеологем. Рисунки в

большей степени поддаются статистическим подсчетам за счет повторяемости изобразительной «сатирической терминологии». Эти образы классифицировались по отношению к определенным политическим событиям и явлениям, по принадлежности к странам, регионам, социальным группам, а также по связанным с ними символам.

Частота выхода карикатур различалась в зависимости от характера издания. Так, в «Правде» печатались самые разные сюжеты, но динамика их появления обычно соответствовала интенсивности конкретных информационных кампаний, контуры которых, как правило, примерно совпадают с развитием внешнеполитической повестки. Газета «Советское искусство»/«Советская культура» придерживалась отраслевого принципа, визуализируя главным образом язвы капиталистической морали и культуры. Случаи попадания в нее карикатур, созданных по поводу глобальных событий, превосходивших тематику издания, могут рассматриваться как признак особого резонанса информационного повода. Наконец, журнал «Крокодил», нацеленный на регулярный выпуск разнообразных материалов, являл собой наиболее полное собрание визуальной сатиры, затрагивавшей и масштабные явления, и частные проявления политической, социальной и культурной жизни в стане противников СССР по холодной войне. И на фоне роста международной напряженности, и в моменты относительного спокойствия редкий номер «Крокодила» (хотя и выходившего, в отличие от ежедневной «Правды», один раз в декаду месяца) обходился без рисунка на внешнеполитическую тему.

Безусловно, изучение советской визуальной пропаганды предполагает и качественное описание, однако именно количественные показатели позволяют оценивать каждый плакат или карикатуру с точки зрения типичности или уникальности. Даже первичный подсчет в определенной мере отображает тенденции холодной войны. Так, если представить абстрактного советского гражданина, в течение 1946–1964 гг. обращавшего внимание на плакаты, то приблизительно в 23% случаев он видел агитки, так или иначе связанные с международным положением. Впервые этот усредненный показатель превышен в 1949 г., что свидетельствует о возросшем интересе официальной пропаганды к внешнеполитической повестке и переходе холодной войны в активную фазу. Годы, когда процент таких материалов оставался ниже среднего уровня (1954–1956; 1959), могут рассматриваться как время относительного затишья на глобальной арене. Углубленный количественный анализ плакатов и карикатур приводит и к более концептуальным выводам. Так, при формировании образа врага на текстовом и изобразительном уровне обычно преобладали социально-классовые категории, не образующие ярко выраженного негативного национального стерео-

типа. Несмотря на конфликтный контекст холодной войны, активно и последовательно создавался позитивный образ «другого», который независимо от государственной принадлежности мог позиционироваться как единомышленник советского человека. Главными же ценностями самих советских людей в рассматриваемый период позиционировались труд, мир и интернационализм; тогда как идеологические категории (коммунизм, социализм, капитализм, империализм и т.п.) не получали в плакатных призывах доминирующего значения.

Выше была предложена оптика исследования советских плакатов и карикатур периода 1964–1964 гг., включавшая типологию данных материалов, реконструкцию процесса их выпуска, а также формализованный анализ содержания. Как можно было убедиться, происхождение агитационных или сатирических произведений помимо общей идеологической целесообразности могло быть также обусловлено прямым указанием первых лиц государства, профессиональным чутьем плакатиста или карикатуриста, откликом граждан либо порой даже интересами торговли. Степень влияния каждого из этих факторов, определение иерархии их значимости при создании каждого конкретного сюжета требуют более детального изучения по архивам издательств, творческих организаций и художников. Вместе с тем контент-аналитические методики, применимые к большому массиву визуальной пропаганды, позволяют в достаточной репрезентативности, динамике развития и внутренней взаимосвязи раскрыть комплекс ключевых политических метафор, бытовавших на фоне эскалации холодной войны.

Список источников

1. Корецкий В.Б. Заметки плакатиста. М. : Сов. художник, 1958. 168 с.

2. Брискин В.М. Опыт работы над агитплакатом. М. : Сов. художник, 1959. 22 с.

3. Иванов В.С. Как создается плакат. М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1963. 62 с.

4. Ватолина Н.Н. Мы – плакатисты. М. : Сов. художник, 1970. 79 с.

5. Ефимов Б.Е. Основы понимания карикатуры. М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. 71 с.

6. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М. : Искусство, 1962. 444 с.

7. Бабурина Н.И. Политический плакат художников РФ. Л. : Художник РСФСР, 1975. 36 с.

8. Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М. : Госполитиздат, 1963. 483 с.

9. Иоффе М.Л. Десять очерков о художниках-сатириках. М. : Сов. художник, 1971. 296 с.

10. Кудин П.А., Ломов Б.Ф., Митькин А.А. Психология восприятия и искусство плаката. М. : Плакат, 1987. 208 с.

11. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург : УрГПУ, 2013. 194 с.

12. Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М. : ИРИ РАН, 2018. 282 с.

13. Вашик К., Бабурина Н.И. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 417 с.

14. Шклярук А.Ф., Снопков А.Е., Снопков П.А. 600 плакатов. М. : Контакт-культура, 2004. 192 с.

15. Скуленко М.И. Журналистика и пропаганда. Киев : Вища школа, 1987. 159 с.

16. Горощенко Г.Т. Как работать над плакатом. М. ; Л. : ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. 82 с.

17. Советская культура. 1957.

18. Советская культура. 1962.

19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 9527. Оп. 1. Д. 290.

20. Советская культура. 1959.

21. ГАРФ. Ф. Р 4851. Оп. 3. Д. 9

22. Ефимов Б.Е. Десять десятилетий (о том, что видел, пережил, запомнил). М. : Вагриус, 2000. 672 с.

23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 204.

24. Советская культура. 1963.

25. Федосов Е.А. Хай живе радянська Батьківщина: Украина в плакатах советского периода // История в подробностях. 2013. № 10 (40). С. 72–79.

26. Корусь Е.П. «Для нас зайнявся день новий…» Украинский советский плакат семьи Кудряшовых // Антиквар. 2011. № 9 (56). С. 58–69.

References

1. Koretskiy, V.B. (1958) *Zametki plakatista* [Posterist's Notes]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

2. Briskin, V.M. (1959) *Opyt raboty nad agitplakatom* [Working on a propaganda poster]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

3. Ivanov, V.S. (1963) *Kak sozdaetsya plakat* [How a poster is made]. Moscow: USSR Academy of Arts.

4. Vatolina, N.N. (1970) *My – plakatisty* [We are posters]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

5. Efimov, B.E. (1961) *Osnovy ponimaniya karikatury* [Fundamentals of Understanding Cartoons]. Moscow: USSR Academy of Arts.

6. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo.

7. Baburina, N.I. (1975) *Politicheskiy plakat khudozhnikov RF* [Political poster of the RF artists]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.

8. Stykalin, S.I. & Kremenskaya, I.K. (1963) *Sovetskaya satiricheskaya pechat'. 1917–1963* [Soviet satirical press. 1917–1963]. Moscow: Gospolitizdat.

9. Ioffe, M.L. (1971) *Desyat' ocherkov o khudozhnikakh-satirikakh* [Ten essays on satirical artists]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

10. Kudin, P.A., Lomov, B.F. & Mitkin, A.A. (1987) *Psikhologiya vospriyatiya i iskusstvo plakata* [Psychology of perception and poster art]. Moscow: Plakat.

11. Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political Creolized Text: Keys to Reading]. Ekaterinburg: UrSPU.

12. Golubev, A.V. (2018) *"Podlinnyy lik zagranitsy": obraz vneshnego mira v sovetskoy politicheskoy karikature, 1922–1941 gg.* ["The true face of foreign countries": The image of the outside world in Soviet political caricature, 1922–1941]. Moscow: RAS.

13. Vashik, K. & Baburina, N.I. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The reality of utopia. Russian poster art of the 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.

14. Shklyaruk, A.F., Snopkov, A.E. & Snopkov, P.A. (2004) *600 plakatov* [600 posters]. Moscow: Kontakt-kul'tura.

15. Skulenko, M.I. (1987) *Zhurnalistika i propaganda* [Journalism and Propaganda]. Kiev: Vishcha shkola.

16. Goroshchenko, G.T. (1932) *Kak rabotat' nad plakatom* [How to work on a poster]. Moscow; Leningrad: OGIZ-IZOGIZ.

17. *Sovetskaya kul'tura*. (1957)

18. *Sovetskaya kul'tura*. (1962)

19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 9527. List 1. File 290.

20. *Sovetskaya kul'tura*. (1959)

21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 4851. List 3. File 9.

22. Efimov, B.E. (2000) *Desyat' desyatiletiy (o tom, chto videl, perezhil, zapomnil)* [Ten decades (what I saw, experienced, remembered)]. Moscow: Vagrius.

23. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 204.

24. *Sovetskaya kul'tura*. (1963)

25. Fedosov, E.A. (2013) Khay zhive radyans'ka Bat'kivshchina: Ukraina v plakatakh sovetskogo perioda [Long live the Radianska Batkivshchyna: Ukraine in the posters of the Soviet period]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10(40). pp. 72–79.

26. Korus, E.P. (2011) "Dlya nas zaynyavsya den' noviy…" Ukrainskiy sovetskiy plakat sem'i Kudryashovykh ["A new day has begun for us ..." Ukrainian Soviet poster of the Kudryashovs]. *Antikvar*. 9(56). pp. 58–69.

Информация об авторе:

Федосов Е.А. – кандидат исторических наук, ассистент кафедры российской истории Национального исследовательскаого Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: E.A.Fedosov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Fedosov, Cand. Sci. (History), teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: E.A.Fedosov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2021;
одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 26.05.2021;
approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 66–81.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 66–81.

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 811.511.132
doi: 10.17223/23062061/32/4

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ СЛОВАРЬ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА (1668 г.)

Галина Валерьяновна Федюнева[1]

[1] *Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, gfedyuneva@mail.ru, fedyuneva@yandex.ru*

Аннотация. Описывается новооткрытый памятник коми-зырянского языка XVII в. в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина, в котором, кроме обычной для монастырских сборников XV–XVII вв. подборки нравоучительных компиляций, имеются разноязычные лексические материалы, в том числе словари-разговорники карельского, зырянского и крымско-татарского языков. Памятник является самой ранней из известных лексикографических фиксаций коми языка. Дано описание его лексических, фонетических, морфологических и графических особенностей, позволяющих определить его диалектную основу и место среди уже известных памятников письменности коми языка.

Ключевые слова: коми язык, историческая лексикография, памятники письменности, рукописный сборник, словарь-разговорник

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Федюнева Г.В. Коми-зырянский словарь в рукописном сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина (1668 г.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 66–81. doi: 10.17223/23062061/32/4

© Г.В. Федюнева, 2023

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

A KOMI-ZYRYAN DICTIONARY IN THE COLLECTION OF THE OLD RUSSIAN SCRIBE PROKHOR KOLOMNYATIN (1668)

Galina V. Fedyuneva[1]

[1] *Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation, gfedyuneva@mail.ru, fedyuneva@yandex.ru*

Abstract. The article describes a new monument of the Komi-Zyryan language of the 17th century discovered in the author's collection of the Old Russian scribe Prokhor Kolomnyatin. In addition to a collection of moral compilations, traditional for monastic collections of the 15th–17th centuries, the monument contains multilingual lexical materials, including dictionary-phrasebooks of the Karelian, Zyryan and Crimean Tatar languages. The monument also contains important information for a diachronic study of the Komi language, since it is its earliest known lexicographic fixation and belongs to a period almost undocumented by written evidence. The article describes Komi lexical, phonetic, grammatical and graphic features, which make it possible to determine its place among the already known monuments of the Komi written language. The Zyryan dictionary is small in volume: more than half of the text is a detailed money account, followed by about a hundred Komi-Zyryan words and a translation of the Trisagion prayer. In contrast to the existing monuments, which are based on the language of the ancient Komi population of the Low Vychegda, the linguistic features of the dictionary indicate in favor of another ancient Komi dialect – Vym'. An important feature of the dictionary is the presence of *null-l*-forms. Their consistent use allows verifying the formation of interdialect phonetic alternation *v~l* with *null* sound – the main distinctive feature of modern *l*-, *v-l*- and *null-l*-dialects of the Komi language. The modification of the common Permian etymological [l], obviously, occurred in different territories and at different times. According to the available Low-Vychegda monuments, the alternation *v~l* was formed during the 17th and ended by the beginning of the 18th century. The appearance of *null-l*-forms in the Vym' dialects, then in the Izhma and Upper Vychegda dialects, can also be attributed to this time, but there was no documentary evidence of this. The new monument has an accurate dating and to a certain extent fills this gap. The dictionary contains dialect vocabulary that is not uninteresting for historical lexicology, and the list of monetary units from "denga" to thousands of rubles, indicating the possibility of using the dictionary in the practice of trade transactions, etc., is of undoubted interest for ethnohistorical research.

Keywords: written monuments, handwritten collection, dictionary-phrasebook, Komi language, historical lexicography

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment to the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Registration No. FUUU-2021-0008.

For citation: Fedyuneva, G.V. (2023) A Komi-zyryan dictionary in the collection of the old Russian scribe Prokhor Kolomnyatin (1668). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 66–81. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/4

Введение

Зырянско-русский словарь в составе рукописного сборника XVII в., обнаруженного исследователем древнерусских рукописей д-ром филол. наук Н.В. Савельевой, находится в «музейском» собрании Государственного исторического музея (№ 2803). Благодаря авторской надписи: «Сия книга рекомая Цвѣтникъ чернаго дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176-го (1668) году февраля в 7 день» (л. 219) сборник определенно атрибутируется древнерусскому книжнику Прохору Коломнятину и имеет точную датировку.

По описанию Н.В. Савельевой [1], рукопись в 8° написана на 220 листах несколькими вариантами полуустава одной руки, крупного или мелкого, иногда переходящего в скоропись. Содержание «Цветника» традиционно и в целом сопоставимо с рукописными монастырскими сборниками XV–XVII вв. Отличительной особенностью его является склонность к систематизации компилятивных и лексических материалов по словарному принципу.

Особый интерес представляют словари-разговорники национальных языков Русского государства: карело-русский словарь «Сказание о преведении корѣльскаго речения на слове(н)ский», коми-зырянский словарь, озаглавленный «Звательные рѣчи зыр҃анского языка, сирѣчь сирскаго» [2], и самый большой по объему тюркско-русский словарный фонд под названием «Сїѧ книга Эли(х)въ сирѣчь Алѳави(т), преведено с турскаго на словенскую ре(ч)» [3]. Словари записаны по тематическому принципу и оформлены так же, как греческий и латинский разговорники. Заглавия, первые буквы словарных статей, также буквы «т» (‘толк’) перед русским переводом выделены киноварью. Карельский и тюркский словари имеют оглавление, написанное крупным полууставом, зырянский приведен сплошным текстом.

Включение разноязычных словарей в «типовой» монастырский сборник – случай редкий и представляет особую ценность для истории русской лексикографии, тем более что, по утверждению Н.В. Савельевой, «ни один из словарей, приведенных в нем, не зафиксирован в других ру-

кописных источниках и не имеет пока кириллических аналогов, близких по лексическому ряду, хронологии, жанру и объему текста» [1. С. 58].

Открытые к настоящему времени памятники коми письменности опубликованы и достаточно хорошо изучены [4; 5. С. 302–308]. Хронологически и лингвистически они делятся на памятники древнепермского, или древнекоми, языка XIV–XVII вв. и памятники коми-зырянского языка XVII–XVIII вв., по содержанию – на церковные и светские. Большинство памятников церковного содержания связаны с именем крестителя Стефана Пермского, создавшего оригинальную азбуку и систему древнепермского письма [6]. Памятники светского содержания представлены в основном словарными материалами участников академических экспедиций 20–70-х гг. XVIII в. (Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа). Кроме того имеется самостоятельный русско-коми разговорник, найденный акад. И.И. Лепехиным в 1771 г. во время его экспедиции в Коми край. Предполагается, что подобные рукописные словарики коми языка имели широкое хождение в XVIII в. [7].

Зырянский словарь Прохора Коломнятина занимает особое место в письменной истории коми языка [8]. Ценность его определяется не только малочисленностью и фрагментарностью выявленных к настоящему времени памятников, но и тем, что он относится к раннему периоду, весьма значимому для датирования важных внутриязыковых закономерностей.

Методология

Теоретической основой статьи являются труды по истории и теории письменности и русской палеографии, а также специальные работы В.И. Лыткина [4, 9, 10], А.С. Сидорова [11, 12], З.И. Кузнецовой [7, 13] и других исследователей, посвященные изучению и публикации письменных памятников коми языка.

Исследование выполнено в русле традиционного исторического языкознания, одной из важных задач которого является поиск и ведение в научный оборот ранее неизвестных и неизученных памятников письменности. В основе методологии лежит принцип системности и историзма, требующий применения комплекса специальных методов и исследовательских приемов разных дисциплин. Прежде всего это метод общего историко-филологическое анализа, включающий археографическое и текстологическое обследование памятника, его аргументированное комментирование, филологическую и культурно-историческую ин-

терпретацию. Для предварительной атрибуции памятника был использован ряд апробированных в отечественной медиевистике и археографической практике приемов сравнительно-сопоставительного анализа текстов, их жанровой и семантической интерпретации, относительной хронологизации и т.д.

Использованы также методы и исследовательские приемы смежных лингвистических дисциплин, в частности исторической диалектологии и лексикографии, позволяющие включить новооткрытую рукопись в систему памятников письменности коми языка, установить его тип и жанровую принадлежность, идентифицировать язык исследуемого памятника как лингвистическую и территориальную разновидность общекоми языка данного исторического периода.

Исследование и результаты

Зырянский лексикон в авторском сборнике Прохора Коломнятина небольшой по объему (185 об.–188 об.). Основную часть лексикона составляет денежный счет, подробно расписанный от «денги» до тысячи рублей (185 об.–187 об.). Около двух страниц (187 об.–188 об.) занимает словарь разговорно-бытовой лексики, приведенный без оглавления и завершающийся переводом молитвы «Трисвятое».

Лексический состав и особенности подачи материала в словаре

В названиях денежных единиц использованы все – простые, сложные и составные – количественные числительные от единицы до тысячи. Они полностью соответствуют числительным современного коми языка. Мезуративными единицами, как и в современном языке, выступают коми слова *ур* ‘копейка’ и *шайт* ‘рубль’, а также русское заимствование *денга*, напр.: По(л)де́нги – (т) денга; Не́лъ денга – (т) гро́шъ (185 об.). Список содержит ряд непоследовательностей, повторы числительных с разным толкованием, имеются несоответствия в переводе. Приведенная система счисления, с одной стороны, напоминает древнекоми денежный счет [14, 15], с другой – сближается с современной.

Непосредственно за денежным счетом без каких-либо дополнительных помет следует список обиходно-бытовой лексики – около ста слов и словоформ с «толкованием» их значений на русский язык. В порядке записи наблюдается некоторая тенденция к тематической группировке слов.

Представлены следующие лексико-семантические группы (л. 187 об.–188 об.): *термины родства и гендерной идентичности*, напр., Во́къ –

(т) братъ; Нӹ – (т) дѣвка; *частей тела человека*: Си́нъ – (т) глаза̀; *названия домашних и диких животных и птиц*, напр., Мо́съ – (т) коро́ва; Ру́ць – (т) лиси́ца; Ю́сь – (т) ле́бедь; *культурных растений и пищи*, напр., Шо́бъды – (т) пшеница; На́нъ – (т) хлѣ(б); *охотничьей и хозяйственной утвари*, напр., Ву́нъ – (т) лу́къ; Пу́ртъ – (т) но(ж); *одежды*: Па́съ – (т) шу́ба; *дома и его частей*, напр., Ке́ръка – (т) и̇зба̀; Пы́занъ – (т) столъ и др.

В целом в словаре представлена разговорно-бытовая общеупотребительная лексика, которая относится к активному словарному фонду современного коми языка. Имеется также несколько диалектных слов, которые в современном коми-зырянском языке встречаются преимущественно в северо-западном ареале, более последовательно – в говорах вымско-вычегодского бассейна, напр., Че́рива – ӱха, ср. вым. нв. уд. вв. *черива*, в остальных диалектах *юква* ‘уха’; Лю́ска – (т) ло́ш́ка, ср. уд. *люска*, повс. *пань* ‘ложка’; Ву́рдъ – (т) вы(д)ра, ср. вым. нв. иж. уд. вв. скр. печ. *вурд*, л. *чув*, лл. вс. сс. *чул* ‘выдра’ и др. [16. С. 70, 274, 451]. Кроме диалектизмов, словарь содержит 28 русских заимствований, а также два слова, не поддающихся интерпретации с точки зрения современного коми языка: (187 об.) Бура́съ – (т) другъ и Сы̀ – (т) челомъ. Более подробно о лексическом составе словаря см. [8].

Морфологические особенности и словообразование

В отличие от других словарных материалов в «Цветнике» Прохора Коломятина, зырянский словарь не содержит связных текстов (за исключением короткой молитвы), а также характерных для разговорников выражений, реплик из диалогов и т.д.

Практически весь корпус составляют числительные и существительные в форме **номинатива** ед. ч. Несколько слов в русском переводе переданы как формы мн. ч.: Кы́рымъ – (т) ру́ки; Ко́къ – (т) но́ги; Нӱ – (т) стрѣлы; Ни́зъ бо́жь – (т) собо́льи хвосты̀; Кы́нъ – (т) песцы̀; Э́мъ – (т) ӱ́глы; Э́нъ – (т) ӱ́бразы. Заимствование Ла́вицы – (т) лавки дано с русским окончанием, ср. совр. коми *лабич*, вым. нв. уд. иж. *лавич* ‘лавка’ [16. С. 191].

Изредка встречаются форманты грамматических, прежде всего именных категорий. Так, слово И́нъӓсъ – (т) жо́нка, содержит именной суффикс мн. ч. *-яс* [йас], хотя перевод дан в ед. ч., ср. совр. *иньяс*; *инь* уст. ‘мать, жена, женщина’; диал. вым. нв. иж. уд. ‘самка’, ‘свекровь’ [16. С. 448].

Несколько слов имеют суффиксы косвенных падежей. Существительные Ая̀ – (т) ӱоте́цъ, совр. *ай*, диал. *айӧ* ‘отец (мой)’, Ма́мо – (т)

ма(т), совр. *мамӧ*(*й*) ‘мать (моя)’; юмо, совр. *ен*, *енмӧ* ‘боже (мой)’; ку́томо, совр. *кувтӧмӧ*(*й*) ‘бессмертный (мой)’; ча́рыдо, совр. *чорыдӧ*(*й*) ‘крепкий (мой)’ даны в форме **вокатива** – специального звательного падежа с формантом *-о*, *-э*, *-ой* [9. С. 102; 13. С. 152]. В современном коми языке такой падеж отсутствует; показатель *-ӧ*, *-ӧй* является поссесивным суффиксом 1-го л. ед. ч., который отчасти сохраняет вокативное значение.

В составе молитвы есть два местоимения, написанные слитно – темъ́но ‘ты нас’: местоимение 2-го л. ед. ч. *тэ* ‘ты’ в основной форме и местоимение 1-го л. мн. ч., *ми* ‘мы’ в форме **аккузатива** основного склонения с суф. *-ӧ(с)* – совр. *миянӧс* ‘нас’.

Слово Ру́декъзе – (т) ро(ж) приведено также в форме **аккузатива** притяжательного склонения с суф. 3-го л. ед. ч. *-сӧ*; совр. *рудзӧгсӧ* ‘рожь-то’, *рудзӧг* ‘рожь’.

В притяжательной *конструкции изафетного типа* обладаемое выражено номинативом с посессивным суф. 3-го л. ед. ч. *-ыс*, а *обладатель* – *формой* ***генитива*** *-лӧн*: Во́кълонъ чо̮ю́сь – (т) племя́нница, совр. *воклӧн чойыс*, букв. ‘брата сестра-его’ (*вок* ‘брат’, *чой* ‘сестра’)[1]. В определительных словосочетаниях: Во́къпи – (т) племя́нни(к), совр. *вок пи* ‘сын брата’ (*вок* ‘брат’, *пи* ‘сын’); Ни́зъ бо́жь – (т) собо́льи хвосты̀, совр. *низь бӧж* ‘хвост соболя’ (*низь* ‘соболь’, *бӧж* ‘хвост’) притяжательное значение формально не выражено.

С точки зрения диалектной принадлежности памятника интерес представляет словоформа Мо́ртлы – (т) человекъ, которая содержит суф. **датива** *-лы*, однако имеет номинативное значение (*морт* ‘человек’). Использование датива в функции подлежащего и прямого дополнения зарегистрировано только в нуль-эловых вымских и ижемских говорах, напр., вым. *бӧрті кыытім, Весляналы коли* ‘Потом мы поплыли, Весляна осталась (позади)’[16. С. 487]. Такое употребление формы датива отмечено также в памятниках XVIII в.: спаситом восна ловъяслы (аккузатив) миян мезослы (датив) кевмысям ‘О спасении душ наших богу молимся’ [13. С. 90. 148].

Конструкция Де́нганъ по́лонъ – (т) по(л)торы денги; Да́съ де́нгамъ по́ло(н) – (т) деве(т) де́нег образована соединением двух слов в форме **инструменталя** с суф**.** *-ӧн*. Конструкция *-ӧн-пӧлӧн* ‘полтора’, напр., *дасӧн-пӧлӧн* ‘полтора десятка’ (*дас* ‘десять’) сохранилась только в одном из северо-западных коми диалектов – удорском, во всех других и

[1] Ошибка писца или информанта: значение «племянница» выражается сочетанием *воклӧн нылыс* ‘дочь брата’ (вок ‘брат’, *ныв* ‘дочь’).

литературном языке ей соответствует *-ӧн-джынйӧн* ‘полтора’, *дасӧн-джынйӧн* ‘полтара десятка’, *джын* ‘половина’ [16. С. 101, 298].

Единственное глагольное словосочетание Ло́къ мека́нъ – (т) пойдӥ со мною, совр. *лок мекӧд* ‘пойдем со мной’ включает существительное в **комитативе** с суф. *-кӧд*, диал. *-кӧт*[1].

Словарь содержит семь глаголов: Ва́й – (т) да́й; Се́ть – (т) подай; Ко́льи – (т) проводӥ; Ло́къ мека́нъ – (т) пойдӥ со мною; Ва́й – (т) привезӥ, Ву́зо – (т) прода́й и куты́шты ‘поддержи’, приведенных в форме императива 2-го л. ед. ч. Шесть из них представляют чистые основы, один – куты́шты – имеет суф. уменьшительного вида *-ышт-* с сохранением конечного этимологического гласного *-ы*, в большинстве коми диалектов утраченного (совр. *кутышт* ‘поддержи’, ‘подержи’, *кутны* ‘держать’). В составе молитвы имеется также причастие ку́том, совр. лит. *кувтӧм* ‘бессмертный’, *кувны* ‘умереть’, содержащее каритивный суффикс - *тӧм*.

Из способов словообразования наиболее полно представлено словосложение: Не́нолонъ – (т) колча́нъ (совр. лит. *ньӧв* ‘стрела’, *новлан* ‘носимый или носящий’); Шо́мъшить – (т) батви́нье (*шом* ‘кислый’, *шыд* ‘суп’); Сӗ́нивоцъ – (т) сӗни (рус. *сени*, коми *водз* ‘перед’); Че́рива – ӱха̀ (*чери* ‘рыба’, *ва* ‘вода’); Ӥжъку – (т) ӧвчина (*ыж* ‘овца’, *ку* ‘шкура’); Чю́нькичь – (т) пе́рсте(н) (*чунь* ‘палец’, *кытш* ‘круг’) и др.

Слова Кука́нъ – (т) телӑ, Ру́дек – (т) ро(ж), Ба́йдыкъ – (т) ку́ропа(т), Дюдю́къ – (т) гу(с), ве́жа ‘святый’ и ча́рыд ‘крепкий’ содержат мертвые суффиксальные элементы и имеют дефектное членение [17. С. 22, 23, 27, 39]. Остальная лексика представлена непроизводными словами.

Фонетические особенности и диалектная основа памятника

Наиболее яркой чертой фонетики словаря является наличие *нуль-эл*овых форм, которые в известной мере визуализируют процесс формирования междиалектной корреспонденции звуков *л* ~ *в* ~ *ø* – одного из важнейших признаков, лежащих в основе традиционной классификации коми диалектов.

Известно, что общепермский этимологический [л] в коми языке перетерпел изменения. В разных диалектных зонах он давал разные рефлексы: в одних последовательно сохранялся, в других позиционно переходил в [в], в третьих заменялся удлинением предшествующего звука или полностью утрачивался. В результате этого процесса современные диалекты по употреблению согласных [л] и [в] делятся на эловые, вэ-эловые и нуль-эловые [10. С. 119–121]. К эловым диалектам относятся

[1] В оригинале -ка́нъ, видимо, описка.

сс. вс. печ. лл. и некоторые вв. говоры позднего образования, к вэ-эловым – скр. нв. уд., некоторые говоры лл. и вв. диалектов, к нуль-эловым – вым. иж. и отдельные вв. говоры. Имеются также смешанные говоры [16. С. 457–459].

Лексика рассматриваемого памятника демонстрирует явную *нуль*-эловость, напр.,: Нӹ – (т) дочь; Нӹ – (т) дѣвка, совр. нуль-эловые говоры *ны*, *ныы*; вэ-эловые и лит. *ныв*; эловые говоры *ныл* ‘девушка’, ‘дочь’; Вӱзо – (т) прода́й, совр. соотв.: *вузо, вузоо; вузав; вузал* ‘продай’; Вӹ – (т) продай[1], совр. *вӧ, вӧӧ; вӧв; вӧл* ‘лошадь’; Нӧ – (т) стрѣлы, совр. *ньӧ, ньӧӧ*; *ньӧв*; *ньӧл* ‘стрела’; Не́нолонъ – (т) колча́нъ, совр. *ньӧ ноолан*; *ньӧв новлан*; Ку́томо, совр. соотв. *куутӧмӧ; кувтӧмӧ; култӧмӧ* ‘бессмертный’.

Эти примеры свидетельствуют о близости языка памятника к нуль-эловым говорам Выми и Ижмы. Если учесть, что долгие гласные сначала появились в вымском диалекте, а затем, в процессе миграции населения, в ижемском и верхневычегодском диалектах [18. С. 29], то диалектной основой памятника следует считать древневымские говоры.

В рассматриваемом памятнике нашло отражение еще одно фонетическое явление, служащее дополнительным дистинктивным признаком коми диалектов, – междиалектная корреспонденция звуков [т'], [д'] и звукосочетаний [йт], [йд] в конце слога. В настоящее время этимологические [т'] и [д'] сохраняются в южно-коми-зырянском регионе, в коми-пермяцком, коми-язьвинском и удмуртском языках, в северной же группе коми-зырянских диалектов на их месте появились сочетания [йт], [йд]. Переход [т'], [д'] в [йт], [йд] зафиксирован в памятниках древнепермской письменности XIV–XVII вв., но в современных коми-зырянских диалектах в отношении этого явления нет единства. В лл. вс. сс. печ. диалектах последовательно употребляются палатальные [т’] и [д’]: *квать* ‘шесть’, *додь* ‘сани’; в скр. последовательное употребление имеет сочетание [йт] и параллельное – [д’] и [йд]. Северо-западные нв.вым.уд. диалекты предпочитают [йт], [йд]: *квайт* ‘шесть’, *дойд* ‘сани’.

Поздние вв. говоры, разделенные по л ~ в признаку, также различаются: эловые и вэ-эловые говоры, как правило, используют сочетание [йт], [йд], в вэ-эловых имеет место чередование [т’]~ [йт] и [д’]~ [йд], напр.: *квайт арэс* ‘шесть лет’, но *квать пэлес* ‘шесть углов’ [18. С. 88–89].

[1] В оригинале рукописи наблюдается путаница в переводе рядом стоящих слов Вӱзо – (т) прода́й: Вӱзо – (т) ме́ринъ, кобы́ла то(ж), Вӹ – (т) продай, Вӱзо – (т) прода́й (187 об.).

Нечто подобное наблюдается в рассматриваемом памятнике. Числительное ‘шесть’ выступает в двух формах *квайт* и *квать*, ср. Ква́ть денга – (т) алтнъ, совр. диал. *квать деньга* ‘шесть денег’ и Ква́и ту́ръ – (т) 2 а(л), совр. лит. *квайт ур* ‘шесть копеек’. Однако слово *шайт* ‘рубль’ последовательно выступает в форме с ауслаутом [т’]: Кы́зъ шатъ – (т) 20 ру(б), совр. лит. *кызь шайт* ‘двадцать рублей; Се́ шать – (т) 100 ру(б), совр. лит. *сё шайт* ‘сто рублей’ и т.д.

Показательна также фонетическая форма посессивного суф. 1-го л. ед. ч., которая в коми диалектах варьируется как *ӧй*, *-эй*, *-ӧ*, -э. Йотированные варианты представлены в поздних вв. и печ. диалектах, смешанное употребление наблюдается в центральной и южной группе диалектов. Нейотированные варианты, представленные в словаре, употребляются в северо-западных – вым. уд. нв. (-ӧ) и иж. нв. (-э) – диалектах, для которых использование лично-притяжательной суффиксации особенно характерно [18. С. 96].

Кроме приведенных, можно отметить следующие единичные фонетические явления. В словах Ру́декъзе – (т) ро(ж) (совр. *рудзӧг* ‘рожь’); Дюдю́къ – (т) гу(с) (совр. *дзодзӧг* ‘гусь’); Ӧде́зь – (т) двери (совр. *ӧдзӧс* ‘дверь’) наблюдается переход мягкой аффрикаты [дз] в смычный палатальный [д’]. Этот вид диалектной дезаффрикатизации встречается в одном из северных диалектов (иж.), где звуки [ч’], [ǯ’] артикуляционно близки [т’], [д’] [10. С. 64; 18. С. 71–72]. Остается также возможность рассматривать приведенные случаи как графический прием передачи аффрикаты [дз] мягким [д’]. В памятниках письменности XVIII в. эта аффриката чаще всего передается сочетанием букв **д** и **з** или русской буквой **з**, напр. визедъ, совр. *видзӧд* ‘смотри’ [13. С. 49].

В слове Ко́льи – (т) проводи̓ нет следов прогрессивной ассимиляции *й*, которая имеет место в современном языке, ср. совр. лит. *коллӧыны* ‘провожать, проводить’ [16. С. 163]. Этот вид ассимиляции не представлен и в памятниках XVIII в., напр. *лыдьись* ‘чтец’ [13. С. 140]. В суф. мн. ч. -яс [*йас*] в слове Ӣнъя̓съ – (т) жо́нка также отсутствует ассимиляция анлаутного *й*, характерная, в том числе для вымских говоров, ср. вым. *чаньньас*, лит. *чаньяс* ‘жеребята’ [16. С. 459].

В северо-западных иж. и вв. диалектах наблюдается прогрессивная ассимиляция гласных вроде: *пӧраан*, лит. *пӧраӧн* ‘порой’. Есть соблазн визуализировать подобное явление в слове Де́нганъ в конструкции Де́нганъ по́лонъ (<**деньгаӧн-пӧлӧн* ‘полторы деньги’), если, конечно, исключить описку.

Наконец, интерес представляют слова Э̓мъ – (т) и̓глы и Э̓нъ – (т) о̓бразы, которые в современном языке имеют *й*-овый анлаут: повс. *ем*

[йэм] ‘игла’ и *ен* [йэн] ‘бог’, ‘образ’. Появление *й* в этих словах считается достаточно поздним, спорадическим явлением [10. С. 116].

Графические особенности памятника

Рукопись написана крупным полууставом, иногда переходящим в более мелкий, в графике кириллического письма XVII в. с последовательным использованием кириллической цифири, надстрочных знаков придыхания и ударения, сокращенных слов, выносных букв и т.д. Текст четкий, почти без помарок и описок, коми лексика записана и передана на русский язык достаточно точно.

Небольшой объем словаря и отсутствие текстового материала не дают полной картины о графико-орфографических предпочтениях писца, однако некоторые графические приемы, использованные для передачи звуковых закономерностей коми языка, всё же можно отметить.

Специфический иллабиальный гласный звук среднего ряда, среднего подъема [ӧ] в начале слова и после твердых согласных передается графемой **о**, напр.: Ӧ́ши́нъ, совр. *ӧшинь* ‘окно’; Ӧ́къмысу́ръ, совр. *ӧкмыс ур* ‘девять копеек’; Коми́нъ ӧ́тикуръ, совр. *комын ӧти ур* ‘тридцать одна копейка’; Ко́шъ, совр. *кӧш* < рус. ковш. Гласный [ӧ] в составе притяжательного суф. 1-го л. ед. ч. и в суф. аккузатива, генитива и инструменталя также последовательно передан буквой **о**: ма́мо ‘мать’, юмо ‘боже’; Во́кълонъ ‘брата’, по́ло(н) ‘половиной’ и др. После палатального д [д’] и аффрикаты дз [ǯ’] использована буква е: Ӧ́де́зь – (т) двери, совр. *ӧдзӧс* ‘дверь’, Ру́декъзе – (т) ро(ж), совр. *рудзӧгсӧ* ‘рожь-то’ и др. В двух случаях на месте **ӧ** выступает буква **а**: Ка́къ́ма́ысъ, совр., *кӧкъямыс* ‘восемь’, Ло́къ мека́нъ, совр. *лок мекӧд* ‘пойдем со мной’, в одном случае – ы: Зы́ръ, совр. *зӧр* ‘овес’.

Аффрикаты коми языка ч [ч’], дз [ǯ’], дж [ǯ], тш [ч], противопоставленные по твердости /мягкости: [ч]: [ч’]; [ǯ]: [ǯ’] и глухости/звонкости [ч]: [ǯ]; [ч’]: [ǯ’], в словаре представлены очень ограничено. Коми числительные не содержат аффрикат, соответственно, их нет в названиях денежных единиц.

В бытовой лексике в большей степени представлена аффриката **тш**, которая передана графемой **ч** или **чь**: Ӧ́Анъкочь, совр. *анькытш* ‘горох’; Чю́нькичь, совр. *чунькытш* ‘кольцо’; Ла́чакъ, совр. диал. *латшӧг* ‘росомаха’. По-разному отражена аффриката ч [ч’] в словах Ко́чь, совр. *кӧч* ‘заяц’ и Ру́ць, совр. *руч* ‘лиса’. Русская ц использована также при передаче аффрикаты дз [ǯ’] в слове *водз* ‘перед’ в гибридной композите Сӧ́нивоцъ – (т) сӧни. Аффриката дж [ǯ] не встречается вовсе.

Мягкость коми парных согласных [с’], [з’], [т’], [д’], [н’], [л’] в большинстве случаев обозначается так же, как в русской графической системе, а именно с помощью букв **и**: Сизи́мъ, совр. *сизим* ‘семь’; Да́съ ’оти́куръ, совр. *дас ӧти ур* ‘одиннадцать копеек’; **е**: Се́ шать, совр. *сё шать* ‘сто рублей’; Не́нолонъ – (т) колча́нъ и **ю**: Да́сь нюлюръ, совр. *дас нёль ур* ‘четырнадцать копеек’; Сене́люръ, совр. сё нёль ур ‘сто четыре копейки’; Се сю́рсъ[1], совр. *сё сюрс* ‘сто тысяч’; Нюӧ, совр. диал. *ньӧӧ* ‘стрела’; Чюжъморъ, совр. *чужмӧр* ‘горностай’; Чю́нькичь, совр. *чунькытш* ‘кольцо’ и др. Буква **ѣ** (ять) использована только в русских переводах.

Сочетание [йа] передается с помощью знаков «юс малый» и «йотированный а». Последний представлен только в одном коми слове: *кӧкъямыс* ‘восемь’ (6 раз), напр. Да́с кокѧмы́суръ – (т) 7 ’алтынъ. Это же слово 10 раз написано с малым юсом, напр.: Се какъѧ́мысур – (т) 54 а(л). Интересно, что в шести примерах слово *сё* ‘сто’ передано как сѧ, напр., Не́ль сѧ шать – (т) 400 ру(б), в то время как в большинстве случаев (более 15 раз) оно имеет нормальное написание се, напр. Ку́имъ се́ шать – (т) 300 ру(б). Кроме того, юс малый использован в числительном Не́лѧмынъ (5 раз), совр. *нелямын* ‘сорок’, в словах Аѧ̀, совр. *айӧ*(*й*) ‘отец (мой)’; Озя́(м), совр. уст. *азям* ‘кафтан’; И́нъ’ѧсъ, совр. диал. *инъяс* ‘женщины’; мъя́но, совр. *миянӧс* ‘нас’. Обе графемы использованы также в русском тексте.

Нормальное использование **ь** (ерь) после мягких согласных встречается редко. В основном это частотные числительные в денежном счете: Ква́ть, совр. *квайт*, диал. *квать* ‘шесть’; Шать, совр. *шайт*, диал. *шать* ‘рубль’; Не́ль, совр. *нёль* ‘четыре’ и одиночные слова Чо́жинь, совр. *чожинь* ‘тетка’; Чю́нькичь, *чунькытш* ‘кольцо’. Чаще он используется в твердой позиции: напр. Ви́ть, совр. *вит* ‘пять’; Да́с витурь, совр. *дас вит ур* ‘пятнадцать копеек’; Комы́нь шать, совр. диал. *комын шать* ‘тридцать рублей’, Коты́рь, совр. *гӧтыр* ‘жена’; шить, совр. *шыд* ‘суп’.

Буква **ъ** (еръ) обычно стоит после твердых согласных: Ко́къ, совр. *кок* ‘нога, ноги’; Ке́рька, совр. *керка* ‘дом’; Пе́рьна, *перна* ‘крест’ и т.д., однако и после мягких тоже: Кы́зъ шатъ, совр. диал. *кызь шать* ‘двадцать рублей’; Ни́зъ, совр. *низь* ‘соболь’; Кы́нъ, совр. *кынь* ‘песец’; Пы́зъ, совр. *пызь* ‘мука’; Ка́нъ, *кань* ‘кошка’; Не́лъ шатъ, *нёль шать* ‘четыре рубля’ и т.д.

Из особенностей письма можно отметить также единичный случай передачи анлаутного **ы** через **и** в словах И́жъ, совр. *ыж* ‘овца’, И́жъку,

[1] При счете от 1 000 до 100 000 слово «тысяча» в целом передано нормально как сю́рсъ, совр. *сюрс*, однако в шести случаях – как су́рсъ, возможно, под влиянием частотного для этого текста слова ур «копейка».

ыж ку ‘овчина’ и единственное использование **и**-десятеричного в слове Пій, совр. *пи* ‘сын’.

Что касается слого- и словораздела, то некоторый разнобой по понятным причинам наблюдается только в написании сложных и составных числительных, где повторяющиеся основы и слоги могут передаваться как отдельные или в составе многосложного слова, в том числе с участием мезуративных единиц денежного счета.

Заключение

Содержащийся в авторском сборнике Прохора Коломнятина зырянско-русский словарь является ценным источником диахронного изучения коми языка и истории формирования его письменной традиции. Он отражает разговорный коми язык II половины XVII в. и является самым ранним из известных лексикографических памятников. Лексический состав словаря обнаруживает значительную близость к современному коми языку, что свидетельствует о высокой степени устойчивости его основных структурных элементов.

Вместе с тем новооткрытый памятник содержит дополнительные сведения о территориально-языковых различиях коми-зырянского населения вычегодско-вымского бассейна. В отличие от уже известных памятников, написанных на нижневычегодском диалекте, он имеет другую диалектную основу: вымский диалект – один из самых ранних территориальных образований древнекоми языка. На это указывает ряд лексических и фонетико-морфологических диалектизмов и, прежде всего, последовательное употребление *нуль-эловых* форм, характерных для вымских говоров.

Наличие этих форм позволяет дополнительно верифицировать процесс формирования междиалектного фонетического чередования *в* ~ *л* с нулем звука – основного дистинктивного признака современных коми диалектов, в частности, установить его относительную хронологию. Если согласно имеющимся памятникам чередование *в* ~ *л* в нижневычегодском диалекте формировалось в течение XVII в. и к началу XVIII в. завершилось, то хронологические рамки чередования *л* с нулем звука оставались недостаточно определенными. По мнению В.И. Лыткина, процесс проходил «с известной постепенностью» в разное время и на разных территориях, однако документальных свидетельств этому не было. Новооткрытый и, что важно, датированный памятник в известной мере восполняет эту лакуну.

Приведенный в словаре денежный счет позволяет дополнительно верифицировать хронологические параметры памятника: как номенклатура денежных единиц, так и их соотношение достаточно последовательно

отражают особенности русского денежного обращения второй половины XVI–XVII вв. Однако вопрос о соотношении русских номиналов *денга*, *алтын* и *рубль* и коми денежных понятий *ур* и *шайт* в этот период остается открытым.

Сокращения

Диалекты коми-зырянского языка: **вв.** – верхневычегодский, **вс.** – верхнесысольский, **вым.** – вымский, **иж.** – ижемский, **лл.** – лузско-летский, **нв.** – нижневычегодский, **печ.** – печорский, **скр.** – присыктывкарский, **сс.** – среднесысольский, **уд.** – удорский.

Прочие: **букв.** – буквальный; **диал.** – диалектный; **ед.** – единственное; **л.** – лицо; **лит.** – литературный; **мн.** – множественное; **рус.** – русский; **соотв.** – соответственно; **ср.** – сравните; **суф.** – суффикс; **(т)** – толкование; **ч**. – число.

Список источников

1. Савельева Н.В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.

2. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // Linguistica Uralica. Tallinn. 2021. № 4. С. 1–27.

3. Савельева Н.В., Козинцев М.А. Тюркско-русский словарный фонд в сборнике инока Прохора Коломнянина 1668 г. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб. : Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). 2020. Т. 67. С. 468–552.

4. Лыткин В.И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1980. С. 10–21.

5. Лыткин В.И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М. : Наука, 1969. С. 302–351.

6. Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского / пер. с древнерусского Г.И. Тираспольского. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1993. 176 с.

7. Кузнецова З.И. Обзор памятников письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 213–241.

8. Федюнева Г.В. Новый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии // Вопросы лексикографии. 2021. № 3. С 87–104.

9. Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М., 1952. С. 148–161.

10. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Фонетика. М., 1957. 135 с.

11. Сидоров А.С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Ученые записки. Серия востоковедческих наук. Вып. 2: Советское финно-угроведение. Л. : Изд-во ЛГУ, 1948. С. 240–249.

12. Сидоров А.С. Новые памятники древнекоми письменности (с комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В.И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 178–212.

13. Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1967. 272 с.

14. Забоев А.С. Древний «денежный» счет коми // Советская этнография. 1978. № 1. С. 103–109.

15. Тимушев Д.А. О старом денежном счете коми и истории коми денежного термина «ур» // Труды Коми филиала Академии наук СССР. Вып. II. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1954. С. 171–174.

16. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / отв. ред. В.А. Сорвачева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

17. Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М. : Наука, 1985. 134 с.

18. Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.

References

1. Savelieva, N.V. (2019) Neizvestnye pamyatniki leksikografii v “Tsvetnike” Prokhora Kolomnyatina [Unknown Monuments of Lexicography in Prokhor Kolomnyatin's “Flower Garden”]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63

2. Savelieva, N., Mullonen, I. & Fedyuneva, G. (2021) Karelo-russkiy i komi-zyryansko-russkiy slovari-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 g. [Karelian-Russian and Komi-Zyryansk-Russian dictionaries-phrase books in a handwritten collection of 1668]. *Linguistica Uralica*. 4. pp. 1–27.

3. Savelieva, N.V. & Kozintsev, M.A. (2020) Tyurksko-russkiy slovarnyy fond v sbornike inoka Prokhora Kolomnyanina 1668 g. [The Turkic-Russian vocabulary fund in the collection of the monk Prokhor Kolomnyanin, 1668]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatu-ry (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature (TODRL)]. Vol. 67. St. Petersburg: Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House). pp. 468–552.

4. Lytkin, V.I. (1980) Drevnie pamyatniki komi pis'mennosti [Ancient monuments of Komi writing]. In: *Istoriya komi literatury* [History of Komi Literature]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi kn. izd. pp. 10–21.

5. Lytkin, V.I. (1969) Komi-zyryanskiy yazyk [The Komi-Zyryan language]. In: Desheriev, Yu.D. (ed.) *Zakonomernosti razvitiya literaturnykh yazykov narodov SSSR v sovetskuyu epokhu. Tyurkskie, finno-ugorskie i mongol'skie yazyki* [Patterns of development of literary languages of the USSR peoples in the Soviet era. Turkic, Finno-Ugric and Mongolian languages]. Moscow: Nauka. pp. 302–351.

6. Epiphanius the Wise. (1993) *Zhitie Stefana Permskogo* [The Life of Stephen of Perm]. Translated from Old Rus by G.I. Tiraspolsky. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

7. Kuznetsova, Z.I. (1958) Obzor pamyatnikov pis'mennosti XVIII v. [Overview of written documents of the 18th century]. *Istoriko-filologicheskiy sbornik*. 4. pp. 213–241.

8. Fedyuneva, G.V. (2021) A New Handwritten Dictionary of the Komi-Zyryan Language in the History of Komi Lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 21. pp. 87–104. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/21/4

9. Lytkin, V.I. (1952) *Drevnepermskiy yazyk. Chtenie tekstov. Grammatika. Slovar'* [Ancient Permian language. Reading texts. Grammar. Dictionary]. Moscow: [s.n.]. pp. 148–161.

10. Lytkin, V.I. (1957) *Istoricheskaya grammatika komi yazyka* [Historical grammar of the Komi language]. Vol. I. Moscow: [s.n.].

11. Sidorov, A.S. (1948) Komi pis'mennost' epokhi rannego feodalizma [Komi writing in the era of early feudalism]. *Uchenye zapiski. Seriya vostokovedcheskikh nauk*. 2. pp. 240–249.

12. Sidorov, A.S. (1962) Novye pamyatniki drevnekomi pis'mennosti (s kommentariyami, podstrochnymi primechaniyami i zaklyucheniem V.I. Lytkina) [New documents of Ancient Komi writing (with comments, footnotes and conclusion by Vasily I. Lytkin)]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Issues of Finno-Ugric Linguistics]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 178–212.

13. Kuznetsova, Z.I. (1967) *Yazyk pis'mennykh komi pamyatnikov XVIII veka* [The language of written Komi documents of the 18th century]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola.

14. Zaboev, A.S. (1978) Drevniy "denezhnyy" schet komi [The ancient "money" account of the Komi]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 103–109.

15. Timushev, D.A. (1954) O starom denezhnom schete komi i istorii komi denezhnogo termina "yp" [On the old money account of the Komi and the history of the Komi money term "ur"]. *Trudy Komi filiala Akademii nauk SSSR*. 2. pp. 171–174.

16. Zhilina, T.I., Sakharova, M.A. & Sorvacheva, V.A. (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

17. Fedyuneva, G.V. (1985) *Slovoobrazovatel'nye suffiksy sushchestvitel'nykh v komi yazyke* [Noun derivational suffixes in the Komi language]. Moscow: Nauka.

18. Popova, R.P. & Sazhina, S.A. (2014) *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (the comparative aspect of the study)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.

Информация об авторе:

Федюнева Г.В. – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыкиывкар, Россия). E-mail: gfedyuneva@mail.ru; fedyuneva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.V. Fedyuneva, Dr. Sci. (Philology), chief research fellow, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: gfedyuneva@mail.ru; fedyuneva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.01.2022;
одобрена после рецензирования 01.10.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 03.01.2022;
approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 82–97.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 82–97.

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/23062061/32/5

«ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ»: КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ – ОЧЕРКИСТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

Елена Владимировна Перевалова[1]

[1] *Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются путевые очерки К.К. Случевского, написанные по следам инспекционных поездок великого князя Владимира Александровича в 1880-е гг. по северо-западу России, опубликованные в авторитетной газете «Московские ведомости». Рассматриваются тематические и жанровые особенности очерков. Выявлено, что участию Случевского в издании способствовала близость его взглядов на проблемы русского северо-запада с издателем-редактором – влиятельным журналистом М.Н. Катковым.
Ключевые слова: К.К. Случевский, путевые очерки, «Московские ведомости»

Для цитирования: Перевалова Е.В. «Летописец великокняжеских путешествий»: Контстантин Случевский – публицист (по материалам газеты «Московские ведомости») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 82–97. doi: 10.17223/23062061/32/5

Original article

A “CHRONICLER OF GRAND DUKE’S TRAVELS”: KONSTANTIN SLUCHEVSKY THE ESSAYIST (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER *MOSKOVSKIE VEDOMOSTI*)

Elena V. Perevalova[1]

[1] *Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the travel essays of the writer Konstantin Sluchevsky, published in the authoritative conservative newspaper *Moskovskie Vedomosti* in 1885–1886. As an official of the Ministry of State Property, in the 1880s, Sluchevsky accompanied the commander of the St. Petersburg Military District,

© Е.В. Перевалова, 2023

Grand Duke Vladimir Alexandrovich, on his inspection trips to the European north of Russia, its western and Baltic provinces. Sluchevsky's duties included the compilation of reports on the Grand Duke's journey, recording in them of almost every step of the high-ranking traveler and their further publication in periodicals. Despite the official nature of the publications, the materials prepared by Sluchevsky were artistic and documentary essays reflecting the life, customs and traditions of the local population, the development of industry and crafts, climatic and geographical features, history, hydrography and geology of the northwest of Russia. The article analyzes the thematic, genre and structural features of Sluchevsky's essays. The features of his texts are: dynamic storytelling, entertaining presentation, emotionality, a pronounced "presence effect", a problematic approach to what was seen. Sluchevsky raised the issue of an inefficient use of the vast natural resources of the Russian northwest, pointed to the lack of support for national industry and local crafts from the state, paid considerable attention to the national question in the Baltic provinces, cited facts of discrimination of the local Orthodox Russian-speaking population by the German administration of the region. Sluchevsky's views on the problems of the Russian northwest were close to those of the influential conservative journalist Mikhail Katkov, the publisher-editor of *Moscovskie Vedomosti*, which contributed to Sluchevsky's publishing his essays in the newspaper. In conclusion, the article emphasizes that these essays are still of undoubted interest from a geographical, ethnographic and cultural point of view, and can serve as a valuable source of information for researchers of the history of the northwestern region.
Keywords: Konstantin Sluchevsky, travel essays, Grand Duke Vladimir Alexandrovich, *Moscovskie Vedomosti*, Mikhail Katkov, northwest of Russia

For citation: Perevalova, E.V. (2023) A "chronicler of Grand Duke's travels": Konstantin Sluchevsky the essayist (based on the materials of the newspaper *Moskovskie Vedomosti*). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 82–97. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/5

Творчество поэта, драматурга и переводчика Константина Константиновича Случевского (1837–1904) в последние годы все чаще привлекает к себе внимание исследователей. В работах А.Ю. Козыревой, Л.А. Смирновой, В.Г. Гавриловой, О.А. Грачевой, Е.В. Кузнецовой, Г.В. Поляковой и других ученых рассматриваются характерные особенности его поэтического творчества, своеобразие используемых им образных конструкций, стилевая специфика, средства художественной выразительности и т.п. [1–7]. Гораздо меньше внимания уделяется наследию Случевского-публициста, хотя им были изданы весьма объемные книги очерков «По северу России» (Санкт-Петербург, 1888) и «По северо-западу России» (Санкт-Петербург, 1897). Основу этих книг составили материалы, собранные Случевским в нескольких поездках по западным и северным губерниям России в 1880-е гг. Как чиновник Министерства государственных имуществ, он сопровождал командующего

Петербургским военным округом великого князя Владимира Александровича в его инспекционных поездках по европейскому северу России, ее западным и прибалтийским губерниям. В обязанности Случевского входило составление отчетов о путешествии великого князя, фиксирование в них едва ли не каждого шага высокопоставленного путешественника, а затем публикация этих отчетов в печати, в первую очередь в «Правительственном вестнике», т.е. выполнение задач, которые сегодня назвали бы «функционалом пресс-секретаря».

В настоящей статье рассматриваются очерки Случевского в газете «Московские ведомости», написанные по следам поездок великого князя в 1884–1887 гг. В отличие от изданных несколькими годами позднее книг, содержание которых при подготовке к печати подвергалось редакторской и литературной правке, текст публикаций в «Московских ведомостях» являлся непосредственным откликом на увиденное и отражал впечатления и наблюдения, оперативно сделанные писателем во время путешествий в свите великого князя. В «Московских ведомостях» было опубликовано три цикла очерков: первый – летом 1884 г. – о поездке великого князя по Прионежью и Приладожью, второй, публиковавшийся в течение почти всего 1885 г., – об экспедиции на клипере «Забияка» по Белому и Баренцеву морям и, наконец, в 1886 г. – о длительной, продолжавшейся почти два года поездке великого князя на пароход-фрегате «Олаф» по военным округам Прибалтийского края.

Будучи официальным «летописцем» великокняжеских путешествий, Случевский, конечно, не мог избежать «протокольной информации»: он уделяет большое внимание описаниям торжественных богослужений, обедов, данных в честь титулованного гостя, посещенных им выставок, театральных постановок и т.п. Не обошлось и без обязательных в подобных случаях упоминаний о «безграничной преданности государю» местного населения, о «беззаветной любви, которая всегда отличала русского человека и служила и будет служить живой связью межу престолом и народом» [8], о восторженных криках «Ура», которыми жители встречали августейшего путешественника, и т.п. Значительное место в очерках отводится и главной цели поездки – проверке результатов военных реформ 1870-х гг., надежности северо-западных границ Российской империи. Но подготовленные Случевским для «Московских ведомостей» очерки менее всего были похожи на сухие отчеты и казенные протоколы. Мастерски написанные, насыщенные самыми разнообразными подробностями и местным колоритом, они и сегодня представляют несомненный географический, этнографический и культурологический интерес.

При чтении очерков возникает ощущение, что их главный герой – не великий князь Владимир Александрович, а жители Русского Севера – настолько ярко и колоритно автор пишет об их мужестве, отваге, беззаветной смелости и выносливости. Он искренно восхищается их характерами, сформировавшимися в вечной борьбе с суровой местной природой, когда даже «трехлетний мальчик уже орудует веслом» [9], а женщины-северянки способны заменить отправляющихся на несколько месяцев на промысел мужчин и даже «отваживаются выходить в открытое море» [10].

В рассказе автора о жителях побережья Белого моря, где даже «дитя еще в люльке готовится быть моряком, не знающим страха и вскормленным неприветливым морем, так как матери-кормилицы берут с собою ребяток в лодки и укладывают спать на носу или на корме» [10], звучит нескрываемое уважение к русскому человеку, умеющему выживать в суровых условиях северного климата. Публицист подробно описывает нравы местных жителей, их обычаи, быт и традиции, местную промышленность и промыслы, климатические и географические особенности, историю, гидрографию, геологию северо-запада России и т.п., тогда как имя великого князя нередко упоминает в очередной главке очерков всего лишь один-два раза – и словно бы «мимоходом», лишь как «дань жанру» официального отчета. Да и сам образ Владимира Александровича – младшего брата императора Александра III рисуется Случевским весьма неформально, без излишней парадности, пафосности и помпезности.

Князь, хотя и именуется чаще всего «августейшим путешественником», предстает в очерках не столько как государственный деятель, один из самых близких к императору лиц, сколько как рядовой морской офицер, непритязательный и неприхотливый в быту, делящий со своими спутниками все тяготы и лишения похода. Изредка публицист настолько «забывается», что называет князя и сопровождающую его свиту в обход всех канонов просто «путниками». Все они – и князь, и его окружение – в равной степени вынуждены терпеть и суровый северный климат, и жестокую непогоду в Баренцевом море, и несметные полчища насекомых. Последние, по словам Случевского, одолевали путешественников «с возмутительнейшею настойчивостью» [11], и если в закрытых помещениях с «гнусом» можно было бороться, поджигая на блюдцах «чудотворный персидский порошок», то в дороге единственным средством избавления от него становились ветки деревьев, что дало повод публицисту сравнить свиту князя с «двигающимся лесом» в шекспировском «Макбете»: «Мы окружили себя ими (ветками. – *Е.П.*), – пишет Случев-

ский, – понасовав куда только было возможно, во все отверстия экипажей, и не останавливаясь ни одной минуты в отмахиваниях» [8]. Подобные характеристики не только «оживляли» текст очерков, добавляя в них элемент юмора и самоиронии, но и «сокращали дистанцию» между читателями газеты и великим князем, наделяли образ последнего чертами «обыкновенного человека» и тем самым делали его более близким и доступным. Однако при этом Случевский никогда не забывал подчеркнуть профессионализм Владимира Александровича – кадрового военного и опытного администратора, его начитанность и эрудицию, искренний интерес к истории, искусству и культуре местного населения, его заинтересованность в увиденном, внимание к проблемам посещаемых территорий и их жителей. К примеру, при описании посещения поселка Петровский Ям в Олонецкой губернии – места, связанного с пребыванием здесь летом 1702 г. Петра I, публицист словно бы вскользь упоминает, что в разговоре о первом императоре России, «Его Высочество… знал лучше и полнее нас литературу о Петре, включительно до самых первоначальных источников, рассыпанных в русских и иностранных исторических журналах», и его рассказы «были так разнообразны и богаты по содержанию, что должны быть несомненно отнесены к самым характерным воспоминаниям нашего далекого путешествия» [11]. Подобные комментарии автора очерков позволяли князю в глазах читателей всегда оставался «первым среди равных».

Публикуемые из номера в номер на протяжении нескольких месяцев очерки Случевского формировали у аудитории газеты «эффект ожидания» и создавали иллюзию совместного путешествия. Вместе с автором читатели словно бы сопровождали князя в его экспедиции, останавливались на Соловецких островах и в Олонецком крае, прогуливались по Петрозаводску, Шлиссельбургу и Новой Ладоге, окрестностям у водопада Кивач в Карелии, отдавали дань памяти А.С. Пушкину в Святогорском монастыре, посещали дом поэта в Михайловском, село Холмогоры – родину М.В. Ломоносова, столицу Русского Севера – Архангельск, древние Выборг и Псков, элегантную Ригу, по-европейски чинные и опрятные Вейсенштейн, Ревель, Митаву, Либаву…

Каждый раз, приступая к рассказу о прибытии князя в тот или иной город или поселок, Случевский сообщает данные о численности его жителей, их занятиях, национальной и религиозной принадлежности, о состоянии местной промышленности и промыслов, приводит множество разного рода статистических сведений. Обращает на себя внимание большое количество цифр: к примеру, в заключении очерка о посещении Ревеля публицист для подтверждения доходности Ревельского пор-

та почти в телеграфном стиле указывает точное число судов, заходивших в него в течение последних трех лет: «Иностранных 535, каботажных – 1053, прибрежного плавания 645. Привозилось товаров на сумму 60.310.000 руб. Вывозилось на 17.491.000 руб. Пошлины получалось золотом 4.627 руб., причем стоимость содержания таможни 81.000 руб.» [12]. Однако такое обилие статистических и документальных данных отнюдь не портит очерки, не превращает их в сухие официальные отчеты. Цифры органично сочетаются в них с художественными описаниями, пейзажными зарисовками, портретными характеристиками, легендами, местным фольклором и лирическим «Я» самого автора.

К примеру, рассказывая о посещении великим князем древнего Выборга, Случевский подробно останавливается на истории города, основание которому было положено еще в конце XIII в., упоминает о неоднократных попытках русских войск взять город приступом, цитирует летописи и другие исторические источники, обильно уснащая свой рассказ не только цифрами, датами, именами шведских и русских военачальников, но и местными легендами, сказаниями, песнями. Публицист пересказывает историю знаменитого Казак-камня – места, где, по преданию, погиб казак, заслонивший Петра I от летевшего прямо на императора шведского ядра, историю источника в парке Монрепо, названного по имени нимфы Сильмии (по-фински *Сильми* означает «глаза». – *Е.П.*), которая вызвала здесь из земли ключ, чтобы возвратить зрение исплакавшемуся из-за любви к ней пастушку, и т.п. [13]. В лирических пейзажных зарисовках узнается стиль Случевского-поэта. Очарованный скромными, неброскими красками русской северной природы, он то сравнивает «разлитые поутру в небесах розовые туманы и розовые отливы сосновых лесов за голубоватым очертаниями просыпавшегося озера» [14] с «разметавшимися золотистыми кудрями скромной красавицы» [14], то поэтически описывает короткие северные ночи: «Ночь была удивительная, светлая, безмолвная. Глубоко сосредоточенная, лежала она в хрустальной ясности своей над почивающим Петровским ямом, красны рубахи паромщиков, синь воды, глубокая, бархатная зелень леса, фырканье усталых лошадей, легкий скрип каната на пароме, бесконечная прозрачность зеленоватого неба, чириканье какой-то бессонной птички, все это было стройно и гармонично» [11].

Характерный для путевых очерков свободный и непринужденный характер изложения мыслей позволял Случевскому свободно выстраивать свое повествование, переходить от одной темы к другой, перемежать рассказ о путевых впечатлениях с собственными раздумьями и переживаниями, чередовать описания природы с дорожными

происшествиями, бытовые сцены – с фактами из истории, географии, этнографии и т.д. Ни одна любопытная подробность не ускользала от его наблюдательного взгляда, ни одна оригинальная черта местного быта не оставалась без внимания. Публицист находил место и для обстоятельного рассказа о китобойном и рыболовном промысле на Мурмане (в XIX в. Мурманом называли Кольский полуостров. – *Е.П.*), и для описаний красочных нарядов северянок, и для характеристики местных способов охоты на медведей, и даже для небольшого рассказа о смельчаке-воробушке, каким-то чудом залетевшем на палубу «Забияки», находившегося от берега на расстоянии более чем сорока верст… Из очерков Случевского читатели могли узнать, почему Балтийский порт в обиходе называется Апельсиновым портом, откуда произошло название «Мурман», что означают те или иные морские термины, как движутся по морю стаи чаек, как киты дерутся с касатками, как финны на удочку ловят лосося и хариуса, почему символом братства черноголовых в Риге и Ревеле стала голова Святого Маврикия и т.п.

Особую привлекательность очеркам придавали такие черты, как динамизм, а нередко и напряженность повествования, занимательность изложения, эмоциональность, зачастую – ярко выраженный «эффект присутствия», благодаря которому читатели становились очевидцами и «соучастниками» описываемых событий и явлений, свидетелями увлекательных происшествий, наблюдателями нравов, быта, традиций и т.п. В качестве примера приведем очень живое и непосредственное описание ловли рыбы великим князем на реке Вуоксе: «Очень интересно было наблюдать со стороны, как вызывалось на берегу сочувствие к судьбам ловли. В полусвете ночи можно было видеть очень четко, как гнулось черное над водой удилище той лодочки, наживка которой, местная салакушка, приманила лосоську. Попавшая на наживку лососька еще не поймана, это только начало лова; рыбу надо утомить, прежде чем подвести к берегу и тут начинает поскрипывать колесико под лесой, то выпускаемою, то сокращаемою. Лодка движется к берегу, и ловец чувствует в руке, как слабеет рыба; наконец, лодка близка, подгоняемая отчасти течением и притягиваемая лесой подведена и рыба, и тут-то с удивительной ловкостью хватают ее острым ручным крючком и вытаскивают на гранит. Следует убиение ее пестом по голове, причем здесь, по обычаю, при каждом ударе местный человек приговаривает по-фински: “Здравствуй! Здравствуй!”. <…> Вся гранитная пристань была полна изображений лососек, пойманных в Харраке. Те, что достались в этот вечер, согласно правилу, были тотчас же, но только на особом, почетном месте, положены на помост, очертания их обведены черною краской и

написано имя ловца, год и число. Этих молчаливых рыбьих портретов с открытыми ртами, вдоль гранитной пристани уже очень много, и впечатление, производимое этою портретною галерей, довольно оригинально» [15].

Язык и стиль Случевского-очеркиста – весьма эмоциональный, хотя при этом автор отнюдь не впадает в патетику и чрезмерную пафосность. Нередко в его текстах можно встретить целую череду восклицаний, риторических вопросов, задавая которые публицист словно бы приобщает читателей газеты к своим размышлениям об увиденном. Так, рассказывая о транспортной системе северо-запада и указывая на необходимость строительства железных дорог в этом регионе, Случевский горячо вопрошает: «И все это создалось и живет без крупной субсидии правительства: следовательно, это нужда, это насущная правда, это сила. Что же будет, когда так или иначе присоединятся к этим путям бассейны Сибири? Что будет, если вложить душу в северное поморье и воскресить заглохшую там жизнь? <…> все государственное тело наше в хозяйственно-экономическом отношении “подвешено к рельсам Николаевской дороги”. А оборвись они?.. И разве не поэтому сказываются у нас по Волге завалы товаров? А что будет при включении сибирских путей? А что будет, если почему-либо закроется Балтийское море или сгорит хотя один из шлюзов Мариинской системы?» [16]. Взволнованность Случевского, его искреннее чувство обеспокоенности за судьбы северных и западных окраинных территорий Российской империи и населяющих их жителей передавалось и читателю, который невольно начинал сопереживать рассказанному.

Чувство национальной гордости и патриотизм истинно русского человека ощутимо заметны едва ли не в каждом эпизоде очерков Случевского. Вот как, к примеру, он пишет о М.В. Ломоносове, характеризуя в нескольких строчках причудливую судьбу великого русского ученого: «Бурливы как волны Северного моря были судьбы Ломоносова; по образцу прибрежных скал, окаймляющих Мурман, сложились его мощные, упрямые воззрения; мальчишка-помор, еще подростком побывал он и в расколе <…>; Марбург, Фрейберг, женитьба на немке, бегство от долгов, Шувалов, дружба с ним, академия, преувеличенные буйства и его неприятные последствия, дело мести всяких ничтожностей вроде профессоров Винцгейма и Трускотта и рядом с этим серьезнейшие научные работы, исследования, ученые записки, оды, множество самых последовательных усилий и трудов по всем отраслям знаний и, наконец, начало русской литературы... не правда ли, как это мало для крепыша-помора в недолгую, едва только полвека длившуюся жизнь?! Ломоносов несомненно самый северный, самый по-

лярный изо всех гениальных крепышей, изо всех талантов мира, и он наш, он русский, родился в соседстве Холмогор» [17].

Занимательности изложения, доступности восприятия, яркости языка и стиля в очерках Случевского всегда сопутствовал проблемный подход к увиденному. Если воспользоваться современной теорией жанров, то в них наглядно-образные элементы сочетаются с исследовательским, аналитическим началом. Едва ли не в каждой главке очерков, наряду с описаниями событий, встреч, дорожных происшествий и т.п., встречаются авторские размышления, комментарии и оценки.

Так, рассказывая о поездке по беломорскому побережью, публицист по-хозяйски обстоятельно знакомил читателей с занятиями поморов, в первую очередь – рыболовством и китобойным промыслом, подробно описывал их нелегкий труд, устройство рыболовецких факторий и становищ. Случевский скрупулезно сообщал точные данные: каков годовой улов трески, камбалы, палтуса и других промысловых рыб, каковы их гастрономические характеристики, приводил цены на рыбу на архангельской ярмарке, называл объемы добычи соли на Мурмане и количество соли, ввозимой из-за рубежа… И тут же задавался вопросом: почему огромные рыбные богатства северных морей («поморы говорят о таких гущах сельди в море, что от поры до времени грести бывает трудно» [18]) «гибнут безвозвратно», а русские промышленники терпят огромные убытки?

Главная причина столь печального положения дел состоит, по мнению, публициста, в отсутствии эффективных технологий лова, в недостатке и дороговизне соли, большая часть которой ввозилась из-за границы. Случевский с горечью констатирует, что отечественным промышленникам приходится за бесценок продавать выловленную ими беломорскую рыбу иностранным предпринимателям, тогда как отечественный потребитель пренебрегает российским продуктом. «Сельдь это один из продуктов, не имеющих у нас и миллионной доли того значения, которое она должна бы иметь, – пишет Случевский о промысле беломорской сельди на Мурмане. – Кто ел местную сельдь, крупную, жирную, пускающую из себя масло при разрезывании на тарелке, тот поражается тем, что в столицах наших до сих пор еще имеются в продаже сельди голландские, королевские. Дождутся ли ее наши столичные гастрономы? Ящик с сельдями, свежепросольными, соловецкими, прибывает в Петербург сильно попорченным, и о дальнейшем пути ее по России не может быть и речи. Солят ее, складывая в кучи, чуть-чуть пересыпая солью и ворочая лопатою. Можно ли ожидать хорошего продукта?» [18]. Неэффективное использование огромных природных бо-

гатств северо-запада России, отсутствие поддержки национальной промышленности и промыслов со стороны государства – об этом публицист говорит в очерках не единожды.

Так, подробный рассказ о добыче снетка (*снеток* – вид рыб, мелкая озерная форма европейской корюшки. – *Е.П.*) в Псковском озере он завершает горькими и безотрадными размышлениями: «Удивительны сходны у нас судьбы рыбных промыслов на далеком Мурмане и на ближнем Псковском озере, с тою только разницей, что там не хотят уметь обращаться с сельдью и треской, а здесь со снетком. Богатство там и тут одинаково, народонаселение прирождено к промыслам, <…> сбыт обеспечен, продукт хорош, но приготовление плохо, и первобытная лопата орудует в кучах живого материала, доставленного на берег там – океаном, здесь – озером. <…> …экономия на дровах вызывает то, что его не сушат, а только провяливают, и снеток доходит к рынкам в виде какого-то мусора; этой же сыростью пользуются для увеличения веса. Какое удивительное сходство с приготовлением мурманской трески, в которой для увеличения веса оставляют хребетный столб, обуславливающий ее гниение и убийственный запах» [9].

В очерках приводится немало примеров бездумного уничтожения весьма ценных в промышленном отношении «отходов производства»: это и бессмысленный сброс в море внутренностей трески, туш белуг, акул и даже китов, и брошенный на месте вырубки «недомерный лес», и огромное количество древесины, остающейся после изготовления досок из бревен (на экспорт шли лишь готовые доски), и изжелта-белые горы опилок, которые «бессовестным образом сжигаются, чтобы не занимать места» [19]. «Мало, подумаешь, места в России? – с возмущением и горечью пишет публицист. – Из них можно было бы добывать и уксусную кислоту, и соду, и делать древесную массу, но, говорят, устройство завода слишком дорого, жечь, несомненно дешевле. И мы видели, как за заводом дымком улетучивались значительные капиталы нашей богатой капиталами России» [19].

Хозяйский, государственный подход в очерках Случевского к проблемам русского северо-запада, заявленная в них идея развития отечественного производства и промыслов, без сомнения, не могли не приветствоваться в «Московских ведомостях», редактор-издатель которых – авторитетный публицист М.Н. Катков – в 1880-е гг. был убежденным сторонником протекционистской экономической политики и в многочисленных передовых статьях энергично отстаивал интересы национального производства. «Московский громовержец», как называли Каткова, неустанно указывал на приоритетность развития отечественного

производства, убеждал правительство оказывать первоочередную поддержку российским производителям, писал о фактах хищнического разграбления природных богатств русского европейского севера иностранными предпринимателями, подчеркивая, какой вред экономике региона наносят отсутствие обрабатывающего производства и «недостаток обеспеченного сбыта» [20]. «Московские ведомости» системно проводили мысль о недопустимости «вывоза за рубеж дешевого российского сырья, которое затем, переработанное на предприятиях Западной Европы, вновь возвращается в Россию, но уже в виде готовой продукции, стоимость которой значительно превышает стоимость исходного продукта» [21]. «Иностранцы привозят к нам, не говоря уже об изделиях фабричных, заводских и ремесленных, продукты, подвергшиеся значительной переработке, плата за которую достается иностранному рабочему. Мы же, отправляя наши товары в сыром виде, лишаем наш трудящийся люд значительной заработной платы за обработку этих продуктов и тем сокращаем денежные средства народа» [22], – под каждым из этих выступлений Каткова наверняка мог бы подписаться и Случевский.

Общность взглядов двух публицистов обнаруживается и в третьем цикле очерков, где описывается поездка великого князя по Прибалтийским губерниям. Эти земли, присоединенные к России лишь в XVIII в., пользовались значительной автономией и находились под сильным немецким влиянием. Более восьмидесяти процентов их населения составляли коренные жители – латыши и эсты, среди которых преобладали крестьяне-хозяева, сельские батраки, низшие классы горожан, тогда как господствующее положение занимали остзейские немцы – потомки рыцарей, завоевавших эти территории в XIII в., а также переселенцы из Голландии, Фландрии, Дании, Швеции. Поэтому преподавание в школах и высших учебных заведениях, делопроизводство в административных учреждениях велось на немецком языке, который имел статус официального. На немецком языке издавалась также большая часть местной периодики. Катков, будучи активным поборником русификации прибалтийских территорий, на страницах «Московских ведомостей» с возмущением писал об «онемечивании» края, требовал шире использовать русский язык и языки коренных народов в образовании, религиозных отправлениях и местном делопроизводстве, активно дискутируя по этому вопросу с прибалтийскими немецкоязычными изданиями — «Рижской газетой», «Ревельской газетой» и др. В полемике публицист нередко весьма резко высказывался в адрес остзейского дворянства, подчеркивая опасность, которая грозит государственной целостности

России в связи с распространением среди прибалтийской господствующей верхушки сепаратистских настроений.

Можно предположить, что Случевский искренне разделял эти опасения редактора-издателя «Московских ведомостей»: в своих очерках он с плохо скрываемым раздражением по адресу прибалтийского дворянства приводил факты, свидетельствующие о его «обособленности» и стремлении к независимости от России, многочисленные случаи дискриминации коренных жителей и православного русскоязычного населения края, писал о ведении антиправославной пропаганды и противодействии переходу лютеран в православие и т.п. Ни одна деталь не ускользала от его внимательного взгляда: на русском или на немецком языке звучало приветственное слово в адрес великого князя, все ли представители местной администрации присутствовали на церемонии встречи и т.п. О «существовании глубокой, укоренившейся и вовсе нежелательной розни» между немецким меньшинством и коренным местным населением говорило, по мнению наблюдательного автора, постоянное отсутствие немецких чиновников во время посещения князем каких-либо мест, знаковых для коренного населения края, таких, к примеру, как сад Латышского общества в Митаве, где городской голова, обязанный присутствовать на приеме, не явился, проявив, таким образом, пренебрежение к латышскому населению города [23]. В пользу усиливающейся германизации края говорило, по словам Случевского, и отсутствие во многих прибалтийских городах русских учебных заведений, что, как утверждал публицист, объяснялось нежеланием местной администрации поддерживать русские школы под предлогом их «ненадобности и бесполезности».

Рассказывая о системе образования в крае, автор неизменно указывал, какое количество часов отводится (и отводится ли вообще) в немецкоязычных школах на изучение русского языка, имеются ли русскоязычные учебные заведения и какие суммы выделяются на их содержание. С болью и досадой Случевский писал о тяжелом положении православного духовенства в Прибалтике, о находящихся в запустении русских храмах, таких, к примеру, как церковь во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в Митаве – единственная православная церковь в городе, основанная еще в 1778 г. по повелению Екатерины II: «Очень мала размерами, без купола, без алтарной и боковых входных дверей, без соответствующей утвари, и существует без капитального ремонта; кровля над ней обветшала и дает течь, следы двух пожаров еще имеются на иконостасе и его разновременных иконах, ризница совершенно бедна; колокольный звон невеликой колоколенки едва ли способен донестись до ближайшей улицы и напомнить проходящему о доме

молитвы» [24]. Случевский даже предлагал целый комплекс мер, в том числе упразднение теологического факультета в Дерптском университете и лишение лютеранских пасторов права пользования населенными имениями или же разделение этого права между ними и православными священниками. Меры весьма жесткие, но, по мнению публициста, лишь таким образом можно было «восстановить равновесие между православной и лютеранской церквями края» [25].

Однако не только противодействие со стороны немецкой администрации становилось, по мнению Случевского, причиной столь плачевного положения многих православных святынь в крае и пренебрежительного отношения к русской культуре в целом. Публицист с горечью отмечал, что, в отличие от немцев, которые добросовестно и основательно изучают историю прибалтийского края и стараются сохранить свои обычаи и материальную культуру, проживающие здесь русские не проявляют подобного интереса и весьма равнодушны к тому, что их окружает. «Жить, хотя бы в меньшинстве, в этом оригинальном крае и не ознакомиться с внешними очертаниями предметов, которые не могут не поражать» [26], – с осуждением констатировал Случевский, подчеркивая, что незнание истории своего края составляют одну из слабых сторон русского населения Прибалтики. В этом-то, возможно, и кроется, как он полагает, причина невнимания, а зачастую и откровенного игнорирования немецкой администрацией и католическим духовенством прибалтийского края интересов православных россиян.

Литературные достоинства очерков Случевского, присущая им увлекательность повествования, богатое, красочное и заманчивое содержание в сочетании с проблемным подходом, вниманием к насущным проблемам русского северо-запада и его населения – все это делало их не только занимательным чтением, но и давало читателям «Московских ведомостей» повод для серьезных раздумий и обобщений. Тревога и озабоченность публициста судьбами русского северо-запада, его внимание к интересам местной промышленности и промысловиков-поморов, требование приоритетного внимания к проблемам отечественного производства, критика «онемечивания» прибалтийского края – все это находило продолжение в передовых статьях М.Н. Каткова. Будучи рассчитаны на живой отклик аудитории, очерки Случевского служили яркими иллюстрациями к передовым статьям авторитетного московского журналиста, подтверждали высказанные в них идеи, свидетельствуя, таким образом, об общности взглядов двух литераторов по вопросам внутреннего экономического развития России. Следует подчеркнуть, что и сегодня очерки Случевского могут служить ценным источником

информации для исследователей истории северо-западного региона, однако, к сожалению, лишь немногие авторы обращаются к его публикациям [27].

Сотрудничество писателя в консервативных изданиях Каткова не ограничивалось лишь путевыми очерками. В дни государственных торжеств – двадцатилетний юбилей манифеста 19 февраля 1861 г., коронация императора Александра III в Московском Кремле в 1883 г. и т.д. – в «Московских ведомостях» печатались его патриотические оды. Время от времени в журнале «Русский вестник», издателем которого также был Катков, можно встретить лирические стихотворения Случевского: «Картинка в рамке», «Разбитая шхуна» (1879), «Часы с курантами» (1880), «Песня о потешных», «Памяти моего сына», «Из черноземной полосы» (1883), «Корона патриарха Никона» (1884) и др. Журнал считался едва ли не лучшим отечественным ежемесячником 1860–1880-х гг. по уровню публикуемой беллетристики, и имя Случевского соседствовало в нем с именами Ф.М. Достоевского, А.Н. Майкова, А.А. Фета и других знаменитых литераторов, что, несомненно, свидетельствует о талантливости и самобытности его поэзии.

Список источников

1. Гаврилова В.Г. К.К. Случевский в истории русской литературной критики // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2010. Специальный выпуск. С. 118–123.

2. Грачева О.А. Штабс-капитан К.К. Случевский – философ и поэт // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 49–50.

3. Козырева А.Ю. Лирика К. Случевского, философские воззрения в системе поэтического дискурса: циклы «Думы», «Мефистофель», «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 26 с.

4. Кузнецова Е.В. Поэма К. Случевского «Элоа» в контексте демонологического мифа // Новый филологический вестник. 2016. № 2 (37). С. 61–77.

5. Полякова Г.В. Поморье и поморы в творческом восприятии К.К. Случевского (стихотворный цикл «Мурманские отголоски, очерки «По северу России») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 92–97.

6. Смирнова Л.А. «Противоречия красот и безобразий» в «Песнях из Уголка» К.К. Случевского // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 86–99.

7. Фалеева А.С. Философские мотивы лирических циклов Константина Случевского // Символ науки. 2018. № 10. С. 556–0.

8. Московские ведомости. № 290 от 20.10.1885.

9. Московские ведомости. № 271 от 1.10.1886.

10. Московские ведомости. № 196 от 18.07.1885.

11. Московские ведомости. № 277 от 7.10.1885.

12. Московские ведомости». № 174 от 26.06.1886.

13. Московские ведомости. № 165 от 17.06.1886.
14. Московские ведомости. № 286 от 16.10.1885.
15. Московские ведомости. № 163 от 15.06.1886.
16. Московские ведомости. № 164 от 16.06.1885.
17. Московские ведомости. № 179 от 1.07.1885.
18. Московские ведомости. № 276 от 6.10.1885.
19. Московские ведомости. № 267 от 27.09.1885.
20. Московские ведомости. № 138 от 20.05.1884.
21. Перевалова Е.В. Проблемы Русского Севера на страницах изданий М.Н. Каткова // Журналистский ежегодник. 2017. № 6. С. 43–49.
22. Московские ведомости. № 10 от 10.01.1886.
23. Московские ведомости. № 199 от 21.07.1886.
24. Московские ведомости. № 194 от 16.07.1886.
25. Московские ведомости. № 324 от 23.11.1886.
26. Московские ведомости. № 192 от 14.07.1886.
27. Карпова Н.В. Посещение Псковской губернии великим князем Владимиром Александровичем // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. № 28. С. 146–152.

References

1. Gavrilova, V.G. (2010) K.K. Sluchevskiy v istorii russkoy literaturnoy kritiki [Konstantin K. Sluchevsky in the history of Russian literary criticism]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. Spetsial'nyy vypusk. pp. 118–123.
2. Gracheva, O.A. (2010) Shtabs-kapitan K.K. Sluchevskiy – filosof i poet [Junior Captain Konstantin K. Sluchevsky – philosopher and poet]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 49–50.
3. Kozyreva, A.Yu. (2003) *Lirika K. Sluchevskogo, filosofskie vozzreniya v sisteme poeticheskogo diskursa: tsikly "Dumy", "Mefistofel'", "Chernozemnaya polosa", "Murmanskie otgoloski"* [Lyrics by Konstantin Sluchevsky, philosophical views in the system of poetic discourse: The cycles "Duma", "Mephistopheles", "Black Earth Strip", "Murmansk Echoes"]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Kuznetsova, E.V. (2016) Poema K. Sluchevskogo "Eloa" v kontekste demonologicheskogo mifa [Konstantin Sluchevsky's poem "Eloa" in the context of the demonological myth]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2(37). pp. 61–77.
5. Polyakova, G.V. (2010) Pomor'e i pomory v tvorcheskom vospriyatii K.K. Sluchevskogo (stikhotvornyy tsikl "Murmanskie otgoloski", ocherki "Po severu Rossii") [Pomorie and the Pomors in the creative perception of Konstantin Sluchevsky (a verse cycle "Murmansk Echoes", Essays "In the North of Russia")]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 92–97.
6. Smirnova, L.A. (2005) "Protivorechiya krasot i bezobraziy" v "Pesnyakh iz ugolka" K.K. Sluchevskogo ["Contradictions of beauty and ugliness" in "Songs from the Corner" by Konstantin Sluchevsky]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 19. pp. 86–99.
7. Faleeva, A.S. (2018) Filosofskie motivy liricheskikh tsiklov Konstantina Sluchevskogo [Philosophical motives of the lyrical cycles of Konstantin Sluchevsky]. *Simvol nauki*. 10.

8. *Moskovskie vedomosti*. (1885a) 20th October.
9. *Moskovskie vedomosti*. (1886a) 1st October.
10. *Moskovskie vedomosti*. (1885b) 18th July.
11. *Moskovskie vedomosti*. (1885c) 7th October.
12. *Moskovskie vedomosti*. (1886b) 26th June.
13. *Moskovskie vedomosti*. (1886c) 17th June.
14. *Moskovskie vedomosti*. (1885d) 16th October.
15. *Moskovskie vedomosti*. (1886d) 15th June.
16. *Moskovskie vedomosti*. (1885e) 16th June.
17. *Moskovskie vedomosti*. (1885f) 1st July.
18. *Moskovskie vedomosti*. (1885g) 6th October.
19. *Moskovskie vedomosti*. (1885h) 27th September.
20. *Moskovskie vedomosti*. (1884) 20th May.
21. Perevalova, E.V. (2017) Problemy Russkogo Severa na stranitsakh izdaniy M.N. Katkova [Problems of the Russian North in Mikhail N. Katkov's periodicals]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*. 6. pp. 43–49.
22. *Moskovskie vedomosti*. (1886e) 10th January.
23. *Moskovskie vedomosti*. (1886f) 21th July.
24. *Moskovskie vedomosti*. (1886g) 16th July.
25. *Moskovskie vedomosti*. (1886h) 23rd November.
26. *Moskovskie vedomosti*. (1886i) 14th July.
27. Karpova, N.V. (2008) Poseshchenie Pskovskoy gubernii velikim knyazem Vladimirom Aleksandrovichem [Visit to the Pskov province by Grand Duke Vladimir Aleksandrovich]. *Pskov. Nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal*. 28. pp. 146–152.

Информация об авторе:
Перевалова Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненашева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), docent, head of the Journalism and Mass Communications Department, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022;
одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 02.02.2022;
approved after reviewing 06.12.2022; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 98–112.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 98–112.

Научная статья
УДК 82-31: 311.21
doi: 10.17223/23062061/32/6

ОТЗЫВ О КНИГЕ КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОГО КОДА ЧИТАТЕЛЯ

Людмила Александровна Мосунова[1], **Екатерина Владимировна Митягина**[2]

[1, 2] *Вятский государственный университет, Киров, Россия*
[1] *lmosunova@hotmail.com*
[2] *mityagina2004@yandex.ru*

Аннотация. На материале библиотеки электронных книг ЛитРес методами текстуального и цифрового анализа изучены отзывы читателей о книгах лауреатов российских литературных премий с 2000 по 2020 г. Отражение ценностно-смысловой сферы в отклике на книгу позволило найти фундаментальные и стабильные элементы культуры. Смысловые метки в отзывах указывают на типичные образы. Вычленены и обобщены элементы культурного кода, показан процесс осознания читателем традиционных и новых культурных доминант.
Ключевые слова: современная литература, литературные премии, отзыв о книге, ценностно-смысловая сфера, культурный код

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта Вятского государственного университета «Гармоничная личность» программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Мосунова Л.А., Митягина Е.В. Отзыв о книге как пространство культурного кода читателя // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 98–112. doi: 10.17223/23062061/32/6

Original article

BOOK REVIEW AS A SPACE OF THE READER'S CULTURAL CODE

Liudmila A. Mosunova[1], **Ekaterina V. Mitiagina**[2]

[1, 2] Vyatka State University, Kirov, Russian Federation
[1] *lmosunova@hotmail.com*
[2] *mityagina2004@yandex.ru*

Abstract. The interest of science and society in the protection and preservation of traditional cultural values is obvious. The cultural code that develops from gener-

© Л.А. Мосунова, Е.В. Митягина, 2023

ation to generation is both stable and capable of gaining new cultural dominants, which is reflected in modern fiction. The reader's book review, being a result of an aesthetic experience, also contains elements of the cultural code. Their study is possible on large data sets: digital analysis methods allow extracting and generalizing typical values that are practically indistinguishable with small statistics. Thousands of emotional, spontaneous reader reviews become a common space where signs and symbols of the cultural code stand out. The object of research is the largest library of electronic books LitRes. It is the largest representative of the electronic and audiobook market in Russia and CIS countries that occupies 2/3 of the electronic and audiobook market in Russia and has 166 thousand readers. The subject of the analysis is readers' reviews of books by laureates of Russian literary awards (Big Book, Russian Booker, National Bestseller, Yasnaya Polyana, Great Literary Prize of Russia, Writer of the Year, Patriarchal Literary Prize, State Prize in Literature and Art) from 2000 to 2020. 7959 reviews of 109 works by 63 authors were extracted. The research methodology included automatic collection of data from the LitRes e-book library; development of a category matrix, a markup codifier, and instructions for annotators; manual markup of reviews and creation of an annotated corpus of texts; identification of statistically significant patterns based on the results of manual markup. The matrix of categories and the markup codifier include: the content of reviews (emotions, facts, or meanings); elements of the value-motivational sphere (motives, interests, and values); typical images and cultural dominants. Using a combination of textual and digital data analysis methods, the following results were obtained. (1) Relevant (24%) and irrelevant (76%) reviews have been established. (2) The components of the value-motivational sphere that are indicative for the explication of the cultural code have been identified using keywords. According to statistics, 50% of the values expressed in reviews are aesthetic; about 18% of readers focus on moral values – honor, conscience, duty, and truth; 32% of reviews combine both values. (3) The typical images that arose in the minds of readers when comprehending what they read (the struggle for truth, the historical past, strong women, the desire for freedom, the Russian language, the truth of life) have been summarized. (4) By theoretical analysis of the concepts and categories prevailing in the reviews and their generalization, the problem of synthesis has been solved: typical images are combined into cultural dominants (respect for national heritage, the connection of times, human sins, the long-suffering of the Russian person, the tragedy of the country, the meaning of life).

Keywords: modern literature, literary awards, book review, value-semantic sphere, cultural code

Acknowledgements: The study was conducted at Vyatka State University under the Priority 2030 program.

For citation: Mosunova, L.A. & Mitiagina, E.V. (2023) Book review as a space of the reader's cultural code. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 98–112. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/6

В философии и психологии произведение искусства трактуется как закодированное человеческое переживание, которое выражает авторское отношение к объекту искусства и носит не познавательный, а оценочный характер [1]. Литературное произведение как искусство слова с данной точки зрения также является носителем этого кода – авторского отношения или авторской оценки действительности. Определяя культуру как поле коллективных смыслов, Д.А. Леонтьев полагает искусство механизмом их трансляции, обеспечивающим человеку специфический опыт, который несводим к познавательной информации [2]. В этом аспекте отзыв читателя о книге можно трактовать как закодированное читательское переживание, как способ самовыражения читателя, отображающий его «отношение к отношению» и заставляющий обнажать собственный внутренний мир [3].

Механизм столкновения смыслов при восприятии искусства, раскрытый Д.А. Леонтьевым, приводит к осознанию собственных ценностно-смысловых ориентиров и потребности в их трансляции. Тем самым читательский отзыв может содержать некие базовые, фундаментальные элементы культуры (ценности, традиции, символы и др.), которые являются основой идентичности [4]. Исходя из этого, авторы рассматривают отзыв как пространство культурного кода.

В настоящее время очевиден интерес науки и общества к вопросам защиты и сохранения традиционных культурных ценностей [5]. Не случайно Президент Российской Федерации на церемонии вручения премии в области литературы и искусства для детей и юношества в 2018 г. подчёркивал значение культурного кода, который складывается из поколения в поколение и делает россиян особенными[1]. Культурный код одновременно и стабилен, и способен «обрастать» новыми культурными доминантами путём приумножения этих доминант через их репродуцирование в новой исторической ситуации и через новые интерпретации старого культурного массива [6].

Понятие «культурный код» до сих пор относится к разряду дискуссионных. В науке существует широкий спектр подходов к его трактовке, которые важно учитывать в исследовании культурного кода читателя современной художественной литературы. Многообразие подходов позволяет раскрыть многослойное содержание понятия «культурный код» и обосновать возможность инновационных цифровых методов его исследования.

[1] Путин рассказал о коде, который делает россиян особенными. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/378063?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

В наиболее широком социокультурном аспекте его рассматривают как систему культурных координат, обеспечивающих передачу социально значимого смысла [7]. Особое внимание уделяется методологии исследования культурных кодов [8]; учёные стремятся раскрыть их сущность, особенности, функциональную роль в культурной практике [9]. Очевидны попытки связать культурный код с противоречиями цифровой эпохи. С одной стороны, она порождает социальные вызовы, связанные с проблемой анонимности и потерей идентичности [5]. Например, по В.Г. Мехтиеву, современное состояние социума является отражением утраты авторства, утраты человека, ответственного за слово и поступок; во всём, что касается наших интеллектуальных и духовных потребностей, мы сталкиваемся с анонимностью, с «рукотворными» мифами, заменившими собою подлинность, в том числе подлинность самого человека [10. С. 5]. С другой стороны, проектирование единого цифрового пространства знаний рассматривается как средство формирования культурного кода [11].

В отдельных гуманитарных областях культурный код исследуется в соответствии с их предметной, более узкой и конкретной, направленностью. В психоаналитическом аспекте культурный код изучается как совокупность запечатлённых образов, скрытых в глубинах подсознания и управляющих нашим мышлением и поведением[1] [12]. С точки зрения аксиологии, культурный код – это семантическая матрица, которая формирует предел восприятия событий и их оценку [13]. В семиотике культурный код – это исходная знаковая структура, содержащая в непроявленном (имплицитном) виде компоненты культурной парадигмы народа, его мышления и поведения [14]. Лингвокультурология рассматривает культурный код как систему уникальных архетипов, типичных образов, ценностей, характеризующих идентичность народа – его менталитет и духовно-нравственные установки [15].

Однако, несмотря на пестроту определений, в них можно выделить три общих момента.

Во-первых, все они говорят о культурном коде как совокупности смыслов и ценностей. Следовательно, при изучении отзывов о книге важно эксплицировать в первую очередь ценностно-смысловую сферу читателя. Во-вторых, подчёркивается имплицитный, неявный, подсознательный характер компонентов культурного кода, что делает далеко не элементарным анализ этой тонкой и сложной реальности и требует особых инструментов анализа. В-третьих, отмечается, что культурный код

[1] Данный ракурс сегодня особенно актуален в рекламе.

содержит систему типичных образов и культурных доминант, по которым возможно определить идентичность народа, его менталитет и духовные ценности.

В данной статье авторы обратились к исследованию составляющих культурного кода в читательских отзывах: являясь результатом эстетического переживания, этот тип высказывания именно по причине своей эмоциональности и импульсивности может содержать более или менее отчётливо (эксплицитно) доминанты культурного кода.

Объектом исследования была выбрана самая большая библиотека электронных книг ЛитРес. Созданная в 2006 г., она стала крупнейшим представителем рынка электронных и аудиокниг в России и странах СНГ. По данным Kantar TNS (ведущего международного агентства маркетинговых исследований) за 2018 г., ЛитРес занимает две трети рынка легальных электронных и аудиокниг России. Сегодня у библиотеки 166 тысяч читателей.

Предметом анализа стали отзывы читателей на книги лауреатов российских литературных премий с 2000 по 2020 г.: «Большая книга», «Русский Букер», «Национальный бестселлер», «Ясная поляна», «Большая литературная премия России», «Писатель года», «Патриаршая литературная премия», «Государственная премия в области литературы и искусства».

Было извлечено 7 959 отзывов на 109 произведений 63 авторов-лауреатов. На рис. 1, 2 показаны самые популярные (по числу отзывов) книги и авторы двух последних десятилетий. Книги и авторы, представленные на рисунках, набрали более 3,5% отзывов от общего количества. Отметим также произведения, набравшие менее 3,5%, но тоже являющиеся популярными среди читателей: «Мир и война», «С неба упали три яблока», «Искусство легких касаний», «Женщина Лазаря», «Обитель», «Тобол. Много званых», «ПОСТ», «Дни Савелия», «Петровы в гриппе и вокруг него», «Казус Кукоцкого», «Белое на черном» и др. Среди авторов – Борис Акунин, Алексей Иванов, Наринэ Абгарян, Марина Степанова, Григорий Служитель, Людмила Улицкая, Алексей Сальников, Михаил Елизаров и др.

Методология анализа включала следующие этапы: автоматический сбор данных библиотеки электронных книг ЛитРес; разработку матрицы категорий, кодификатора разметки и инструкции для аннотаторов; ручную разметку отзывов и создание аннотированного корпуса текстов; выявление статистически значимых закономерностей по результатам ручной разметки.

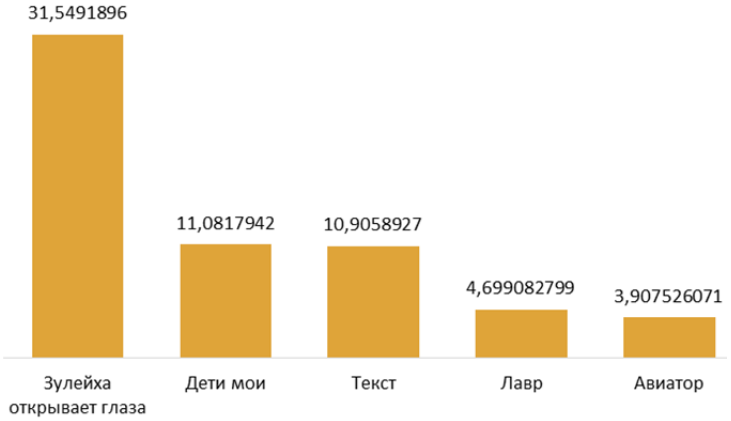

Рис. 1. Рейтинг самых популярных книг последних двух десятилетий по количеству отзывов, %

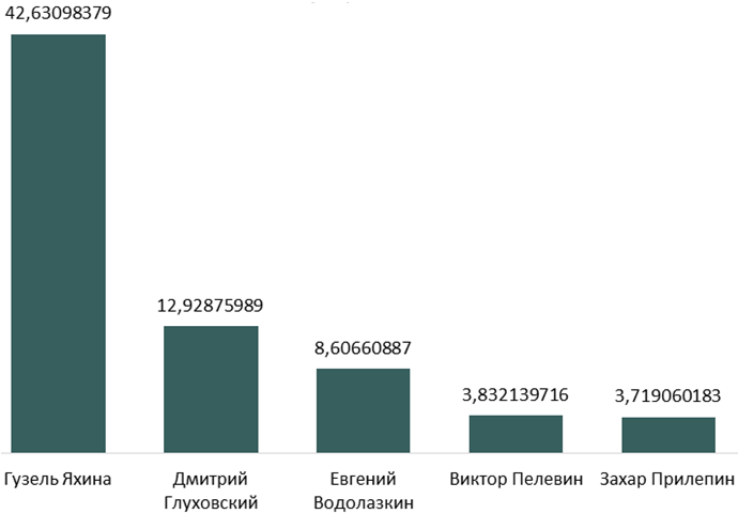

Рис. 2. Рейтинг авторов по количеству отзывов, %

В настоящее время разрабатывается алгоритм классификации для машинного обучения и визуализации данных; с некоторыми итогами этой работы можно ознакомиться в наших веб-отчётах[1].

[1] URL: https://pa.data.tsu.ru:5043/polyanalyst/static/paclient/publication-view.html?reportUUID=515f53c3-99e2-435d-82f6-68ed71d8a369&guest=1

Матрица категорий и кодификатор разметки включали следующие категории: содержание отзывов (эмоции, факты и смыслы), элементы ценностно-мотивационной сферы (мотивы, интересы и ценности), а также типичные образы и культурные доминанты.

На первом этапе перед авторами статьи стояла задача отсеять «информационный мусор» и определить релевантность контента. Релевантность сообщений – первичная характеристика, отражающая степень соответствия отзывов теме исследования.

Отзыв считался релевантным, если он обладал содержанием в виде каких-либо фактов, эмоций или смыслов и позволял говорить о хотя бы одном компоненте ценностно-мотивационной сферы его автора (т.е. о его ценностях, интересах или мотивах). Например, отзыв: *«Нет уважения к читателю, автор рисуется, с насмешкой или недоброй иронией описывается и место, и люди, образы получаются не близкими»* – является релевантным, так как указывает на конкретный факт отступления писателя от нравственной нормы (*неуважение, насмешка, недобрая ирония*), а также на непосредственный интерес автора отзыва к произведению и потребность высказать свою позицию обществу.

К нерелевантным были отнесены отзывы, которые не позволяли определить ни один компонент ценностно-смысловой сферы, не раскрывали предмет отзыва или отражали лишь сиюминутную реакцию читателя. Если отзыв являлся нерелевантным, дальнейший анализ прекращался.

Приведём примеры: *«Книга оставила очень неоднозначное впечатление»* (отзыв является нерелевантным, так как в силу лаконичности отзыва причина впечатления не раскрывается). *«Восторг от прочитанного!!! Такой кайф, когда находишься ещё долгое время под впечатлением от прочитанного!»; «Чтец прекрасен, язык хорош. Дослушать не в состоянии. Тошнит от главного героя. Все вокруг говно, а я белая ромашка. Вот и вся идея»* (отзывы являются нерелевантными, так как фиксируют только непосредственную эмоцию).

Следует отметить, что в нерелевантных отзывах отсутствуют признаки целостности восприятия художественного текста; наблюдаются лишь первичные реакции на отдельные стороны произведения [16].

Анализ показал, что четвёртая часть отзывов (24%) являются релевантными, т.е. содержат элементы осмысленного прочтения художественного произведения. Как показывают наши исследования, одной из проблем использования отзывов, постов и комментариев для научного анализа является значительный процент нерелевантных отзывов [17]. В этом смысле данное исследование – исключение, поскольку четверть релевантных отзывов – это сравнительно хороший показатель.

На втором этапе решалась задача выявления наиболее показательных для экспликации культурного кода компонентов ценностно-смысловой сферы.

Ценностно-смысловая сфера – характеристика, описывающая внутренние проявления культурного кода [18]. В результате теоретического анализа и пробного эмпирического изучения нескольких сотен отзывов было определено, что читательские высказывания различаются прежде всего по доминирующим духовным ценностям.

От первоначальной гипотетической дифференциации ценностей на две классические категории – материальные и духовные – пришлось отказаться, так как выявился интересный факт: читатели в отзывах практически не обращаются к идее материальных ценностей, но все так или иначе затрагивают ценности духовные. Мы сочли этот факт характерным для читательской аудитории, поскольку потребность в общении с художественной литературой относится к разряду высших, духовных потребностей. Тем самым возникла задача дифференциации самих духовных ценностей.

Понимая духовные ценности как систему высших социальных качеств индивида, необходимых для реализации священных устоев человеческой жизни, как основу нравственно-эстетической самореализации, отражающую чувствительность человека к добру и злу, прекрасному и безобразному, истинному и ложному, мы выделили в духовных ценностях прежде всего моральные и эстетические ценности. Они считаются высшими духовными ценностями, так как определяют поведение человека в других системах ценностей. В отзывах доминировали нравственные или эстетические духовные ценности, а также сочетались те и другие. Поскольку цифровые методы предполагали построение матрицы и кодификатора разметки для машинной обработки, важно было выделить ключевые слова данной сферы.

Нравственные ценности – это смысложизненные установки, ориентиры (добро, честь, достоинство, справедливость и др.), образующие основу нравственного сознания. В нравственных ценностях находят свое выражение нормы и оценки отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом, поэтому они могут служить критерием для выявления составляющих культурного кода. Ключевые слова здесь – нравственные категории: *идеал, совесть, честь, долг, правда, мужество, уважение, любовь, добро, зло честь, достоинство, справедливость* и др. Например: *«Серо всё и депрессивно, как у Достоевского в чахоточном Петербурге, только переиначенном на современный лад. Но у классика хотя бы люди добрые есть. А здесь все злые или озлобленные»* (ключевые

слова *люди добрые, злые, озлобленные* указывают на внимание автора отзыва к нравственным ценностям).

Эстетические ценности – это духовные ценности, связанные с переживанием красоты и гармонии, со способностью человека к глубоким, сильным, ярким эмоциональным переживаниям, умением воспринимать прекрасное в окружающем мире, в том числе видеть достоинства книги, оценивать её художественно-эстетические стороны. Это осознание действительности в форме конкретно-чувственных, художественных образов. Ключевые слова здесь – эстетические категории: *красота, уродство, трагедия, комедия, совершенство, ужас, радость, мрачный, язык (хороший, вычурный, иносказательный, точный до слёз), стиль (прекрасный, уникальный, замечательный, захватывающий), образы, сюжет, прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное* и др.

Приведём примеры:

«Стоит отметить нетривиальный сюжет, где оригинальная идея дополняется умными и внутренне наполненными персонажами, а также замысловатую подачу материала в виде дневниковых записей и аллюзий на "Робинзона Крузо" и открытый финал» (ключевые слова *сюжет, идея, персонажи, замысловатая подача материала, открытый финал* говорят о ценности для автора отзыва художественно-эстетической стороны произведения).

«Книга очень увлекает, язык также хорош. Особенно поразило умение автора при, казалось бы, простой теме – становление цельного, сильного, высоконравственного человека, – не скатиться до написания "патоки". Что не так? Идею, что все происходящее вне времени, автор подчёркивает сочетанием двух языков – современного и древнерусского (славянского), что иногда выглядит несколько искусственным» (ключевое слово *«язык»* указывает на внимание автора отзыва к художественно-языковой стороне произведения).

Нравственно-эстетические ценности – сочетание обоих видов ценностей, характерное для восприятия произведений искусства, в том числе литературы. Естественно, что нередко они взаимосвязаны, в отзыве могут отражаться как этические, так и эстетические категории. Например: *«"Золото бунта" – это шедевр русской литературы. Богатый исторический материал, яркая, живая природа, чёткая, выверенная сюжетная линия, необычный и захватывающий детектив – неоспоримые достоинства книги. Но главное, что удалось писателю, – это показать русских людей, их характеры, образ жизни, мышление, веру и заблуждения, подвиги и преступления, любовь и подлость… Радость и гордость вызывает победа человека высокого духа»* (ключевые слова *шедевр русской*

литературы, сюжетная линия, захватывающий детектив, радость и гордость указывают на эстетические ценности, а ключевые слова *вера и заблуждения, подвиги и преступления*, *любовь и подлость*, *человек высокого духа* – на нравственные).

Статистический анализ показывает, что 50% ценностей, транслируемых в отзывах, являются эстетическими. Сосредоточены на нравственных ценностях – чести, совести, долге и правде – около 18% читателей (рис. 3).

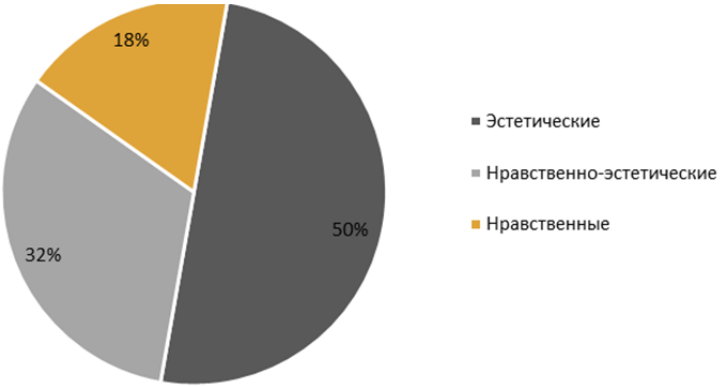

Рис. 3. Ценности, транслируемые в отзывах, %

На третьем этапе, после создания матрицы, на основе кодификатора ключевых слов были обобщены типичные образы, которые возникали в сознании читателей при осмыслении прочитанного.

Типичные образы – это смысловые метки отзыва, обозначающие его главную тему, указывающие на то, *что* в первую очередь увидел читатель в книге. Для выявления составляющих культурного кода важно было выделить эти метки, которые могут расставляться пишущим как сознательно, так и неосознанно. Они позволяют концентрированно ответить на вопрос: *о чём* данный отзыв и *что* думает автор отзыва об этом. Нередко автор отзыва повторяет эти образы, что говорит об их значимости для него. Именно они представляли элементы культурного кода, поскольку ключевые слова указывали на духовные ценности, нравственные или эстетические, или на те и другие вместе.

На рис. 4 приведены примеры некоторых типичных образов, выделенных на основе их наибольшей частотности в массиве релевантных отзывов, а также отдельные примеры читательских высказываний.

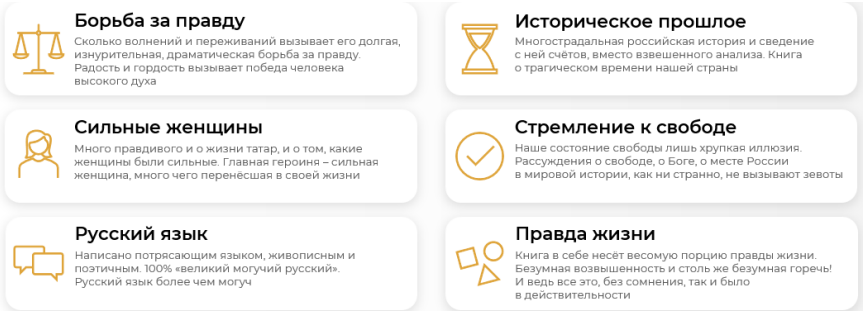

Рис. 4. Типичные образы в сознании читателей

На завершающем этапе исследования отзывов читателей о книге как пространстве культурного кода решалась самая сложная задача – задача синтеза. Было необходимо выйти на новый уровень обобщения и объединить типичные образы в культурные доминанты. Главным методом на этом этапе стал теоретический анализ понятий и категорий, доминирующих в отзывах, и их генерализация.

Культурная доминанта – это главенствующая идея, основной признак или важнейшая составная часть культурного кода. Это наиболее существенные для нашей культуры смыслы, совокупность которых образует культурный код, поддерживаемый и сохраняемый в традициях.

В отзывах культурные доминанты выступают как наиболее обобщённые ценностные категории. Если отсутствовало прямое словесное обозначение, культурная доминанта определялась исходя из контекста высказывания. Если и контекст не позволял выделить такую главенствующую идею, ячейка в матрице оставалась незаполненной.

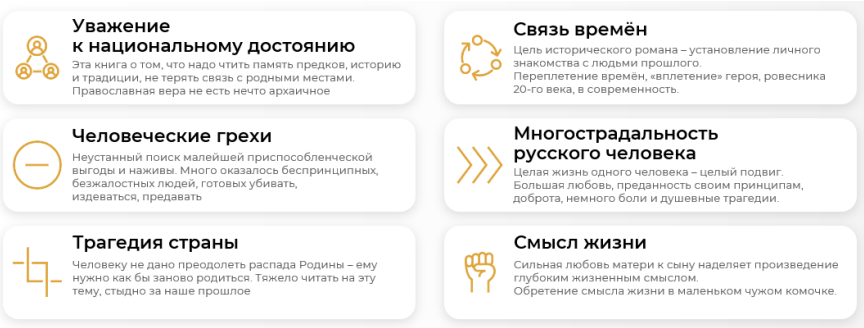

Рис. 5. Культурные доминанты в отзывах о книгах

На рис. 5 представлены примеры культурных доминант и некоторые высказывания читателей, подтверждающие правомерность обобщения содержания отзывов.

Таким образом, исследование показало, что отзыв читателя о книге при использовании сочетания методов текстуального и цифрового анализа открывает неисчерпаемые возможности для изучения культурного кода. Огромный массив данных позволяет извлекать и обобщать типичные образы и культурные доминанты, которые практически неразличимы при небольшой статистике. Многотысячная совокупность лаконичных, эмоциональных, спонтанных читательских отзывов становится общим пространством, на котором, как острия, выделяются знаки и символы культурного кода.

Список источников

1. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград : Янтарный сказ, 2000. 704 с.

2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М. : Смысл, 2003. 487 с.

3. Мосунова Л.А. Управление чтением художественных текстов как процессом порождения смысла // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 135–152. doi: 10.15293/2226-3365.1802.08

4. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. 15 апреля 2015 г. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. № 4 (47). С. 28–37. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23293205 (дата обращения: 20.10.2021).

5. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41258424 (дата обращения: 21.11.2021).

6. Манапова В.Э. Трансформация культурных кодов: от образа – к сигналу // Общество: философия, история, культура. 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ transformatsiya-kulturnyh-kodov-ot-obraza-k-signalu/viewer (дата обращения: 20.12.2021).

7. Культурный код нации. Материалы семинара «Реалистическое моделирование». М. : Изд-во МГУ, 2015. URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/53281/ (дата обращения: 20.12.2021).

8. Букина Н.В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 14. С. 232–237. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15255617 (дата обращения: 21.12.2021).

9. Бабосов Е.М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3 (157). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-suschnost-i-osobennosti (дата обращения: 21.12.2021).

10. Мехтиев В.Г. Истоки кризиса гуманитарного знания: Феномен кризиса в контексте современного гуманитарного знания. Хабаровск, 2009. 110 с.

11. Динер Е.В., Лопатина Н.В. Единое цифровое пространство знаний в формировании национального культурного кода личности: методология проектирования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6. С. 130–138.

12. Иванова А.П., Ягодкина М.В. Культурные коды в современной рекламе // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 8 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-v-sovremennoy-reklame (дата обращения: 20.12.2021).

13. Гревнев В.М. Социокультурные коды как мировоззренческие и ментальные матрицы региональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41. С. 58–63. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32205692 (дата обращения: 22.12.2021).

14. Степанова Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11). С. 130–135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-semioticheskiy-i-kulturologicheskiy-aspekty (дата обращения: 23.12.2021).

15. Симбирцева Н.А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157–167. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/kod-kultury-kak-kulturologicheskaya-kategoriya/viewer (дата обращения: 24.12.2021).

16. Мосунова Л.А. Принцип целостного восприятия художественного текста в обучении студентов-гуманитариев // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 115–121. doi: 10.25730/VSU.7606.20.030

17. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных / Ю.К. Александрова, А.В. Богданова, И.С. Васендина, В.Л. Гойко, А.И. Джангаров, Е.В. Митягина, М.Г. Мягков, Е.В. Романова, О.В. Ярмак. Томск : Издательство ТГУ, 2021. URL: https://drive.google.com/file/d/171-iR9QZLw15d6YqdGxdSVYJpExj5dga/view

18. Мосунова Л.А., Борзова Т.В. Развитие национальной культурной идентичности студентов гуманитарных специальностей в процессе обучения продуцированию нарративных текстов // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 141–154. doi: 10.32744/pse.2021.6.10

References

1. Branskiy, V.P. (2000) *Iskusstvo i filosofiya: Rol' filosofii v formirovanii i vospriyatii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi* [Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of a work of art on the example of the history of painting]. Kaliningrad: Yantarnyy skaz.

2. Leontiev, D.A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. 2nd ed. Moscow: Smysl.

3. Mosunova, L.A. (2018) Upravlenie chteniem khudozhestvennykh tekstov kak protsessom porozhdeniya smysla [Managing the reading of literary texts as a process of generating meaning]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogi-cheskogo universiteta*. 2. pp. 135–152. DOI: 10.15293/2226-3365.1802.08

4. Avanesova, G.A. & Kuptsova, I.A. (2015) Kody kul'tury: ponimanie sushchnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoy praktike [Cultural codes: understanding the essence, functional role in cultural practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of Science and Art: Questions of Philology, Art Criticism and Cultural Studies]. Proc. of the XLVII International Conference. BNovosibirsk, April 15, 2015. Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga. pp. 28–37. [Online] Available from: https://elibrary.ru/item.asp?id=23293205 (Accessed: 20th October 2021).

5. Koneva, A.V. & Lisenkova, A.A. (2019) Identity matrix in the digital age: social challenges to overcome the anonymity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno-go universiteta Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Culturology and Art History*. 35. DOI: 10.17223/22220836/35/2

6. Manapova, V.E. (2019) Transformation of culture codes: from image to signal. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 8(64). (In Russian). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/ transformatsiya-kulturnyh-kodov-ot-obraza-k-signalu/viewer (Accessed: 20th December 2021).

7. Krivov, V.D. (ed.) (2015) *Kul'turnyy kod natsii. Materialy seminara "Realisticheskoe modelirovanie"* [The cultural code of the nation. Materials of the seminar "Realistic Modeling"]. Moscow: Moscow State University. [Online] Available from: http://council.gov.ru/activity/analytics/ analytical_bulletins/53281/ (Accessed: 20th December 2021).

8. Bukina, N.V. (2010) K voprosu metodologii issledovaniya kul'turnykh kodov [On the methodology of the study of cultural codes]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 14. pp. 232–237. [Online] Available from: https://elibrary.ru/item.asp?id=15255617 (Accessed: 21st December 2021).

9. Babosov, E.M. (2016) Kul'turnyy kod natsii: sushchnost' i osobennosti [The cultural code of the nation: Essence and features]. *Nauka i innovatsii*. 3(157). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-suschnost-i-osobennosti (Accessed: 21st December 2021).

10. Mekhtiev, V.G. (2009) *Istoki krizisa gumanitarnogo znaniya: Fenomen krizisa v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [The origins of the crisis of humanitarian knowledge: The phenomenon of crisis in the context of modern humanitarian knowledge]. Khabarovsk: [s.n.].

11. Diner, E.V. & Lopatina, N.V. (2020) Edinoe tsifrovoe prostranstvo znaniy v for-mirovanii natsional'nogo kul'turnogo koda lichnosti: metodologiya proektirovaniya [A single digital space of knowledge in the formation of a national cultural code of personality: a design methodology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 6. pp. 130–138.

12. Ivanova, A.P. & Yagodkina, M.V. (2020) Kul'turnye kody v sovremennoy reklame [Cultural codes in modern advertising]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 8(33). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-v-sovremennoy-reklame (Accessed: 20th December 2021).

13. Grevnev, V.M. (2017) Sotsiokul'turnye kody kak mirovozzrencheskie i mental'nye matritsy regional'noy identichnosti [Sociocultural codes as ideological and mental matrices of regional identity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 41. pp. 58–63. [Online] Available from: https://elibrary.ru/ item.asp?id=32205692 (Accessed: 22nd December 2021).

14. Stepanova, N.I. (2012) Kody kul'tury: semioticheskiy i kul'turologicheskiy aspekty [Culture codes: semiotic and cultural aspects]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 1(11). pp. 130–135. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/ n/kody-kultury-semioticheskiy-i-kulturologicheskiy-aspekty (Accessed: 23rd December 2021).

15. Simbirtseva, N.A. (2016) Culture code as a cultural category. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 157–167. (In Russian). DOI: 10.17805/zpu.2016.1.12.

16. Mosunova, L.A. (2020) Printsip tselostnogo vospriyatiya khudozhestvennogo teksta v obuchenii studentov-gumanitariev [The principle of holistic perception of a literary text in teaching humanities students]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(136). pp. 115–121. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.030

17. Aleksandrova, Yu.K., Bogdanova, A.V., Vasendina, I.S., Goyko, V.L., Dzhangarov, A.I., Mityagina, E.V., Myagkov, M.G., Romanova, E.V. & Yarmak, O.V. (2021) *Situatsiya s kachestvom obrazovaniya v period pandemii: chto pokazyvaet analiz bol'shikh dannykh* [The quality of education during the pandemic: What the big data show]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: https://drive.google.com/file/d/171-iR9QZLw15d6YqdGxdSVYJpExj5dga/view

18. Mosunova, L.A. & Borzova, T.V. (2021) Razvitie natsional'noy kul'turnoy identichnosti studentov gumanitarnykh spetsial'nostey v protsesse obucheniya produtsirovaniyu narrativnykh tekstov [Development of national cultural identity of students in the Humanities in the process of learning how to produce narrative texts]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 6(54). pp. 141–154. DOI: 10.32744/pse.2021.6.10

Информация об авторах:

Мосунова Л.А. – доктор психологических наук, профессор кафедры интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: lmosunova@hotmail.com

Митягина Е.В. – доктор социологических наук, проректор по развитию на основе анализа данных Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: mityagina2004@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.A. Mosunova, Dr. Sci. (Psychology), professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: lmosunova@hotmail.com

E.V. Mitiagina, Dr. Sci, (Sociology), Vice-Rector for Development Based on Data Analysis, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: mityagina2004@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022;
одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 25.01.2022;
approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 113–129.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 113–129.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/32/7

КНИГА Ю. ВЭЛЛЫ «ПОГОВОРИ СО МНОЙ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ: КОМПОЗИЦИЯ И АРХИТЕКТОНИКА

Николай Сергеевич Чижов[1]

[1] *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.s.chizhov@utmn.ru*

Аннотация. Представлено исследование композиции и архитектоники четвертой книги лесного ненца Ю. Вэллы с точки зрения художественного единства входящих в ее состав прозаических и стихотворных текстов. С учетом этнокультурных особенностей книготворческой практики поэта интерпретируются кольцевая композиция книги, широкое жанровое разнообразие входящих в нее произведений, числовая символика в структуре художественного целого, отсутствие открытого ценностного противопоставления «своего» и «чужого» миров, характерного для предшествующих книг автора.

Ключевые слова: этнопоэтика, культурная традиция, композиция, прозиметрия, архитектоника, ценностный мир, стратегия книготворчества

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00503\20 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

Для цитирования: Чижов Н.С. Книга Ю. Вэллы «Поговори со мной» как художественное целое: композиция и архитектоника // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 113–129. doi: 10.17223/23062061/32/7

© Н.С. Чижов, 2023

BOOK PUBLISHING

Original article

YU. VELLA'S BOOK *TALK TO ME* AS A STYLISTIC HARMONY: COMPOSITION AND ARCHITECTONICS

Nikolay S. Chizhov[1]

[1] *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, n.s.chizhov@utmn.ru*

Abstract. This study of the composition and architectonics of *Talk to Me*, a poetry and prose book by Yuri Vella, aims to reveal the stylistic harmony of the texts brought under one cover, taking into account the system of values and mythopoetics of works by Vella, a Nenets author. For this purpose, I brought archetypal dominants of the Nenets cultural tradition up to date based on ethnographic, historical, and philological scientific sources. Research on the theory and analysis of book-making in Russian poetry by M.N. Darwin, Yu.B. Orlitskii, I.V. Fomenko, O.V. Miroshnikova, and others became a methodological basis for the study. I argue that the prosimetric nature of the book-making practice by Vella was determined by the ethnocultural characteristics of his artistic thinking and his experience in mastering Nenets folklore in prosaic and poetic form through the mediation of his grandmother Nenga. I identified the following compositional and genre features of Vella's fourth book: (a) a wide variety of text types (traditional prosody and vers libre, flash fiction and small stories in prose, translations and ethnographic works by the author, etc.); (b) polylingual design of the series of publications under the same name with programmatic texts translated into the main European languages; (c) the circular structure of the book with the title and the final story called "Talk to Me"; (d) thematic titles which build up the semantic space of "our" world; (e) the stylistic harmony and triptychs of the book are characterized by number symbolism which is typical of the Nenets mythology. I argue that all these structural components express the mythopoetic picture of the world and the poet's "circular way of thinking" in the context of his traditional national culture (see "The Highest Form of Harmony"). Moreover, the book under consideration does not prioritize the assertion of the values of "our" world under the threat of losing its national identity as a result of globalization in the Soviet and post-Soviet period (books *News from the Camping Ground*, *White Screams*, *Triptychs*). It rather considers the phenomenon of the Nenets culture and the spiritual experience of its highly respected representative as internationally significant socio-humanistic phenomena. Therefore, Vella positions the book *Talk to Me* as a space for an interethnic dialogue aiming to actualize universal human spiritual values and preserve the uniqueness of one of the small-numbered peoples of the Tyumen North.

Keywords: ethnopoetics, cultural tradition, composition, prosimetrum, architectonics, value-based world, strategy of book-making

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00503\20.

For citation: Chizhov, N.S. (2023) Yu. Vella's book *Talk to Me* as a stylistic harmony: Composition and architectonics. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 113–129. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/7

Юрий Вэлла (1948–2013) – ненецкий поэт, известный в России и за ее пределами представитель литературы одного из коренных малочисленных народов Обь-Иртышского Севера. Художественное наследие поэта составляет восемь книг стихов и прозы, написанных на русском и ненецком языках.

Выпускник Литературного института им. М. Горького (1988 г.) Ю. Вэлла целенаправленно придерживался книготворческой стратегии художественного письма, позволяющей более объемно выразить авторский мирообраз в этнокультурной перспективе. Причем все книги, начиная с «Вестей из стойбища» (1991 г.), он создавал как сложные макроструктурные образования монтажного типа, которые могут композиционно совмещать силлабо-тонические и тонические стихи, малую прозу и прозаические миниатюры, ненецкий фольклор и этнографические исследования территории Обь-Иртышского речного бассейна.

Важным в свете сказанного является замечание критика М.Н. Мельникова о синкретичности избранной Ю. Вэллой художественной формы: «Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный "слепок" народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно» [1. С. 31]. В предисловии к книге «Белые крики» Ю. Вэлла самостоятельно пытается осмыслить прозиметрическую природу своего творчества. Причем поэт начинает с сожаления, что ненецкий народ в силу исторических обстоятельств потерял «лучших сказителей» и фактически замолчал, вспоминает об особой заслуге родной бабушки Ненги в сохранении этнического фольклора в роду Айваседа, представителем которого он является. Однако бабушке поэта, в силу незнания языка внуками, на котором исполнялись «вести <…> плачи, песни» [2. С. 5] под народную мелодию или в форме стихов-наговоров, приходилось пересказывать содержание сказок на разговорном ненецком языке, понятном маленьким слушателям. Именно по этой причине, предполагает поэт, его творчество представляет собой «смесь прозы со стихами. Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки» [2. С. 8].

В рамках статьи остановимся на исследовании композиции и архитектоники четвертой книги Ю. Вэллы «Поговори со мной» (2004 г.), которая в его книготворческой практике занимает особое место. В интервью 2008 г. поэт назвал ее «самой лучшей своей книгой <…> по внутреннему содержанию», позволяющей читателю, вместе с «Азбукой оленевода», сформировать целостное представление о его творчестве [3]. Немаловажным структурным компонентом книги является полилингвальное оформление: помимо текстов на ненецком и русском языках как основных, печатаются переводы некоторых из них еще на один язык. В зависимости от последнего существуют несколько вариантов издания книги, выпущенных с 2004 по 2013 г.: на сибирско-татарском, хантыйском, английском, французском и других языках[1]. Также отдельные варианты книги различаются еще и некоторыми текстуальными дополнениями, не вносящими существенных изменений в композицию и архитектонику книжной макроструктуры. Например, в пятом варианте, в отличие от второго, наличествуют «Правила для будущего оленевода (7х7)» [4. С. 112–114], которые содержательно и композиционно примыкают к триптиху «Азбука оленевода». Этот книготворческий эксперимент, призванный познакомить широкую читательскую публику с культурой ненецкого народа и творчеством его представителя, выделяет книгу «Поговори со мной» в наследии поэта. Хотя стоит заметить, что первый опыт публикации Ю. Вэллой книги с текстами на русском и одном европейском языках датируется 1996 г. Речь идет о книге «Белые крики», где все художественные тексты, за исключением двух триптихов, были опубликованы на русском и французском языках.

Книга как художественное целое, в отличие от сборника, собрания сочинений, антологии, является не просто совокупностью самостоятельных произведений одного или нескольких жанров, объединенных общностью темы, принадлежностью одному автору, хронологической последовательностью расположения в издании, а сложноорганизованной системой, где взаимодействие отдельных текстов образуют принципиально «новое качество целого» [5. С. 96]. В большинстве исследований по рассматриваемой проблематике подчеркивается особая коммуникативная природа книги, поскольку она воплощает мирообраз и мироотношение автора [6. С. 18] (в других вариантах – мировидение [7. С. 28], мировосприятие [8. С. 6] и т.д.). Но вместе с тем, книга одновременно, как заметил М.Н. Дарвин, является способом выражения «читательского

[1] В статье проводится анализ книги «Поговори со мной» (второй вариант) с переводами отдельных текстов на французский язык (г. Нижневартовск, 2004 г.).

восприятия» [5. С. 96]. И во многом от сотворческой активности последнего зависит, сможет ли книга раскрыть себя как художественной целое или останется эстетическим пространством относительно самостоятельных текстов [9. С. 10–11].

В соответствии с научной традицией, идущей от М.М. Бахтина, принято различать композиционные и архитектонические формы организации художественного высказывания. Первые, если воспользоваться определением В.М. Жирмунского, относятся к структуре «словесного материала», что «поэтом подчиняется формальному заданию, закономерности и пропорциональности расположения частей» [10. С. 436]. Вторые образуют структуру эстетического объекта и представляют собой «не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершенное целое» [11. С. 70]. Сотворческое постижение и ценностное утверждение эстетического целого осуществляются читателем с «внежизненно активной» позиции в виде художественной формы как строя и порядка, организующего «составные элементы содержания» [12. С. 24].

Наряду с элементами структурно-семиотического подхода при исследовании книготворческих практик в русской литературе XX в. ученые-гуманитарии обращаются к опыту рецептивной эстетики и современной герменевтики. Так, О.В. Мирошникова использует подход, «включающий последовательность логико-аналитической и дивинационной “операций” анализа книги как образного целого». В результате коммуникативное событие сотворческой встречи «читателя и создателя образного мира» в научной рецепции ученого предполагает «первоначальное интуитивное определение жанрово-текстовой специфики книги и доминирующих носителей ее целостности» [6. С. 18].

Для нас также важно, что методология герменевтического анализа литературных произведений позволяет учитывать при исследовании книги как художественного целого культурную традицию, к которой принадлежит творчество автора: «...тот, кто хочет понять, связывает себя с предметом, о котором гласит предание, и либо находится в контакте с традицией, изнутри которой обращается к нам предание, либо стремится обрести такой контакт» [13. С. 79]. В идеале, по Г.-Г. Гадамеру, «такой контакт» должен представлять собой «непредвзятое слияние с преданием» [13. С. 80]. В то же время исследователь указывает на невозможность «беспроблемной и само собой разумеющейся» слитности интерпретатора и предания, характерной «для непрерывной традиции» [13. С. 81]. На разницу между преданием, «созвучным собственному типу культуры исследователя, либо, наоборот, вполне чуждым ему»,

обратил внимание И.А. Есаулов. В последнем случае, как отмечает ученый, «вряд ли возможно “самоузнавание”, а тем более “слияние” с преданием». Однако актуализация последнего как необходимого условия «понимания в гуманитарных науках», считает И.А. Есаулов, должна начинаться «с исследовательской рефлексии по поводу типа культурной традиции – с авторитетной для этой традиции архетипической системой ценностей» [14].

Современные исследования этнопоэтики художников слова с Ямала и Югры выявили следующие «бытийные доминанты», служащие «интеграторами значительных ансамблевых форм» в ненецкой и хантыйской литературах: «...число и вечность, круговорот и творение, род и вера, путь сквозь хаос», образующие «национальный ценностный космос» [15. С. 23] в произведениях Е. Айпина, Ю. Вэллы, А. Неркаги и др.

Полное заглавие книги, представленное на форзаце, выглядит следующим образом: «Поговори со мной. *Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу*» [16. С. 1]. Первому адресату соответствует посвящение книги «бывшему *студенту*, ныне замечательному профессионалу, хирургу Геннадию Семеновичу Бородину и *студентке-заочнице*, младшей медсестре Насте» [16. С. 1]. К объяснению причин этой адресации автор обращается в предисловии, где вспоминает о часто снившемся сне, в котором он среди других студентов стоит возле двери институтской аудитории и боится войти, поскольку там принимают экзамен: «Вероятно, остался у меня “хвост” – незачет. Вот и хочу таким образом вернуть своему институту должок – своего рода курсовую работу, – книгу для студента» [16. С. 6]. Конечно, приведенное объяснение не преследует цели раскрыть во всех деталях авторский замысел и дать исчерпывающую смысловую характеристику книги.

Однако, с точки зрения обозначенной адресации, книга имеет очевидную дидактическую направленность и призвана передать духовный и жизненный опыт от старшего к младшему поколению представителей ненецкого народа в соответствии с этнокультурной традицией. Как известно, любая традиционная модель воспроизведения и передачи знаний и умений по своей природе является дидактической. Отсюда характерны для ненецкого фольклора жанры загадки, поговорки и т.д., ср.: «Загадки мои (загадки от Татвы)», «Азбука оленевода», включающая поговорки, арифметику и «Кое-что из сакральной азбуки» [16. С. 72–75]. В данном контексте стоит рассматривать «комментарии для перевода» ненецкого рассказа и авторское предложение попробовать читателю себя в качестве переводчика «Ненецкого триптиха». Причем поэт, как в школьных

или вузовских учебниках, отводит специальное для этого место в книге [16. С. 41]. Однако дидактическая интенция не является довлеющей над реципиентом, она сглаживается установкой на духовное, сотворческое взаимодействие сознаний автора и читателя, в некотором роде на разговор по душам с целью приобщения слушателя к вековечной культуре северного народа. Последняя сохранилась не только в сказках, загадках, легендах, быличках, что рассказывала внуку бабушка Ненги, но и в психологии, мировосприятии и художественном мышлении поэта, лесного ненца, жившего с семьей на стойбище в бассейне реки Аган.

Опосредованно с первой частью заглавия связана еще одна проблема книги, обозначенная поэтом в интервью, а именно проблема невозвращения большинства девушек-ненок, в отличие от мужчин, после учебы в интернате и вузе на стойбище: «В конце книги я поместил итоговый рассказ, где молодой человек из города (видимо, ездил за продуктами), возвращается на стойбище и по дороге встречает *девушку, которая едет в город на учебу*. Между ними проскакивает некая искра, вспышка, и я оставляю читателю надежду, что в этот раз всё должно быть благополучно, что, окончив заведение, она вернётся в оленеводческую семью» [3][1]. С точки зрения предмета нашего исследования, рассказ интересен тем, что его заглавие совпадает с заглавием всей книги и композиционно занимает сильную позицию, поскольку является заключительным художественным текстом в структуре эстетического целого. Можно даже говорить о наличии в некотором роде композиционного кольца, где началом выступает заголовочный комплекс, включающий обложку и форзац с посвящением, а концовкой, закругляющей композицию художественной макроструктуры, – переведенный автором с ненецкого языка рассказ «Поговори со мной». Остановимся на его композиции и архитектонике.

В рассказе присутствует композиционное кольцо: начинается и заканчивается он мысленным диалогом девушки-ненки и молодого человека-оленевода, случайно встретившихся «посреди тундры». Причем мысленный диалог, в соответствии с представлениями древних ненцев, как следует из эпиграфа, является не менее реальным, чем обычное вербальное общение: «Изрекли старцы издревле: “Мысленное Слово, про-

[1] Данная тема открыто разворачивается в рассказе «Ожидание (Из Канинской тетради)» [16. С. 80–83], где биографический герой ждет приезда одноклассницы, которая двадцать четыре года назад уехала учиться в педучилище, вышла замуж и осталась жить на большой земле, и косвенно в стихотворном тексте «Снегопад» как художественном переводе с ненецкого «Веременко Елены – *студентки* 1 курса Нижневартовского государственного педагогического института» [16. С. 39].

изнесенное с уверенностью, как слово, произнесенное вслух”» [16. С. 123]. Подобный разговор в рассказе Ю. Вэллы становится духовным общением молодых людей, переживающих зарождающееся любовное чувство. Показательным является образный строй мысленной речи героев, выражающий психологизм и мировосприятие северного народа посредством актуализации традиционной связи человека с природным миром: «Взгляд твой затронул мою душу! Словно от спячки проснулся я! Словно рыба на истоке реки обсохшая, сердце мое испуганно хвостом о песок бьется! Вот и какую-то ерунду сказал! Одновременно хочу прикоснуться к тебе или убежать!». Напротив, условно реальный диалог молодых людей, находящийся в композиционном центре рассказа, по понятным причинам не отличается образностью, поэтичностью и затрагивает вполне обыденные, повседневные темы, характерные для разговора незнакомых людей.

Невозможность актуализировать в реальной жизни любовное единение, что возникло в мысленном диалоге между молодыми ненцами, как потенцию семейного счастья (а семья у малых народов Севера – это прообраз гармонии, всеобщего единства, Космоса) образно воспроизводится автором в виде эсхатологической картины мира: «Словно одну ладонь надвое разорвало, метель-вихрь меж *вас* всю планету вывернул наизнанку!» [16. С. 123–124]. Выворачивание наизнанку – известный мифологический мотив перехода в потусторонний (загробный) мир, который в ненецкой мифологии именуется нижним. Мифопоэтическая же соразмерность макрокосма и микрокосма предполагает, «во-первых, что структура сознания должна повторять структуру космоса, и, во-вторых, что сознание должно структурироваться по тем же самым принципам, что и космос» [17. С. 191–192]. В этом плане особое значение обретает мотив ладони, поскольку включается в ряд антиномичных значений, образующих на мифотектоническом уровне смысловое пространство рассказа. С одной стороны, образ является символом разрыва нераздельных частей одного духовного целого, сплоченного узами любви, что равносильно погружению мира в Хаос, с другой – гармонии, упорядоченного Космоса и восстановленной целостности. Призывом девушки-ненки протянуть оленеводу в мысленном диалоге ладонь, чтобы прикоснуться к руке возлюбленной, заканчивается рассказ:

– Что-то со мной происходит! Я этого не ожидал! Одновременно и смел и робок…

– И я!..

– Так хочется прикоснуться хотя бы к кончику твоего пальца!

– Так протяни свою ладонь! [16. С. 124][1].

Мотив ладони, как и внутренний диалог, является элементом кольцевой композиции рассказа, поскольку, наряду с образным выражением разрыва и единения влюбленных, знаменует начало их духовной встречи: «Посреди тундры встретились две упряжки…*С протянутой ладони твоей скатилось мысленное Слово*» [16. С. 123]. В свою очередь композиционное кольцо прочитывается как внешнее выражение архисюжета инициации (погружения/выворачивания в потусторонний мир с последующим *возращением*/воскресением «сквозь хаос»), входящего в систему «бытийных констант» [15. С. 23] культуры малых народов Севера. В то же время композиционное кольцо всей книги и ключевого рассказа, давшего ей заглавие, можно интерпретировать с точки зрения доминанты художественного мышления поэта, отрефлексированной им самим в образе круга: «Мой мозг отказывается воспринимать прямую, уходящую в бесконечность, или арифметическую прогрессию. Мне кажется, что где-то там конец должен быть. А *круг – вот он, я его вижу*, осознаю, что это одна из форм бесконечности…» [16. С. 31]. Вообще, у северных ненцев круг имеет многозначную символику: начиная с круговой организации жилища (чума) и кочевья оленей и заканчивая вечным кругооборотом жизни, когда существование человека, зверей и птиц вписывается в бесконечный процесс перехода «из одного состояния в другое», основанного «во многом на уходе-возвращении» [18. С. 161]. Другими словами, круг является символом предвечного Космоса, «своего», родного пространства, сотворенного богами, где человек живет гармонично с природным миром.

Приведенное высказывание поэта о круге размещено в начале книги «Поговори со мной» как реплика биографического героя в диалоге с гостями и друзьями о проблеме «наивысшей формы гармонии». Свою формулу гармонии поэт представил в виде триптиха, который бы он изобразил, если бы был художником, где, наряду с кругом в левом углу,

[1] Отметим, что образ вывернутого наизнанку мира, планеты является лейтмотивным в творчестве Ю. Вэллы. Впервые этот образ появляется в стихотворном тексте «Политический разговор» и символизирует воцарившийся Хаос в мире. Связано это с тем, что в мифическом восприятии Деда поэта понятия, образующие политический дискурс 1980–1990-х гг. («Партократия», «Перестройка», «Инфляция», «Демократизация», «Межнациональные отношения»), наделяются антропоморфными качествами и выражают экспансию «чужого» мира на «свое» жизненное пространство с нивелированием характерных для него традиционных ценностей и верований: «Оказывается, / Они создают / Для наших детей / Мир, *вывернутый наизнанку*» [2. С. 63].

размещен Хаос в правом, а в средней части, центральной, – «Дворец бракосочетания, перед дворцом толпа свадебная, и над толпой в центре возвышается голова Невесты. Невеста выше всех на целую голову!» [16. С. 31]. В триптихе поэта воплощается мифологическая картина мира ненецкого народа, основу которой составляют представления о Космосе и Хаосе. Причем поэтом «констатируется» возможность «активизации процесса перехода из одного» [18. С. 155] бытийного состояния мира в другое, поскольку «все заканчивается хаосом и все начинается с хаоса» [16. С. 31].

Центральное место в триптихе Ю. Вэллы, символизирующее гармонию и стабильность жизни кочевника, занимает молодая женщина, готовящаяся стать женой. Жена, как известно, для ненца – это и родной, близкий человек, это и источник продолжения рода, это и соратник (партнер) в кочевой жизни, от здоровья и физической активности которого зависит сохранение «семейной энергии» [19. С. 40] и благосостояния рода. Неслучайно поэт в уже упоминавшемся интервью назвал первый самый важный поступок в своей жизни – «я правильно женился» [3]. Однако не только счастливую семейную жизнь символизирует возвышающаяся над толпой голова Невесты в воображаемом триптихе Ю. Вэллы, но и всеобъемлющую Любовь ко всякой другой женщине, «своей» земле, роду, природному миру. Все эти компоненты «наивысшей формы гармонии» утверждаются в заключительном рассказе книги «Поговори со мной».

Кроме того, обращает на себя внимание выбивающаяся из общепринятой практики повествования форма личностной репрезентации героев нарратором, когда происходит преодоление объектного их изображения в уже свершившемся прошлом-настоящем как бы индивидуально-личным обращением «здесь и сейчас» («твоей», «вас», а не ее, их). Можно предположить, что такой тип художественного высказывания восходит к фольклорно-ритуальной традиции устного повествования, сохранившего элементы субъектного синкретизма: рассказчик становится третьим участником (непосредственным очевидцем, наделенным внежизненной активностью, возможно, шаманом) описываемого события, отсюда его повышенная эмоциональная вовлеченность. Зрители же, а в нашем случае – каждый читатель, желающий «послушать ненецкую душу» [16. С. 2], уподобляются героям во вневременном обращении автора, разыгрывающего на их глазах предвечную историю гибели и возрождения Космоса.

Исходя из методологии исследования книготворчества, согласно которой в основе книги как художественного целого лежат «авторские ми-

рообраз и мироотношение» [6. С. 18], с нашей точки зрения, Ю. Вэлла воплощает этнокультурное мировосприятие поэта в соответствии с моделью рассмотренного выше триптиха гармонии. В том числе эта модель реализуется на уровне композиции книги, в частности, ее кольцевой организации как текстуального выражения «кругового мышления» поэта, соответствующего жизненной «установке: "внутри – теплое стойбище мое"» [18. С. 153]. Пространство «своего» мира в четвертой книге Ю. Вэллы оформляется в таких мотивно-тематических комплексах, зафиксированных в заголовках текстов, как 1) извечный годовой кругооборот природного времени («Снегопад», «Первый снег», «Утром», «Вечером у очага» и др.); 2) традиционный уклад жизни современного ненца-оленевода на стойбище или в период кочевья («Загадки мои (загадки от Татвы)», «Азбука оленевода (триптих)», «Телесеанс», «Вечером у очага», «Ожидание», «Охота на лебедей»); 3) этногеографическое описание родной земли и ненецкий фольклор («Топонимический словарь (бассейн реки Аган) (фрагменты)», «Словарь», «Автобиография» «Ненецкий триптих», «Побывальщина Ойси»); 4) любовь к женщине, родному краю, природе, оленям («Сказание о любви (триптих)», «Ожидание» (из канинской тетради)», «Поговори со мной»); 5) поиск и утверждение гармонии, а также сохранение этнокультурных традиций и ценностей в быстроменяющемся современном мире («Наивысшая форма гармонии (побывальщина)», «Азбука для оленевода (триптих)»).

Структурообразующее значение в книге «Поговори со мной» как авторском мирообразе имеет характерная для творчества Ю. Вэллы числовая символика. Речь идет о традиционных для мифологии ненцев числах три и семь. Ярким примером числовой символики является триптих «Азбука оленевода»: все три входящие в него произведения соответственно содержат три по семь, два по семь и один по семь пунктов правил и законов жизни оленевода в тундре: «1. Поговорки оленевода (3×7); 2. Арифметика для оленевода (2×7); 3. Кое-что из «Сакральной азбуки» (1×7)» [16. С. 72–76]. Известно, что три в самодийских верованиях «обозначает мироустойчивость и завершенность, это число постоянно встречается в мифах и фольклоре ненцев (три чума, три стойбища, три ручья, трехкрылый ястреб, три испытания и т.д.)» [18. С. 161]. Семеркою же, как показал А.В. Головнев, «счисляется ненецкий пантеон»: «...жертвенники, сядаи, дети богов, чумы, нарты, костры, четверти лунных периодов, количество слоев мерзлоты и неба, число остановок в пути, кратность жизни и смерти». Также, отмечает ученый, в корневой основе ненецкого слова *си′ив*, обозначающем семерку, содержатся такие значения, как «священная сторона чума, верхнее дымовое окно, отвер-

стие – вход-выход, целый ряд образов предков и обитателей потустороннего мира» [20. С. 493].

Более детальный анализ композиции книги показал, что в ее основе также лежат числа семь и три: круговая структура, описанная выше, состоит из трех равных частей, а именно *три по семь* <текстов>. Причем каждый текст является либо триптихом, т.е. в свою очередь состоит из трех композиционных элементов, либо отдельным стихотворением или рассказом. Единственное исключение – ранее изданная поэтом книга «Охота на лебедей (диалог), которая входит в состав «Поговори со мной» как книга в книге. К обрамляющим композиционную конструкцию четвертой книги Ю. Вэллы относятся следующие тексты: «Сказание о любви (триптих)» [16. С. 7] (1 текст) – «Охота на лебедей (диалог). Книга в книге» (7 текст) [16. С. 42] – «Ожидание (Из Канинской тетради)» [16. С. 42] (14 текст) – триптих «Поговори со мной (история одного перевода)» [16. С. 116], включающий одноименный рассказ на русском языке (21 текст). Заметим, что все эти порядковые числа делимы на семь.

Таким образом, в книге «Поговори со мной» воплощается авторский мирообраз, несущий духовно-нравственные ориентиры представителя ненецкого народа. Примечательно, что отличительной особенностью четвертой книги поэта, выделяющей ее на фоне предыдущих книг, является практически отсутствие темы «чужого» мира (в том числе и мира нефтяников), что вторгается как хаотическая сила (стихия) во внутреннее пространство стойбищной жизни (упорядоченного Космоса). Хотя мирообраз в книге поэта нельзя считать замкнутым на самое себя: «чужой», большой мир дает о себе знать и в лейтмотивной теме невозвращения девушек-ненок из учебных заведений на стойбище, и в лирико-публицистических репликах поэта по проблемам: 1) ненужности современному государству оленеводов и других традиционных профессий; 2) возвеличивания чиновниками милитаристских ценностей; 3) воспитания в современных учебных заведениях солдат-роботов («Наивысшая ценность»), нацеленных только на борьбу с терроризмом, в том числе ценой своей жизни («Золотое Руно») [16. С. 86–90].

Причина этого видится в иной стратегии книготворческой практики, намеченной поэтом уже в середине 1990-х гг. Так, О.К. Лагунова обратила внимание, что эпиграф и тексты на русском, ненецком и французском языках в книге «Белые крики» (первое издание, 1996 г.) адресованы всему Миру, «способному слушать, воспринимать, понимать» [18. С. 152]. Исследователь объясняет авторскую позицию с точки зрения убеждения Ю. Вэллы, что, «на каком бы языке, в какой бы форме» ни изъяснялся его герой, «понятия любви, добра и зла, справедливости, но-

стальгии, измены, сложные взаимоотношения человека с человеком, человека с окружающим миром» присущи каждому на земле, как и жителю стойбища [2. С. 8]. Однако в структуре второй книги поэта центральное место занимает глава, в которой субъект изображения высказывается «либо о “чужом”, либо уходящем “своем”». Последнее интерпретируется О.К. Лагуновой как сущностная трансформация привычной картины мироздания, где «ядро (центр) сопряжено со “своим”, периферия – с “чужим”» [18. С. 153]. Другими словами, автору в первых книгах важно было не только представить «национальный ценностный космос» [15. С. 22], но и показать, как традиционный мир ненецкой культуры утрачивается, исчезает вследствие глобализационных процессов, сопровождающих нефтегазовое освоение Западной Сибири.

В книге «Поговори со мной» архитектоника авторского мирообраза формируется не с точки зрения ценностного противопоставления «своего» и «чужого» миров, а с позиции утверждения самоценности ненецкой культуры и духовного опыта ее авторитетного представителя как значимых социогуманитарных феноменов общероссийского и мирового масштаба. Отсюда стремление поэта выстроить диалог с мировым культурным пространством путем последовательного включения в новые варианты книги переводов отдельных текстов на один из европейских языков.

Проведенное исследование композиции и архитектоники четвертой книги стихов и прозы Ю. Вэллы «Поговори со мной» было ориентировано на раскрытие структурных механизмов и ценностнно-мировоззренческих оснований творчества ненецкого автора, обеспечивающих художественную целостность собранных им под одной обложкой текстов. В результате мы пришли к ряду выводов.

Во-первых, прозиметрическая природа книготворчества Ю. Вэллы обусловливается этнокультурными истоками художественного мышления поэта, в том числе детско-юношеским рецептивным опытом освоения прозаических и стихотворных компонентов ненецкого фольклора через посредничество сказителя – родной бабушки Ненги.

Во-вторых, книга Ю. Вэллы «Поговори со мной» занимает особое место и является во многом экспериментальной в книготворчестве ненецкого автора, поскольку включает, помимо прозы и стихов, фрагменты из топонимического словаря бассейна реки Аган, «Азбуку оленевода», стихи других поэтов и образует серию изданий под одноименным названием, содержащих переводы его программных произведений на основные европейские языки.

В-третьих, четвертая книга Ю. Вэллы как мирообраз художника воплощает индивидуально-авторскую мифопоэтическую картину мира и

«круговое мышление» поэта в контексте национальной культурной традиции (см. триптих в побывальщине «Наивысшая форма гармонии»). Их ценностное и образно-смысловое выражение происходит на уровне кольцевой композиции и архитектоники книги. В структуре последней была выявлена числовая символика, в частности традиционные для ненецкой мифологии цифры «три» и «семь». Так, на уровне организации текстуальных компонентов книги все произведения делятся на три равные части (три по семь) с идейно-содержательной акцентировкой на обрамляющих композиционную конструкцию художественных текстах.

В-четвертых, через систему заглавий прозаических и стихотворных текстов в книге «Поговори со мной» выстраивается смысловое пространство «своего» мира, обобщенное нами в виде следующих мотивно-тематических комплексов: календарный кругооборот времени; традиционный уклад жизни современного ненца-оленевода; ценностные и жизненные приоритеты представителя малочисленных народов Обь-Иртышского Севера; поиск гармонии и сохранение этнокультурных традиций и т.д.

В-пятых, в книге «Поговори со мной» приоритетным является не столько отстаивание ценностей «своего» мира перед лицом глобализации, вызванной нефтегазовым освоением Западной Сибири, сколько утверждение значимости в мировом масштабе ненецкой культуры и духовного опыта ее представителя как важнейших социогуманитарных феноменов, способствующих сохранению без утраты этнической идентичности общечеловеческих духовно-нравственных смыслов и ориентиров.

Список источников

1. Мельников М.Н. Вести из моего стойбища // Сибирские огни. 1988. № 10. С. 30–31.

2. Вэлла Ю. Белые крики. Книга о вечном. Сургут : Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз», 2000. 168 с.

3. Вэлла – поэт, оленевод, человек. Интервью Ольги Корниенко к 60-летию. URL: http://jurivella.ru/wp/rus/вэлла-поэт-оленевод-человек/ (дата обращения: 10.06.2020).

4. Вэлла Ю. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 160 с.

5. Дарвин М.Н. Книга стихов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 96–97.

6. Мирошникова О.В. Специфика рецепции и анализа лирической книги // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3 : учеб. пособие / отв. ред. О. В. Мирошникова. Омск : Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. С. 16–22.

7. Барковская Н.В., Верина У.Ю., Гутрина Л.Д. Книга стихов как теоретическая проблем // Филологический класс. 2014. № 1. С. 20–30.

8. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1998. 32 с.

9. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб. : НИИ химии СПбГУ, 1999. 281 с.

10. Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений // Теория стиха. Л. : Сов. писатель, 1975. С. 433–538.

11. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.

12. Тамарченко Н.Д. Архитектоника // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 24–25.

13. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного / пер. с нем. М. : Искусство, 1991. С. 72–81.

14. Есаулов. И.А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского. URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/pashalnyy-arhetip-v-poetike-dostoevskogo/viewer (дата обращения: 10.06.2020).

15. Лагунова О.К. Введение // Проза А. Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX века / отв. ред. С.А. Комаров, О.К. Лагунова. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2019. С. 6–31.

16. Вэлла Ю. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу. Ханты-Мансийск : Приобье, 2004. 128 с.

17. Евзлин М. Космогония и ритуал. М. : Радикс, 1993. 344 с.

18. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2007. 260 с.

19. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.

20. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 607 с.

References

1. Melnikov, M.N. (1988) Vesti iz moego stoybishcha [News from my camp]. *Sibirskie ogni*. 10. pp. 30–31.

2. Vella, Yu. (2000) *Belye kriki. Kniga o vechnom* [White Screams. A Book about Eternity]. Surgut: Neft' Priob'ya, OAO Surgutneftegaz.

3. Vella, Yu. (2016) Vella – poet, olenevod, chelovek. Interv'yu k 60-letiyu [Vella – a poet, a reindeer herder, a person. Interview for his 60th birthday]. In: Kornienko. O. *Ukhodyashchaya natura: chto ostalos' za kadrom* [Departing Nature: What is Left Behind the Scenes]. [Online] Available from: http://jurivella. ru/wp/rus/vella-poet-olenevod-chelovek/ (Accessed: 10th June 2020).

4. Vella, Yu. (2008) *Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat' nenetskuyu dushu* [Talk to me: a book for the Nenets student and for those who would like to listen to the Nenets soul]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.

5. Darvin, M.N. (2008) Kniga stikhov [A Book of Poems]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Kulagina, Intrada. pp. 96–97.

6. Miroshnikova, O.V. (2003) Spetsifika retseptsii i analiza liricheskoy knigi [The specificity of the reception and analysis of a lyrical book]. In: Miroshnikova, O.V. (ed.) *Kniga kak khudozhestvennoe tseloe: razlichnye aspekty analiza i interpretatsii. Filologicheskie shtudii – 3* [The book as an artistic whole: various aspects of analysis and interpretation. Philological studies – 3]. Omsk: Nasledie. Dialog-Sibir'. pp. 16–22.

7. Barkovskaya, N.V., Verina, U.Yu. & Gutrina, L.D. (2014) Kniga stikhov kak teoreticheskaya problem [A book of poems as a theoretical problem]. *Filologicheskiy klass*. 1. pp. 20–30.

8. Fomenko, I.V. (1998) *Poetika liricheskogo tsikla* [Poetics of the Lyrical Cycle]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

9. Lyapina, L.E. (1999) *Tsiklizatsiya v russkoy literature XIX veka* [Cyclization in Russian literature of the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

10. Zhirmunskiy, V.M. (1975) *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 433–538.

11. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 69–264.

12. Tamarchenko, N.D. (2008) Arkhitektonika [Architectonics]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Kulagina, Intrada. pp. 24–25.

13. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo. pp. 72–81.

14. Esaulov, I.A. (1998) Paskhal'nyy arkhetip v poetike Dostoevskogo. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. [Online] Available from: https: //cyberleninka.ru/article/n/pashalnyy-arhetip-v-poetike-dostoevskogo/viewer (Accessed: 10th June 2020).

15. Lagunova, O.K. (2019) Vvedenie [Introduction]. In: Komarov, S.A. & Lagunova, O.K. (eds) *Proza A. Nerkagi v kontekste russkoyazychnoy kul'tury posledney treti XX veka* [Prose of Anna Nerkaga in the context of the Russian-speaking culture of the last third of the 20th century]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 6–31.

16. Vella, Yu. (2004) *Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat' nenetskuyu dushu* [Talk to me: a book for the Nenets student and for those who would like to listen to the Nenets soul]. Khanty-Mansiysk: Priob'e.

17. Evzlin, M. (1993) *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and ritual]. Moscow: Radiks.

18. Lagunova, O.K. (2007) *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of the Nenets and Khanty of the last third of the century (Eremey Aipin, Yury Vella, Anna Nerkagi)]. Tyumen: Tyumen State University.

19. Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Tundra Nomads: The Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: RAS.

20. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric Peoples]. Ekaterinburg: RAS.

Информация об авторе:
Чижов Н.С. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
N.S. Chizhov, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2021;
одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 06.08.2021;
approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 130–145.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 130–145.

Научная статья
УДК 002.2
doi: 10.17223/23062061/32/8

ТИПОЛОГИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ИЗДАНИЙ

Елена Кутузовна Булатова[1]

[1] *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, e.k.bulatova@utmn.ru*

Аннотация. Поднимается проблема типологической характеристики корпоративных изданий с позиции книговедения, анализируются существующие классификационные схемы. Предложена новая классификационная матрица корпоративных изданий, состоящая из основных и вторичных признаков, позволяющая охватить все разнообразие корпоративных изданий, включая непериодические книжные издания, корпоративную прессу, вебсайты и др., а также проектировать новые виды корпоративных изданий, исходя из запроса организации, а не правила соответствия типу.
Ключевые слова: корпоративное издание, типологическая характеристика, классификация, типологическая модель

Для цитирования: Булатова Е.К. Типология корпоративных изданий // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 130–145. doi: 10.17223/23062061/32/8

Original article

TYPOLOGY OF CORPORATE PUBLICATIONS

Elena K. Bulatova[1]

[1] *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, e.k.bulatova@utmn.ru*

Abstract. A corporate publication is a publication of commercial enterprises, state and municipal authorities, institutions and public organizations that forms and reflects the corporate consciousness, and contains information about the activities of the organization in order to create its positive image. In the article, corporate publication is considered in a broad sense: it includes all publishing products, including periodicals, websites, social media accounts, mobile applications as kinds of a corporate online publication. A corporate publication as a type is a phenomenon with a complex heterogeneous structure, and its elements are relatively isolated. Their diversity depends on their genesis, because modern corporate publications combine different traditions: the Russian tradition of publishing anniversary books, which arose during the period of industrialization of the economy at the end of the 19th century, and the Western practice of publishing corporate publications, borrowed in the early 2000s. In view of this, the problem

© Е.К. Булатова, 2023

of the typological characteristics of modern corporate publications is particularly acute. The variety of forms and types of corporate publications make it inefficient to use existing classification schemes developed, for example, by the Russian Book Chamber (GOST 7.0.60–2020), corporate media theorists (L.S. Agafonov, D.A. Murzin, E.I. Mordovskaya, Yu.V. Chemyakin, A.Yu. Gorcheva, V.A. Puzakova) and bibliologists (A.A. Grechikhin, I.G. Morgenshtern, A.A. Belovitskaya). The historically established types of corporate publications – anniversary book, corporate report, employee book, brand book – are the largest, nuclear, though specific types, combining in their concept the original functional purpose, target audience and periodicity. Therefore, in order to analyze existing publications and design the concept of new corporate publications, I propose a general typological model of a corporate publication based on the typology of GOST 7.0.60–2020 and taking into account the experience of modern publishing, which can be useful both to book theorists (for the GOST edition) and practitioners (customers, editors of corporate publications, PR managers of companies). The proposed general typological model of a corporate publication combines a typological approach and a classification scheme. It is based on three typical criteria (belonging to the customer; performing the image function and the function of corporate culture formation; compliance of the target audience with the object of influence of the organization), main (functional purpose, target audience, frequency) and secondary (nature of information, design and technical characteristics, degree of originality, degree of participation of the organization) features. Their combination makes it possible to design unique corporate publications based on a request, and not on the rule of conformity to type (in this case, an intraspecific, historically established typology is implied).
Keywords: corporate publications, typological characteristic, classification, typological model, functional purpose, target audience, periodicity

For citation: Bulatova, E.K. (2023) Typology of corporate publications. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 32. pp. 130–145. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/8

Современная практика издательского дела становится все более гибкой, она отходит от традиционной схемы, где во главе стояло издательство. Так, на книжном рынке появляются новые субъекты книжного дела: корпорации, взаимодействующие с типографиями или специализированными организациями. Выпуском корпоративных изданий занимаются металлургические заводы и спортивные клубы, университеты и театры, городские муниципальные образования и фабрики. Количество и разнообразие существующих на данный момент форм книжных корпоративных изданий (от юбилейной книги и корпоративного отчета до мобильных приложений) в сочетании с их слабой изученностью позволяет говорить о необходимости структуризации массива изданий, который зачастую остается в тени «официально признанного» книгоиздания.

Корпоративное издание как тип представляет собой явление со сложной, неоднородной структурой, а его элементы относительно обособлены. Их видовое разнообразие заключается в генезисе, поскольку современные корпоративные издания объединяют разные традиции: российскую традицию издания юбилейных книг, возникшую еще в период индустриализации экономики в конце XIX в., и западную практику публикации корпоративных деловых изданий, заимствованную в начале 2000-х гг. Ввиду этого проблема типологической характеристики современных корпоративных изданий стоит особенно остро. Современные типологические концепции не охватывают всего разнообразия корпоративных изданий, в основном делая акцент на корпоративных СМИ, которые рассмотрены достаточно полно.

Вопросы типологической характеристики корпоративной прессы поднимались в исследованиях Л.С. Агафонова [1], Д.А. Мурзина [2], Е.И. Мордовской [3], Ю.В. Чемякина [4], А.Ю. Горчевой [5], В.А. Пузаковой [6] и др. Книговедческая наука в свою очередь предлагает общие подходы к типологии изданий, приведенные в исследованиях А.А. Гречихина [7], И.Г. Моргенштерна [8], А.А. Беловицкой [9] и др. До недавнего времени основным документом, содержащим действующую типологическую классификацию изданий, являлся ГОСТ 7.60–2003, который не включал понятия «корпоративное издание». Однако, несмотря на разработку ГОСТ 7.0.60–2020 «Издание. Основные виды. Термины и определения» и введение понятия «корпоративное издание», его определение и место в типологической схеме требует для критического осмысления. Так, понятие «корпоративное издание» вошло в объектную область книговедения лишь номинально, но при этом активно используется практиками книжного дела.

Корпоративные издания, будучи частью системы книжного дела, нуждаются в типологии для установления их типообразующих особенностей, отличающих их от других видов изданий, а также в классификационных схемах, позволяющих рассмотреть различия внутри выделенного подмножества корпоративных книг. Однако реальная цель типологических построений – создание модели корпоративного издания, которая представляет интерес не только для развития книговедения, но и для практического конструирования издания, отвечающего запросам организации.

Для выявления закономерностей при выделении обобщенных типологических групп применялся индуктивный метод. Для создания классификации корпоративных изданий использовался структурно-типологический метод, а основополагающим видообразующим методом стал функционально-типологический.

Типологию корпоративных изданий можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, в историко-культурном процессе сформировалось несколько видов корпоративных изданий, поэтому мы можем говорить о внутривидовой типологии корпоративных изданий: «юбилейное издание», «корпоративный отчет», «книга сотрудника», «корпоративный журнал» и пр. Все они имеют разные хронологические рамки и пути появления в российской издательской практике, разное функциональное назначение и читательский адрес. С другой стороны, функционирование и развитие корпоративных изданий в современной системе книжного дела предполагают типологию, основанную на сущностных характеристиках издания.

Тенденции современной медиасреды таковы, что жесткое понятие типов изданий устаревает, уступая место конвергентности, размытию видовых границ, пограничности форматов изданий. Поэтому правило соответствия типу, еще недавно бывшее эффективным методом проектирования изданий, теряет свою актуальность. Практика книгоиздания порождает виды изданий, которые уже невозможно оценить по существующим типологическим схемам, представленным, например, в ГОСТ 7.0.60–2020: корпоративный сайт, брендированную книгу, обучающий портал для сотрудников и т.д. Поэтому более эффективным становится моделирование издания исходя из запроса.

Так, предлагается не классификационная схема, а общая типологическая модель корпоративного издания, которая системно отражает процесс создания концепции издания и по сути представляет собой граф в виде дерева, которое упорядочивает многошаговый процесс принятия решений. Критерии представляют собой шаги, вопросы, на которые необходимо ответить. В результате комбинирования вариантов оптимальными могут считаться как существующие, исторически сложившиеся виды корпоративных изданий, так и совершенно новые, которые призваны решить конкретную задачу, не претендуя на вписывание в традицию книжного дела.

Типологическая модель решает в большей степени практические, прагматические задачи и является частной, хотя отдельные ее критерии могут применяться и для других видов изданий. В ней используется сложившаяся в книжном деле номенклатура, что позволяет включить ее в существующую традицию книговедческой науки. Хотя современные типологические концепции не могут охватить все разнообразие корпоративных изданий, тем не менее основные параметры типологии корпоративных СМИ применимы и для книжных корпоративных изданий. Например, Ю.В. Чемякин предлагает схему типологического анализа

корпоративных СМИ. Он выделяет группу основных, вторичных (т.е. зависимых от них) и формальных признаков. К первой группе он относит учредителя, цель издания и читательскую аудиторию. Вторая группа, по его мнению, состоит из тематической направленности, особенности подачи информации, типа финансирования, способа производства и распространения. К формальным признакам относятся вид издания, цветность, формат, периодичность, тираж, наличие регистрации и др. [10. С. 270–273]. Подобная модель может служить основанием для общей типологии корпоративных изданий, включая и непериодические издания, однако требует коррекции с учетом существующего книговедческого знания.

Мы считаем рациональным выделение первичных (основных) и вторичных признаков корпоративных изданий как соответствие иерархическому принципу. Однако для корпоративного издания «тройственный критерий» ГОСТ 7.0.60–2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения» (целевое назначение, читательский адрес и характер информации [11]) типологии модернизируется. Первым типообразующим признаком корпоративного издания становится именно «корпоративность», т.е. принадлежность заказчику и (или) владельцу издания. Далее корпоративное издание как тип формируется при сочетании уникального функционального назначения и читательского адреса. В случае с корпоративными изданиями их целевое и функциональное назначение несколько различаются. Основными типообразующими функциями, характерными для всех корпоративных изданий, становятся имиджевая функция и функция формирования корпоративной культуры. Тем не менее в типологической модели мы предлагаем более подробную классификацию этого признака, способную охватить уже существующее видовое разнообразие и то, которое может возникнуть в будущем.

Типологическая модель корпоративного издания

Типология корпоративных изданий осуществлялась по следующим критериям: наличие заказчика, функциональное назначение и целевая аудитория, находящаяся в зоне влияния корпорации. Объединенные вышеназванными критериями, они различаются на основании частных критериев, которые системно выражают характеристики издания и отражены в схеме типологической модели.

Корпоративному изданию, помимо уже названных функций, присуща одна или несколько доминирующих функций, которые определяются по отношению к заказчику (учредителю). Опираясь на эти функции [12.

С. 33–35] (мемориальная, презентационная, информационная, справочная, адаптационная, коммуникационная, эстетическая, развлекательная и др.), были выявлены типы корпоративных изданий по функциональному назначению:

– мемориальное – корпоративное издание, содержащее сведения об организации в историческом контексте, призванное аккумулировать, обобщить и сохранить их в информационном пространстве, представить организацию во внешней среде. Примером подобных изданий становятся юбилейные, приуроченные к «круглой» дате организации. К этому виду также можно отнести фотоальбомы и другие корпоративные издания улучшенного оформления, предназначенные для вручения на мероприятиях, в качестве подарка сотрудникам, партнерам и пр.;

– информационно-справочное – корпоративное издание, основной функцией которого является предоставление достоверных сведений справочного характера в структурированной форме. Ярко выраженную информационную функцию выполняют корпоративные годовые отчеты, которые создаются по запросам и требованиям КСО. Корпоративные справочники, энциклопедии, презентационные буклеты тоже можно отнести к информационным изданиям;

– коммуникационно-интеграционное – корпоративное издание, служащее для улучшения корпоративной коммуникации, адаптации сотрудников. К ним относится, прежде всего, «серая литература», внутренние справочники и брошюры, предназначенные для использования работниками, обучения новых сотрудников и др. В настоящее время получили большое распространение справочники сотрудника, которые могут издаваться как в печатном варианте, так и представлять собой подраздел корпоративного сайта;

– смешанного типа – сложно структурированное корпоративное издание, состоящее из равноценных элементов разной функциональной направленности. К таким изданиям можно отнести официальные сайты компаний.

С учетом полифункциональности корпоративных изданий для определения доминирующей функции может быть использован прием уточнения *повода издания*, например:

– юбилей, знаменательная дата (мемориальное);

– требования КСО (информационно-справочное);

– открытие филиала, создание нового продукта, ребрендинг и пр. (информационно-справочное / коммуникационно-интеграционное);

– btl-акции, подарки партнерам, сотрудникам (коммуникационно-интеграционное);

– адаптационные сессии в организации (коммуникационно-интеграционное);

– формирование корпоративной библиотеки (коммуникационно-интеграционное/мемориальное).

Подчеркнем, что функциональное назначение выделяется по отношению к заказчику корпоративного издания, поэтому в приведенной классификации нет «развлекательных» корпоративных изданий, хотя все корпоративные издания также могут выполнять рекреационную, эстетическую функцию, функцию организации досуга и пр.

Следующий важнейший типологический признак – характер читательской аудитории. Редактор корпоративной книги должен представлять своего читателя не менее тщательно, чем редактор издания другого типа. Задача усложняется тем, что корпорация должна четко разграничивать целевую аудиторию и, соответственно, отбор и подачу материала, хотя последние тенденции говорят о смешении кругов читателей и стремлении охватить как можно более широкую читательскую аудиторию.

Тем не менее необходимость выстраивать системы коммуникаций обусловливают уже ставшее традиционным разделение корпоративных изданий на внешние (b2c – взаимоотношения между организацией и потребителем, b2b – взаимоотношения между организациями) и внутренние (b2p – взаимоотношение между организацией и сотрудниками). Российские исследователи корпоративных СМИ, например Д.К. Дегтяренко, А.Д. Кривоносов, Д.А. Мурзин, Л.С. Агафонов, также придерживаются этой точки зрения [1, 13–15].

По нашему мнению, для более полного охвата разных читательских групп в рамках корпоративного издания необходимо интеграционное соединение традиционного для книговедения разделения читательской аудитории на читателей-специалистов (специализированные, профессиональные издания) и массового читателя (универсальные издания) и маркетинговой концепции назначения товара или услуги – b2b, b2c, b2p. Таким образом, классификация читательской аудитории происходит по двум уровням:

1. *По специфике информации:*

– специализированное – издание, предназначенное для читателей-специалистов, профессионалов в данной либо смежной области, потенциальных работников. Примером специализированных изданий являются гайдлайны, которые ориентированы на специалистов в сфере маркетинга и дизайна; годовые отчеты, предназначенные для инвесторов, акционеров; книги сотрудников и т.д. Такие издания рассказывают исключительно о компании и ее корпоративной жизни;

– универсальное – издание, предназначенное для широкого круга читателей. Продукт или услуга компании не презентуются открыто, а проявляются опосредованно через издательские технологии: издание корпоративное по форме (издается компанией, рассказывает о данном сегменте рынка), но не по внутреннему наполнению. Такие издания сближаются по содержанию с краеведческой литературой, а их корпоративная рекламная функция зачастую скрыта.

2. *По степени ориентации на внешнюю или внутреннюю среду:*

– внешнее – издание, ориентированное на инвесторов, партнеров, институты гражданского общества, государство, потенциальных и реальных клиентов. Основная цель – налаживание бизнес-связей, формирование образа компании в деловой среде, формирование и поддержание лояльности клиентов к бренду. Практически все универсальные корпоративные издания являются внешними, но и специализированные издания тоже могут быть ориентированными на внешнюю среду: здесь уже упомянутые нами гайдлайны, годовые отчеты и пр.;

– внутреннее – издание, ориентированное на внутреннюю среду организации, сотрудников различного уровня. Такое издание является одним из важнейших инструментов внутрикорпоративной коммуникации, способствует формированию и развитию корпоративной культуры, осуществлению информационной поддержки любых управленческих реформ внутри компании, служит дополнительным инструментом мотивирования работников. Например, брендбук компании является закрытым, внутренним документом, он содержит важную информацию для руководителей и топ-менеджеров, специалистов PR-отдела и дизайнеров. Существуют и другие способы взаимодействия с сотрудниками, например на официальном сайте «Газпром нефть», который мы относим к смешанному изданию, можно пройти «Тестирование (обновленное) на знание фирменного стиля ПАО «Газпром нефть».

Не случайно разделение читательской аудитории на читателя-специалиста и массового читателя выбрано основополагающим, поскольку корпоративное издание может быть ориентировано как на внутреннюю, так и на внешнюю среду, представляя собой издание смешанного типа. Корпоративная книга может быть интересной максимально широкому кругу читателей за счет качественного материала, хорошего полиграфического исполнения и др. Нивелирование границ между читательскими группами приводит к тому, что даже яркий представитель бизнесориентированного издания – годовой отчет – порой составляется таким образом, чтобы быть интересным для любого заинтересованного

читателя. Так, мы можем говорить не о «чистых» типах изданий по читательскому адресу, а о доминантной целевой аудитории.

К группе основных признаков, по нашему мнению, стоит отнести и периодичность издания. Мы ставим этот признак третьим в иерархии, поскольку периодичность служит неким барьером, изначально разделяющим объектные области изучения корпоративных изданий с точки зрения книговедения и теории журналистики. Периодичность издания влияет на его конструктивные особенности, отбор и организацию материала и т.д., однако основные выполняемые функции одинаковы для всех видов изданий, а читательский адрес является более общей характеристикой, неразрывно связанной с видообразующей функцией. Соответственно, для изучения феномена корпоративных изданий необходим интегративный подход, объединяющий все виды изданий по периодичности, включая онлайн-издания, которые чаще всего остаются за пределами объектной области. Поэтому по периодичности мы выделяем следующие виды:

1) непериодическое издание – издание, вышедшее однократно, не имеющее продолжения (книги, буклеты, мелкопечатная продукция и пр.);

2) периодическое издание – издание, выходящее через определенные промежутки времени, имеющее общее заглавие для всех однотипно оформленных, датированных или нумерованных выпусков (журналы, газеты). Годовые отчеты, по нашему мнению, относятся к книжным периодическим изданиям, хотя все выпуски имеют индивидуальное название и оформление, тем не менее основанное на элементах фирменного стиля);

3) обновляемое издание – издание, выходящее в виде продолжающегося недатированного выпуска, информация в которое добавляется по мере накопления материала через неопределенные промежутки времени (онлайн-издания, сайты и пр.).

Приведенная типология несколько отличается от данной в ГОСТ 7.0.60–2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения» и ГОСТ Р 7.0.83–2013 «Электронные издания. Основные виды и выходные требования», хотя и основана на них. ГОСТ 7.0.60–2020 предлагает следующее деление по периодичности: непериодическое, сериальное, периодическое, продолжающееся [11], причем эти виды находятся на одном уровне по иерархии, что уже вызывает вопросы, поскольку, судя по приведенным в ГОСТе определениям, периодическое и продолжающееся издания – это «сериальное издание». ГОСТ Р 7.0.83–2013 [16] учитывает эту иерархию и выделяет две основные группы по периодичности: непериодические и сериальные (к видам сериальных изданий он относит «периодическое»; «продолжающееся» – электронное издание,

выходящее через неопределенные промежутки времени, по мере накопления материала, с неповторяющимися по содержанию выпусками; «обновляемое» – электронное издание, выходящее в виде нумерованных и датированных выпусков, добавление материала в которые происходит через определенные промежутки времени. Каждый выпуск содержит в себе информацию, накопленную в процессе его создания). Однако эта классификация тоже в полной мере не подходит нам, поскольку ГОСТ таким образом учитывает только статичные выпуски, а не динамично обновляемые издания, тем самым оставляя за гранью исследования онлайн-издания или интернет-сайты с постоянно обновляемым контентом и структурой, в которых нет «датированных или нумерованных выпусков».

Ко вторичным признакам, по нашему мнению, относятся: характер информации, материальная конструкция, используемый носитель, степень оригинальности материала, степень участия организации в создании корпоративного издания.

ГОСТ 7.0.60–2020 определяет характер информации как важнейший признак того или иного вида издания по целевому назначению: «...комплекс признаков, отражающих жанровые и иные особенности произведения, содержащегося в издании». Это первая характеристика, с которой сталкивается читатель, впервые берущий в руки ту или иную книгу. Однако корпоративное издание, выполняя имиджевую функцию и функцию формирования корпоративной культуры, не только конструирует свои специфические виды (корпоративный отчет, юбилейная книга), но и заимствует их у других видов изданий (справочник, энциклопедия, практическое пособие). Поэтому в данном случае редактор корпоративного издания опирается на те же принципы в соответствии с выбранным характером информации.

Материальная конструкция издания – «исторически сложившаяся форма печатного издания как предмета, которая характеризуется суммой издательских и полиграфических признаков, не зависящих от его содержания» [11]. Не так давно принятый ГОСТ, по нашему мнению, тоже не отражает реальную ситуацию в сфере книгоиздания, поскольку понятие материальной конструкции описывает только печатные виды изданий: журнальное, книжное, листовое и т.д., а понятие «оформление издания» концентрируется на оформительских и композиционных приемах. В ситуации, когда Интернет стал важнейшим каналом коммуникации, необходимо за основу брать общую техническую характеристику. Таким образом, по конструктивно-технической характеристике можно выделить три вида изданий: печатное, электронное и смешанного типа.

1. Печатное издание. В печатном варианте выпускаются все юбилейные, подарочные издания, презентационные буклеты, а также многие журналы. Они нацелены на максимальный контакт с читателем, имеют продолжительный жизненный цикл и высокую эффективность в плане создания положительного имиджа организации. Дальнейшая классификация печатных корпоративных изданий может происходить по существующей типологии, представленной Российской книжной палатой.

2. Электронное издание. Существует только в электронном варианте. Многие компании переходят на этот способ публикации ввиду экономии средств на печать, возможности неограниченного распространения через сеть Интернет и в связи с экологическими установками. Электронное издание может быть двух видов:

1) в виде отдельного файла. Оформлено как отдельное издание с оригинальной верстkой:

– статическое (традиционное). Наиболее простой формат PDF (неинтерактивный), который не требует материальных затрат. Представляет собой сверстанный макет печатного издания, дает возможность для непосредственной загрузки на персональный компьютер (смартфон) читателя;

– динамическое (гибридное). Использование нескольких форматов: PDF (текст, фото), HTML (например, возможности интерактивной инфографики), видеофрагменты, таблицы Excel и пр. Такое издание уже не может быть адекватно перенесено в печатный формат.

2) онлайн-издание. К данному типу изданий в данном случае можно отнести официальные сайты, порталы крупных организаций и различного рода внутрикорпоративную литературу (онлайн-журналы).

3. Издание смешанного типа – существует в печатном и электронном вариантах[1]:

1) параллельное. Печатное и электронное издание идентичны. Ярким примером этого вида служат публичные корпоративные отчеты. Организация может выслать печатную версию отчета акционерам, партнерам, Российскому союзу промышленников и предпринимателей, а электронную версию в формате PDF выставить на сайте.

2) интегрированное. Печатный и электронный варианты могут отличаться или дополнять друг друга.

Корпоративное издание всегда так или иначе выполняет функцию институциональной рекламы, воздействуя на читателя разными способами: публикуя новые, оригинальные издания либо встраиваясь в уже

[1] Данные виды заимствованы из классификации электронных журналов.

существующие. Эти два подхода не только показывают разницу в конечном продукте (издании) и определяют характер работы над изданием, но и помогают структурировать массив корпоративных изданий, выводя «вторичные» издания на периферию.

Таким образом, по степени оригинальности материала корпоративное издание может быть:

1. Первичное – самостоятельное корпоративное издание. К этому виду относятся все упомянутые ранее виды корпоративных изданий – от презентационного буклета до обучающего руководства для сотрудника.

2. Вторичное – корпоративное издание, использующее для выполнения своих функций уже существующие издания других видов. К примерам вторичных изданий можно отнести интеграцию продукта в специально созданную книгу (подобные услуги предоставляет, например, отдел Custom Publishing издательства «Эксмо»), брендирование уже выпущенных книг (наклейки, суперобложки, закладки), специальный тираж уже изданной книги с элементами корпоративного стиля (логотип, фирменные цвета, вступительное слово от директора, топ-менеджера, эксперта и пр.). Стоит отметить, что брендирование уже существующего издания является частным случаем корпоративной книги. В нем сильнее всего реализуются рекламные функции (рекламирование товара или услуги). Еще один вариант – создание корпоративной библиотеки, ориентированной на внутрикорпоративную коммуникацию.

Корпоративное издание находится на периферии традиционного книгоиздания, и вопрос о способе его создания может показать тенденции публикации корпоративных изданий (например, тенденция передачи на аутсорсинг всего цикла создания издания) и динамику. В процессе создания корпоративного издания на этом этапе критически оцениваются бюджет организации и возможности ее редакции и (или) PR-отдела, выстраивается алгоритм взаимоотношений со сторонними организациями. По степени участия организации в создании корпоративного издания можно выделить:

1. Полностью самостоятельные. Организация самостоятельно создает макет издания и реализует его средствами своей полиграфической базы.

2. Частично самостоятельные. Организация самостоятельно разрабатывает концепцию/макет, но пользуется услугами сторонних типографий.

3. Полный аутсорсинг. Компания обращается к специализированным организациям, выполняющим весь цикл работ по созданию корпоративной книги. Свою полиграфическую базу имеют многие организации, например ведомства, образовательные учреждения, крупные заводы, однако оснащенность типографских цехов зачастую достаточна лишь

для внутренних нужд организации. Тем не менее, чтобы подготовить к изданию книгу, компании необходим профессиональный редакционно-издательский отдел.

Таким образом, в предлагаемой общей типологической модели корпоративного издания сочетаются типологический подход и классификационная схема. Она основана на трех типообразующих критериях (принадлежность заказчику, выполнение имиджевой функции и формирования корпоративной культуры, соответствие целевой аудитории объекту влияния организации), основных (функциональное назначение, читательский адрес, периодичность) и вторичных признаках (характер информации, конструктивно-техническая характеристика, степень оригинальности, степень участи организации). Их комбинация позволяет проектировать уникальные издания, исходя из запроса, а не из правила соответствия типу (в данном случае имеется в виду внутривидовая, исторически сложившая типология).

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

По функциональному назначению:

1. Мемориальное.
2. Инфомационно-справочное.
3. Коммуникационно-интеграционное.
4. Смешанного типа.

По читательскому адресу:

I. Специализированное.
II. Универсальное.

1. Внутренее.
2. Внешнее.

По периодичности:

1. Периодическое.
2. Непериодическое.
3. Обновляющееся.

ВТОРИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ

По характеру информации:

1. Справочник.
2. Энциклопедия.
3. Отчет.
4. Практическое пособие.
5. Инструкция и др.

По материальной конструкции

1. Печатное.

2. Электронное.

а) в виде файла:

– статическое;

– динамическое;

б) онлайн-издание.

3. Смешанное

а) параллельное;

б) интегрированное.

По степени оригинальности материала

1. Первичное.

2. Вторичное.

По степени участия организации в создании издания:

1. Полностью самостоятельное.

2. Частично самостоятельное.

3. Полный аутсорсинг.

Список источников

1. Агафонов Л.С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности : дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 187 с.

2. Мурзин Д.А. Корпоративная пресса: современные типологические концепции : современные типологические концепции : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 182 с.

3. Мордовская Е.И. Деловое издание в системе периодической печати. Типообразующие факторы, характер становления и развития : дис. … канд. филол. наук. М., 1999. 168 с.

4. Чемякин Ю.В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. 184 с.

5. Горчева А.Ю. Корпоративная журналистика. М. : Вест-Консалтинг, 2008. 220 с.

6. Пузакова В.А. Корпоративные издания: типология, структура, принципы организации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 3. С. 32–38.

7. Гречихин А.А. Современные проблемы типологии книги. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 248 с.

8. Моргенштерн И.Г. Проблемы типологии современной книги // Книга: исследования и материалы. 1975. Сб. 30.

9. Беловицкая А.А. Общие принципы типологии книжных изданий // Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 3. С. 113–125.

10. Чемякин Ю.В. К проблеме типологии корпоративной прессы // Дискурс-Пи. С. 270–273.

11. ГОСТ 7.0.60–2020. Издание. Основные виды. Термины и определения. Стандартинформ, 2020. 42 с.

12. Булатова Е.К. Книжные корпоративные издания в системе корпоративной культуры // Библиосфера. 2018. № 4. С. 32–37.

13. Дегтяренко Д.К. Корпоративные издания в России. Виды, функции, задачи // Среда. 2002. № 8–9. С. 56–73.

14. Кривоносов А.Д. Корпоративная пресса на Западе: история и типология // PR-диалог. 2002. № 3. С. 18–20.

15. Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. М. : Хроникер, 2005. 192 с.

16. ГОСТ Р 7.0.83-2013. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Стандартинформ, 2013. 23 с.

References

1. Agafonov, L.S. (2008) *Korporativnaya pressa: osobennosti funktsionirovaniya, tipologicheskie kharakteristiki i metodika otsenki effektivnosti* [Corporate press: functioning, typological characteristics, and methodology for effectiveness evaluation]. Philology Cand. Diss. Moscow.

2. Murzin, D.A. (2007) *Korporativnaya pressa: sovremennye tipologicheskie kontseptsii* [Corporate press: modern typological concepts]. Philology Cand. Diss. Moscow.

3. Mordovskaya, E.I. (1999) *Delovoe izdanie v sisteme periodicheskoy pechati. Tipoobrazuyushchie faktory, kharakter stanovleniya i razvitiya* [Business publication in the system of periodicals. Type-forming factors, the nature of formation and development]. Philology Cand. Diss. Moscow.

4. Chemyakin, Yu.V. (2006) *Korporativnye SMI: sekrety effektivnosti* [Corporate Media: Secrets of Efficiency]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.

5. Gorcheva, A.Yu. (2008) *Korporativnaya zhurnalistika* [Corporate journalism]. Moscow: Vest-Konsalting.

6. Puzakova, V.A. (2004) Korporativnye izdaniya: tipologiya, struktura, printsipy organizatsii [Corporate publications: typology, structure, principles of organization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta (Seriya 10. Zhurnalistika)*. 3. pp. 32–38.

7. Grechikhin, A.A. (1989) *Sovremennye problemy tipologii knigi* [Modern problems of book typology]. Voronezh: Voronezh State University.

8. Morgenshtern, I.G. (1975) Problemy tipologii sovremennoy knigi [Problems of the typology of modern books]. *Kniga: issledovaniya i materialy*. 30.

9. Belovitskaya, A.A. (2013) Obshchie printsipy tipologii knizhnykh izdaniy [General principles of typology of book publications]. *Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 3. pp. 113–125.

10. Chemyakin, Yu.V. () K probleme tipologii korporativnoy pressy [To the problem of corporate press typology]. *Diskurs-Pi*. 1-2 pp. 270–273.

11. The Russian Federation. (2020) *GOST 7.0.60–2020. Izdanie. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniya* [GOST 7.0.60–2020. Edition. Main types. Terms and Definitions]. [s.l.]: Standartinform.

12. Bulatova, E.K. (2018) Knizhnye korporativnye izdaniya v sisteme korporativnoy kul'tury [Book corporate publications in the system of corporate culture]. *Bibliosfera*. 4. pp. 32–37.

13. Degtyarenko, D.K. (2002) Korporativnye izdaniya v Rossii. Vidy, funktsii, zadachi [Corporate publications in Russia. Types, functions, tasks]. *Sreda*. 8–9. pp. 56–73.

14. Krivonosov, A.D. (2002) Korporativnaya pressa na Zapade: istoriya i tipologiya [Corporate press in the West: History and typology]. *PR-dialog*. 3. pp. 18–20.

15. Murzin, D.A. (2005) *Fenomen korporativnoy pressy* [The phenomenon of the corporate press]. Moscow: Khroniker.

16. The Russian Federation. (2013) *GOST R 7.0.83-2013. Elektronnye izdaniya. Osnovnye vidy i vykhodnye svedeniya* [GOST R 7.0.83-2013. Electronic publications. Main types and output information]. [s.l.]: Standartinform.

Информация об авторе:
Булатова Е.К. – кандидат филологических наук, ассистент кафедры журналистики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: e.k.bulatova@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.K. Bulatova, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.k.bulatova@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 13.06.2023

Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 146–164.
Text. Book. Publishing. 2023. 32. pp. 146–164.

Научная статья
УДК 070.328
doi: 10.17223/23062061/32/9

МАЛОТИРАЖНОСТЬ КНИГОИЗДАНИЯ – КРИЗИС ИЛИ СМЕНА ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ

Ирина Владимировна Лизунова[1], Елена Николаевна Савенко[2], Ирина Сергеевна Трояк[3]

[1, 2, 3] Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
[1] lizunova@gpntbsib.ru
[2] savenko@gpntbsib.ru
[3] troyak@gpntbsib.ru

Аннотация. Выявляются основные причины формирования тенденций развития малотиражности в книгоиздании. Определяются отличительные характеристики указанного явления, прослеживаются их изменения в XX–XXI вв. и раскрываются особенности на современном этапе развития книжной индустрии. Показано, что современное книгоиздание переориентировалось на «индивидуализацию» книжного потребления. Анализ статистических данных позволил сделать вывод, что малотиражность является закономерной тенденцией нового этапа развития российского книгоиздания, для которого характерна «персонификация» издательского предложения.

Ключевые слова: книгоиздание, малотиражность, книжная культура, издательства, типографии, издающие организации, самиздат, книги, брошюры, литература, чтение

Для цитирования: Лизунова И.В., Савенко Е.Н., Трояк И.С. Малотиражность книгоиздания – кризис или смена трендов развития // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С. 146–164. doi: 10.17223/23062061/32/9

© И.В. Лизунова, Е.Н. Савенко, И.С. Трояк, 2023

Original article

SMALL CIRCULATION OF BOOK PUBLISHING – A CRISIS OR A CHANGE IN DEVELOPMENT TRENDS

Irina V. Lizunova[1], Elena N. Savenko[2], Irina S. Troyak[3]

[1, 2, 3] *State Public Scientific and Technological Library, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*
[1] *lizunova@gpntbsib.ru*
[2] *savenko@gpntbsib.ru*
[3] *troyak@gpntbsib.ru*

Abstract. The article presents the results of a study of the main trends in the development of Russian book publishing in the 20th–21st centuries. The work draws on a wide range of published and unpublished sources. The analysis of numerous statistical data made it possible to identify and evaluate the nature of the changes in the domestic book production. The authors focus on one of the most important indicators of book publishing – small circulation. They analyze the main reasons for the appearance of this phenomenon, determine its distinctive characteristics, trace their changes during the 20th–21st centuries. and reveal their features at the present stage of development of the book industry. The authors show that the quantitative model of book publishing, typical of the Soviet period, which was characterized by "massovization", was replaced by a qualitative one, focused on the "individualization" of book consumption. The authors prove that the decline in circulation is a natural trend of a new stage in the development of Russian book publishing, which is characterized by the "personification" of the publishing offer. The authors infer that small circulation is the main trend in the development of domestic book publishing in the 21st century. They pay particular attention to the thematic and regional features of small-circulation book publishing. Numerous publishing organizations are engaged in the release of thematically niche small-circulation literature. The authors describe in detail their activities. They trace the change in the share of various circulations in book production published over the two decades of the 21st century in some territorial subjects of Siberia. They reveal that regional book editions are mostly low-circulation, thematically diverse, focused on a segmented readership. A significant part of small-circulation publications in the regions is of local lore orientation. The authors characterize significant participants in modern regional local history small-circulation book publishing; reveal the type-species and thematic composition of local history literature; show that modern self-publishers (authors who print books on their own, or publish books, brochures and magazines at their own expense) are actively engaged in the release of small-circulation literature; consider the topics of self-initiated book and magazine publications. The study of foreign publishing practice and expert assessments of leading experts in the field of book business allowed the authors to come to the conclusion that the small circulation characteristic of modern domestic book publishing corresponds to global trends.

Keywords: book publishing, small circulation, book culture, publishing houses, printing houses, publishing organizations, samizdat, books, brochures, literature, reading

For citation: Lizunova, I.V., Savenko, E.N. & Troyak, I.S. (2023) Small circulation of book publishing – a crisis or a change in development trends. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 32. pp. 146–164. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/32/9

Введение

Эволюция парадигмы развития России в конце XX – начале XXI в., деидеологизация и атомизация российского общества отразились и на отечественном книгоиздании [1–5]. На смену советской модели книжного дела, характерным признаком которой была «массовизация», пришел новый тип книжной культуры, ориентированной на «индивидуализацию» книжного потребления [6. С. 26; 7]. Книгоиздатели стали в первую очередь учитывать интересы читательской аудитории, а не идейно-политические установки государства. При этом специалисты отмечают новые тенденции, характеризующие картину современного чтения: фрагментацию и дробление читательских интересов [8–10].

Возрастающая дифференциация читательской аудитории, радикальные перемены в сфере печати и массовых коммуникаций, цифровизация издательских процессов и полиграфического производства стали значимыми факторами, повлиявшими на объемы выпуска книг и брошюр. При одновременном росте наименований количества изданий продолжается устойчивое уменьшение их тиражей. Возникнув во второй половине XX в. малотиражность, как процесс выпуска изданий одного наименования ограниченным тиражом – до 1 000 экз., стала присуща современному книгоизданию.

Насколько закономерно появление указанного явления? На что указывают малые тиражи изданий: на сложное экономическое положение конкретных издающих организаций, на кризисное состояние всего издательского дела? Либо это свидетельство новых трендов эволюции книжной индустрии, подтверждение следующего этапа ее технологического и коммуникационного развития? Выявление причин роста малотиражности в стране, определение зависимости данного явления от региональных и тематических особенностей издания книжной продукции – цель статьи.

Причины и региональные особенности малотиражности

Резкий рост тиражного объема выпускаемых книг и брошюр в России в середине 1980-х – начале 1990-х гг., связанный с периодом гласности и перестройки, отменой цензуры, возникновением многочисленных издающих предприятий, в последующие десятилетия сменился постепенным сокращением средних тиражей книг и брошюр. Тенденцию на малотиражность демонстрирует инфографика, в основу которой положены данные выпуска книжной продукции в России в XX–XXI вв. (рис. 1–3).

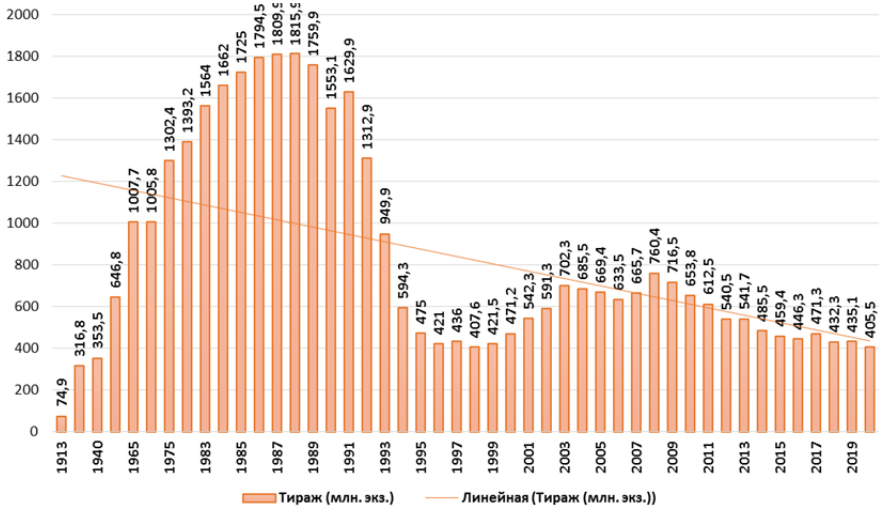

Рис 1. Динамика средних тиражей книг и брошюр, изданных в России в 1913–2020 гг.[1]

Советской эпохе планового книгоиздания был присущ постоянный рост книжных тиражей. Однако с переходом книжной отрасли страны на рыночные формы хозяйствования огромные многотысячные и многомилионные тиражи второй половины XX в. стали резко сокращаться (см. рис. 1). Основаниями снижения тиражей в первую очередь стали экономические причины. Кризисные явления, переживаемые книгоиздателями в 1990-е гг.: разгосударствление, переход на рыночную систему хо-

[1] Составлено по данным Книжной летописи СССР / РФ 1990–2020 гг. М. : РКП, 1991–2021 гг.

зяйствования, отсутствие стабильного финансирования, рост ценообразования, а также падение покупательной способности населения привели к вынужденному снижению тиражей книг, брошюр и журналов. Это стало трендом развития отечественного и регионального книгоиздания последующих десятилетий (рис. 1–3).

В XXI в. продолжилось снижение совокупного тиража отечественного книгоиздания (рис. 2). В 2020 г. средний общероссийский тираж книг и брошюр оказался самым низким (рис. 1, 2).

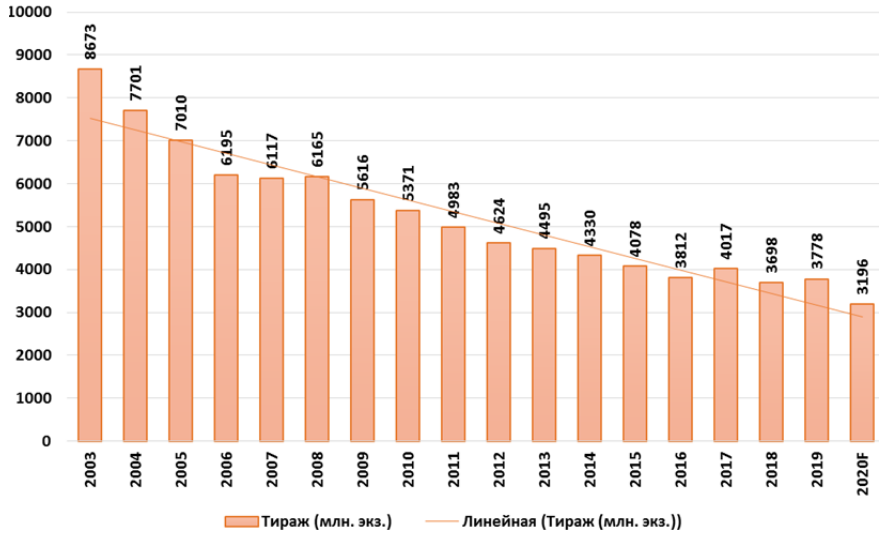

Рис. 2. Совокупный тираж книг и брошюр, выпущенных в России в 2003–2020 гг.[1]

Особенно ярко смену трендов развития книгоиздания демонстрирует издательский сектор регионов. Так, в Сибири и на Дальнем Востоке рост совокупных тиражей печатной продукции наблюдался во второй половине XX в.: с 4 538,9 тыс. экз. в 1946 г. до 44 182 в 1991 г., практически в 10 раз. В середине 1990-х гг. произошел обвал книжных тиражей. Процесс снижения совокупного тиража книг и брошюр в 2000-е гг. в регионах страны стал практически необратимым (рис. 3). Курс на сокращение тиражности не остановил даже экономический подъем в стране, выразившийся в резком всплеске книгоиздания 2008–2009 гг. В итоге к кон-

[1] Составлено по данным Книжной летописи СССР / РФ 1990–2020 гг. М. : РКП, 1991–2021 гг.

цу второго десятилетия XXI в. совокупный тираж книг и брошюр в Сибири и на Дальнем Востоке (2 399,3 тыс. экз.) оказался в 2 раза ниже, чем он был в послевоенном 1946 г. (4 538,9 тыс. экз.) (рис. 3).

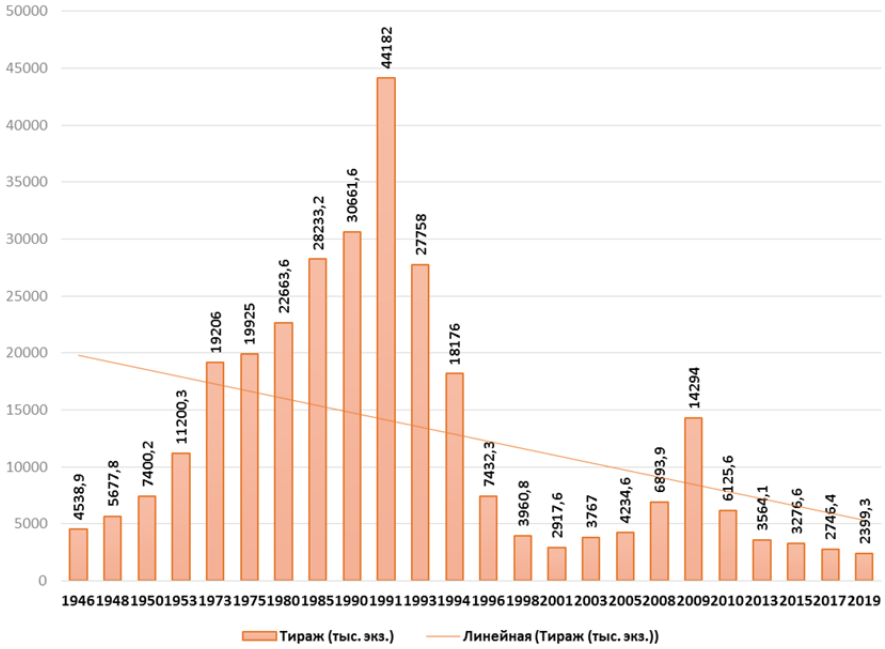

Рис 3. Совокупный тираж книг и брошюр, выпущенных в Сибири и на Дальнем Востоке в 1946–2019 гг.[1]

В XXI в. малотиражность стала характерной чертой отечественного книгоиздания и отличительной особенностью региональных издательств страны. Если проанализировать статистику тиражности книг и брошюр, изданных в России в 2008–2020 гг., то становится очевидным увеличение доли малых (говоря словами полиграфистов, «коротких») тиражей до 500 экз. и от 500 до 1 000 экз. в общем перечне наименований издаваемой книжной продукции. За десятилетие – к 2020 г. – доля книг, издаваемых до 1 000 экз., возросла с 40 до 56%. Особенно выросла за этот период доля низкотиражной продукции – до 500 экз.: с 32 до 48%, прак-

[1] Составлено по данным государственных архивов Сибири и Дальнего Востока: ГАИО, ГАКО, ГАНО, ГАОО, ГАРФ, ГАТО, ГАХК, ЦДНИ ИО, ЦДНИ КК, ЦХАФАК.

тически до половины всего издаваемого в стране ассортимента книг и брошюр (рис. 4).

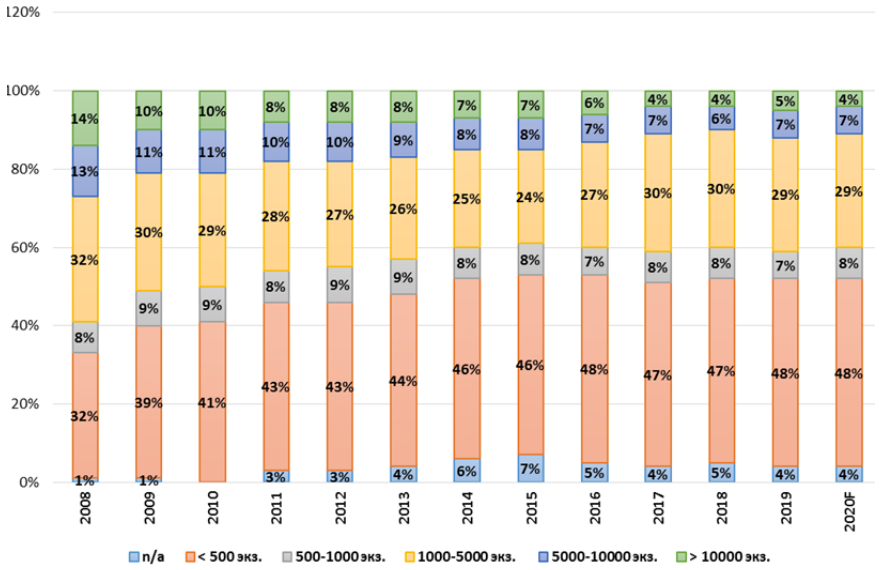

Рис. 4. Доля разных тиражей в ассортименте книг и брошюр, изданных в России в 2008–2020 гг.[1]

В провинции тенденция снижения тиражей выглядит еще более наглядно. Здесь доля «коротких» тиражей впечатляюща: региональное книгоиздание в основном малотиражно. Проиллюстрировать это можно примерами книгопроизводства в Красноярском крае в 2001–2020 гг. Даже если не учитывать издания, на которых в силу разных причин оказались не обозначены тиражи (это примерно пятая часть всех изданных в крае книг), то низкотиражной продукции в 50, 100, 150, 200 экз. в общем объеме всей выпускаемых книг и брошюр в Красноярье оказывается подавляющее большинство. Три четверти всех изданных в крае тиражей относятся к категории малотиражной книжной продукции. Исключением из правила стал 2020 г., пандемия COVID-19 и вынужденные локдауны повлияли на общее снижение количества наименований изданных книг. Сокращение пришлось именно на мелкотиражную продукцию,

[1] Составлено по данным Книжной летописи СССР / РФ 1990–2020 гг. М. : РКП, 1991–2021 гг.

привело к трансформации доли разных тиражей в ассортименте книг и брошюр, изданных в Красноярском крае (рис. 5).

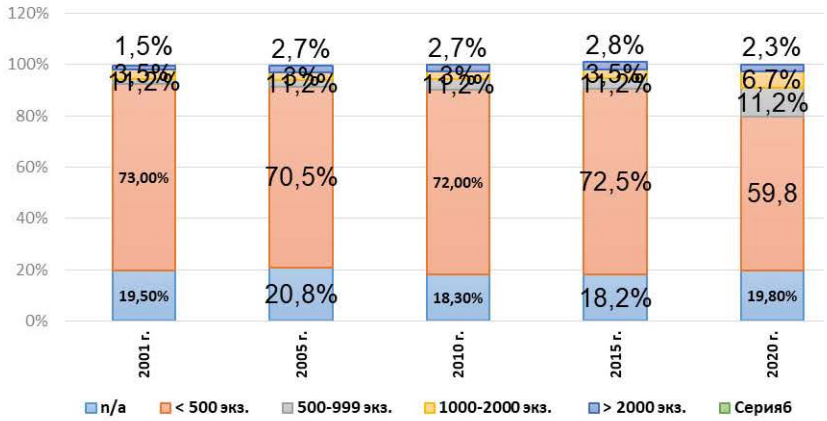

Рис. 5. Доля разных тиражей книг и брошюр, изданных в Красноярском крае в 2001–2020 гг.[1]

В последнее десятилетие XXI в. число малотиражных изданий продолжает расти. Так, в 2018 г. доля изданий, выходящих тиражом менее 500 экз., в общем числе выпускаемых названий в России составила почти 50% [11. С. 5]. Наряду с этим наблюдалось снижение так называемой общепринятой нормы малотиражности книжной продукции. Если раньше к числу малотиражных относились издания, вышедшие тиражом до 1 000 экз., то в настоящий момент подобную группу составляют издания в 200, 100, 50 и 20 экз. Такие тиражи стали в региональных издательствах обыденным явлением.

Столь стремительное сокращение тиражей последних лет было обусловлено многими объективными причинами. Прежде всего это растущая конкуренция среди предприятий производственного цикла, требования оперативности в изготовлении книжной продукции, ее актуальности, индивидуальности, высокого качества, востребованности на рынке, возможности быстрого распространения.

Только быстрая оборачиваемость книг, газет и журналов способна возместить высокие затраты на заработную плату работников изда-

[1] Составлено по данным сайта Книжное Красноярье. URL: https://irbis.kraslib.ru/cgi-bin/irbis64r/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe (дата обращения: 20.08.2021).

тельств, типографий, рекламу, сбыт, хранение готовой печатной продукции. Издательствам выгоднее в короткие сроки с максимальной прибылью реализовать невысокие тиражи, отдельные экземпляры, «мелкие заказы с высокой актуальностью, возможностью персонализации и изготовления индивидуальной печатной продукции. Выбор оптимального размера тиража связан для издательства с определенным риском» [12]. Для больших тиражей требуются складские мощности, а это увеличивает затраты на хранение, несет определенные убытки. Низкий спрос может повлечь за собой снижение цен на книги либо уничтожение готовой продукции. В 1996 г., например, именно по этой причине было уничтожено до 40% книг, изготовленных офсетным способом [12].

Региональные издательства в XXI в. практически полностью перешли на выпуск малотиражных книг и брошюр. Им стало выгоднее допечатать необходимое количество экземпляров книг и брошюр: от одного до сотен и тысяч штук. Одновременно с издательским сегментом меняется и полиграфическое производство: следуя от печати массовых тиражей к изготовлению индивидуализированной печатной продукции [13]. Допечатка востребована как в случаях производства книг, предназначенных для широкого спроса, дополнительных тиражей распроданных наименований, так и в случаях изготовления любых индивидуальных заказов – от роскошных до специализированных, персональных изданий любого количества. Специалисты считают, что за печатью по требованию будущее – ежегодно она будет возрастать на 25%. Они уверены, что выпуск в свет дополнительных тиражей по мере необходимости станет благоприятной альтернативой производству «высоких» тиражей.

Снижению тиражности способствовал и переход многих издательско-полиграфических предприятий к цифровым способам печати книг. Директор барнаульской типографии «Корвус» А. Людвинский подтверждает этот факт: «...в настоящее время потребность в малотиражной продукции на рынке высока. Мы отмечаем, что заказчики все чаще размещают небольшие партии тиражей, но при этом ассортимент заказываемой продукции приличный. Однако печатать такие работы на офсете не совсем рентабельно. Чтобы иметь возможность эффективно изготавливать короткие тиражи, мы начали развивать отдел цифровой оперативной печати» [14].

Таким образом, в XXI в. книгоиндустрия страны демонстрирует устойчивый тренд развития – ежегодное стабильное сокращение тиражей книг и брошюр. Превалирующими причинами данного процесса стали не столько экономические факторы, сколько глубокие технологические, коммуникационные изменения современного производства и потребления книжной продукции.

Чтение книг становится все более сложным, избирательным, интересы читателей разнообразнее. На индивидуализированного читателя ориентируются издатели, предлагая литературу соответствующей тематики.

Тематические особенности малотиражной литературы, издательства

По данным Российской книжной палаты малыми тиражами (до 1 000 экз.) в России выходит в свет большая часть научных и краеведческих изданий, художественные произведения начинающих писателей и поэтов, учебно-методические пособия, узкоспециализированная литература. В 2017 г. на их долю по названиям пришлось 43,2% книг и брошюр [15].

Книжную продукцию малыми тиражами выпускает подавляющее большинство действующих в регионах страны издательств и издающих организаций при клубах, музеях, научных, образовательных учреждениях, редакционно-издательские отделы, типографии. Активными производителями специализированной малотиражной литературы являются высшие учебные заведения. Проведенное в 2004 г. Центральным коллектором библиотек «БИБКОМ» при поддержке Минобразования и науки анкетирование показало, что вузами страны выпускается около 100 тысяч наименований малотиражной литературы, с помощью которой обеспечивается учебно-методическая и научная деятельность учебных заведений [16]. Специалисты насчитывают на рынке малотиражного вузовского книгоиздания примерно 2 300 издательских структур [17. С. 208]. В регионах вузы являются лидерами книгоиздания по количеству названий изданных книг. При этом тиражи изданных ими книг (печатных и электронных) остаются низкими. В основной своей массе региональное вузовское книгоиздание во втором десятилетии XXI в. демонстрирует сокращение высокотиражного книгопроизводства и стабильный рост малотиражных изданий.

Малотиражную литературу издают и появившиеся на книжном рынке относительно недавно небольшие так называемые инди-издательства («small-press», «independent press», «indie publisher»), не нацеленные на коммерческую прибыль. Их деятельность сфокусирована на выпуске альтернативной «книжному мейнстриму» литературы. Каждая из таких организаций ориентируется на выпуск определенного ассортимента книг, отвечающего специфическим читательским потребностям, и тем самым занимает свою нишу в современном отечественном книгоиздании. Например, издательство «Додо Пресс» выпускает в год от 3 до 6 книг малоизвестной англоязычной прозы XX в. Издательство существует почти

целиком на волонтерских основаниях и публикует книги в основном с помощью народного финансирования – краудфандинга [18].

Издающие микропредприятия в подавляющей массе выпускают «штучный товар» – нишевую малотиражную литературу. Они специализируются на особой тематике, работают на своего неповторимого индивидуализированного читателя. Так, небольшое частное издательство «Libra» сосредоточило свое внимание на выпуске немецкоязычной литературы в русских переводах. Издательство «Текст» специализируется на издании неизвестных в России произведений литераторов из Европы и США. Печатанием зарубежной литературы и современной российской литературы модернистской по форме и (или) радикальной по содержанию занимается «Kolonna Publications». Выпуск произведений американских постмодернистов – миссия издательства «PollenFanzine», возникшего на базе одноименного фэнзина [19]. Издательство «Jaromir Hladik Press» публикует русскоязычную и переводную интеллектуальную литературу.

Большинство отечественных нишевых издательств сосредоточено в столичных городах. Вместе с тем мини-издательства, ориентированные на выпуск малотиражной литературы и выполняющие культурообразующую функцию, появились и провинции [20]. В Новосибирске этот сегмент издающих предприятий представляют независимые издательства Артель «Напрасный труд», «На дне» и «Подснежник», самиздат-сообщество «Здесь», неформальное издательское общество «iZZдат». Предназначение перечисленных издательских предприятий их создатели видят в выпуске «нераскрученной» художественной литературы. Издательство «Подснежник», например, ориентируется на публикацию поэзии и прозы русскоязычных авторов, «принципиально далёких от постылого официоза и пустозвонного хайпа» [21]. Неформальное издательское общество «iZZдат» направлено на фиксацию и сохранение многообразия современной сибирской поэзии. Формой реализация этих значимых задач стал выпуск поэтических мини-сборников сибирских авторов и альманаха актуальной сибирской поэзии «Между». Помимо альманаха «Между» задачу представления современного культурного поля Сибири выполняет малотиражный новосибирский журнал «Реч#порт», существующий в традиции неподцензурных периодических изданий неофициальной культуры. В этом же направлении работает трудартель «На дне», выпускающая оригинально оформленные издания и переиздания малоизвестных деятелей сибирского авангардного искусства разных лет. Артель «Напрасный труд» предлагает широкий спектр изданий англоязычной и испаноязычной поэзии в переводах руководи-

теля артели А.И. Щетникова, а также отдельные издания наиболее ярких представителей сибиркой литературы. Издательская инициатива «Здесь.» занимается предпечатной подготовкой выпуском на коммерческой основе книг современных авторов из различных городов России.

Активно развивающимся направлением малотиражного книгоиздания в последние годы является выпуск произведений нехудожественной, прикладной литературы. Исследователи характеризуют эту тенденцию как «ренессанс жанра нон-фикшн в современной книжной культуре» [22. С. 7]. Состав издателей книг этого жанра чрезвычайно разнообразен. Свой вклад в их публикацию вносят независимые инди-издательства. Например, московское издательство «AdMarginem» – это издательство переводного нон-фикшн с акцентом на книгах по искусству, иллюстрированных изданиях, а также книгах по антропологии, экономике, социологии, философии и теории культуры. Издательство «Белое яблоко» специализируется на выпуске книг о поп-культуре, актуальной музыке, компьютерных и видеоиграх. Книги об альтернативной культуре – приоритетное направление деятельности и издательства «Опустошитель», кредо которого – «инверсия культуры».

Наиболее значимыми акторами современного краеведческого книгоиздания являются музеи, архивы и библиотеки, традиционно выпускающие определенные виды краеведческой издательской продукции. Большинство подготовленных ими изданий принадлежат к малотиражным, поскольку представляет собой элемент специализированной культуры, относящейся к таким сферам социальной активности человека, как «культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации», «культура познания и рефлексии мира, общества и человека», «культура идентичности» [23. С. 23–24]. Эти издания могут быть ориентированы на широкий круг читателей, но при этом редко пользуются большим спросом и имеют довольно ограниченную сферу распространения, по крайней мере в своем печатном формате [24]. В библиотеках это библиографические указатели, календари знаменательных и памятных дат; в музеях – каталоги выставок и коллекций, периодические «Краеведческие записки»; в архивах – путеводители по фондам, сборники документов, сборники научных трудов.

Центры и дома народного творчества в основном выпускают литературу, адресованную сотрудникам культурно-досуговых учреждений, – различные методические пособия и материалы о традициях своего края. Помимо малотиражности большинство этих изданий характеризует небольшой объем (чаще всего это брошюры).

Тематически малотиражные краеведческие издания, как правило, посвящены истории отдельных населенных пунктов, участию их жителей в Великой Отечественной войне, биографиям выдающихся земляков, фольклору, традициям, обычаям, памятным и историческим местам той или иной местности. Много выходит биографической и мемуарной литературы.

К наиболее популярным темам краеведческих малотиражных изданий относится история городов (например, «Тельновск и его окрестности» Ю.А. Викуленко (Южно-Сахалинск, 2015), «Колывань. XX век. Век перемен» О.Б. Паниной (Рубцовск, 2018) и др.), районов и районных центров, сельских населенных пунктов («Баевский район. Земля и люди: исторический очерк, 1924–2014 гг.: 90-летию образования района посвящается» (Барнаул, 2014), «Хатанге 375 лет (1626–2001 гг.)» Б. В. Пестрякова (Красноярск, 2006) и др.) и даже отдельных улиц («Именные улицы Владивостока» (Владивосток, 2007), «Жизнь главного проспекта Красноярска» И.М. Ансимовой (Красноярск, 2011), «Улицы Улан-Удэ – памятники истории» (Улан-Удэ, 2014) и др.). Выпуски многих публикаций этой тематики приурочены к юбилею с даты основания города или образования района. Причем юбилейные издания нередко имеют тираж и более 500 экз., поскольку на их выпуск, как правило, выделяются целевые средства местных администраций.

Мемуарные и другие автобиографические издания, публикуемые в вузах, учреждениях науки, архивах, музеях, библиотеках и других организациях, чья деятельность связана с историческим краеведением, готовятся к печати профессиональными историками или при их непосредственном участии. Малотиражность большей части сибирской и дальневосточной мемуарной литературы обусловлена ее региональной направленностью и тем, что ее создатели чаще всего малоизвестны в масштабах страны.

Тиражами до 100–200 экз. печатались биографические издания, посвященные выдающимся представителям научной и творческой интеллигенции, общественным деятелям, историческим личностям, чья жизнь и работа была связана в первую очередь с конкретным городом, организацией или предприятием.

Неотъемлемую часть современной отечественной нон-фикшн литературы составляют самоинициированные книги или так называемый новый самиздат: незарегистрированные (в силу малых тиражей или несоблюдения установленных государством юридических процедур) печатные издания, выпущенные одним человеком или группой лиц в авторской редакции на собственные средства. В ряде случаев подобные

издания выходят в свет за счет личных средств авторов. В то же время все большую популярность приобретает реализация издательских проектов на народные средства [25. С. 61]. Методом краудфандинга, например, летом 2018 г. во Владивостоке вышла в свет книга местного краеведа Нэлли Мизь об истории Покровского мемориального парка**.** Публикацию книги проинвестировали 138 человек, имена которых были упомянуты в издании.

По мнению специалистов, сфера малотиражного книгоиздания и самиздата наиболее чутко реагирует на изменения среды, является одним из ведущих средств фиксации актуального состояния литературы, начинает играть роль нового института экспертизы, приходя на смену классическим литературно-художественным журналам и литературным премиям [26]. С одной стороны, она становится зеркальным отражением быстро меняющихся читательских интересов, с другой – стимулирует воплощение в жизнь новых издательских проектов и стратегий, направленных на удовлетворение потребностей сегментированных читательских аудиторий.

Малотиражное книгоиздание, будучи одной из составляющих современного издательского процесса, существуют неотъемлемо от сопутствующей культуртрегерской деятельности (форумы и фестивали, семинары и творческие лаборатории, выставки и презентации), становясь одним из основных механизмов распространения печатной продукции и в то же время – базой для разработки и подготовки новых изданий [27].

Заключение

Книгоиздание постсоветской России вступило в кардинально новый этап развития, для которого характерна «персонификация» издательского предложения. Современная модель отечественного книгоиздания соответствует общемировым тенденциям. Согласно прогнозам отраслевого футуролога Майка Шацкина, будущее книгоиздания определяют атомизация, вертикальная интеграция и разукомплектация издательских функций [28]. По его мнению, в ходе происходящей эволюции книгоиздателями станут отдельные организации: университеты (а то и отдельные факультеты), адвокатские конторы, бухгалтерские и консалтинговые фирмы, большая часть промышленных и торговых компаний, музеи, футбольные клубы и др.

Многочисленные издающие организации являются базовой основой регионального малотиражного книгоиздания. Через кризисное состояние первых постсоветских лет российское издательское дело повторило мировые тренды развития [29]. Кардинальные изменения, происходящие

в издательском секторе, серьезные трансформации в сфере печати и массовых коммуникаций, стремительная модификация полиграфического производства, цифровизация производственных процессов, радикальные изменения медиапотребления соотечественников сделали малотиражность закономерным явлением регионального, отечественного и в целом мирового книгоиздания.

Список источников

1. Ильницкий А.М. Книгоиздание в современной России. М. : Вагриус, 2002. 53 с.

2. Кобзева М.Н. Современные проблемы и тенденции развития книгоиздания в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 18 с.

3. Ординарцев И.И. Российское книгоиздание. Тенденции. Стратегии. Перспективы. М. : ЮНИТИ: Закон и право, 2015. 134 с.

4. Пухнатый Ф. Современные проблемы и тенденции развития книгоиздания в Российской Федерации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2012. № 3 (104). С. 249–256.

5. Эриашвили Н.Д. Книгоиздание в современной России: экономический аспект. М. : ЮНИТИ, 2020. 247 с.

6. Посадсков А.Л. Кризисные и переломные состояния в истории книжной культуры России: опыт исследования региональных характеристик // Труды ГПНТБ СО РАН. 2013. № 5. С. 20–26.

7. Полеушина Н.А. Книжная культура России: формирование новой парадигмы? // Ценности и смыслы. 2017. № 2 (48). С. 73–83. doi: 10.7256/2070-8955.2013.12.10477

8. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 61–77.

9. Чтение. XXI век / науч. ред.-сост. В.Я. Аскарова. Челябинск, 2014. 310 с.

10. Чудинова В.П. Развитие «нации читателей»: роль чтения и библиотек / ред. Е.А. Колосова. М. : Астрель, 2014. 178 с.

11. Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / Б.В. Ленский, А.Н. Воропаев, Е.В. Соловьёва [и др.]. М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018. 85 с.

12. Куликов Г.Б. Послепечатная обработка изданий по требованию // Полиграфия: технология, оборудование, материалы : материалы X науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 15–16 мая 2019 г.) : научное текстовое электронное издание локального распространения / [ред. колл.: И.А. Сысуев (отв. ред.) и др.]. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

13. Либау Д. Промышленное брошюровочно-переплетное производство. Производство книг (серийное). Ч. 2. URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook643/01/part-003.hth (дата обращения: 20.08.2021).

14. Людвинский А. «Цифровые» бизнес-процессы, или Как повысить рентабельность тиражей // Формат. 2019. № 7 (138). С. 26–29.

15. Российская книжная палата. URL: http://www.bookchamber.ru/statistics.html. (дата обращения: 20.08.2021).

16. Куприянов Н.Г. Каталог «Издания российских вузов»: итоги, перспективы развития // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки,

культуры, образования и бизнеса : материалы 12-й Междунар. конф. «Крым 2005». М. : ГПНТБ России, 2005. 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

17. Панкова А.Н. Малотиражная вузовская литература: доступ к информации // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности. К 250-летию вузовского книгоиздания в России : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 сент. 2006 г.). М. : Наука, 2006. С. 207–211.

18. Додо Пресс: издаем что хотим. URL: https://dodopress.ru/_(дата обращения: 20.08.2021).

19. Леховицер Д. Сокровища Америки и самиздат «PollenFanzine». URL: https://batenka.ru/aesthetics/reading/pollen/ (дата обращения: 20.08.2021).

20. Лизунова И.В., Савенко А.Н. Современное альтернативное книгоиздание: общая характеристика и тенденции развития // Вестник КазГУКИ. 2018. № 4. С. 22–29.

21. Подснежник. Издательство. URL: https://vk.com/izd_podsneg (дата обращения: 20.08.2021).

22. Казакова Г.М. Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 7–12.

23. Флиер А.Я. Модернизация модели морфологии культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 20–26. doi: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-20-26

24. Трояк И.С. Издательства и издающие организации Сибири и Дальнего Востока как популяризаторы историко-культурного наследия региона // Библиосфера. 2020. № 1. С. 32–38. doi: 10.20913/1815-3186-2020-1-32-38

25. Савенко Е.Н. Современные тенденции самоиздания // Библиосфера. 2019. № 2. С. 59–64. doi: 10.20913/1815-3186-2019-2-59-64

26. Метельков А.С. Толстые журналы в книгоиздательском процессе // Интерэкспо ГеоСибирь. Новосибирск : СГУГиТ, 1/2016. С. 208–210.

27. Метельков А.С. Малотиражные литературно-художественные журналы 2010-х гг. как альтернативная тенденция в развитии книжной культуры // Книга: Сибирь – Евразия : материалы междунар. семинара. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2019. С. 164–175. doi: 1020913/2619-001X-2019-164-175

28. Шацкин М. «Атомизация» книгоиздания: от индустрии к инструменту. URL: http://bookinstitute.ru/ (дата обращения 20.08.2021).

29. Ординарцев И.И. Мировые тенденции развития книгоиздания. Краткий анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 4. С. 105–109.

References

1. Ilnitskiy, A.M. (2002) *Knigoizdanie v sovremennoy Rossii* [Book Publishing in Modern Russia]. Moscow: Vagrius.

2. Kobzeva, M.N. (2010) *Sovremennye problemy i tendentsii razvitiya knigoizdaniya v Rossii* [Modern problems and trends in the development of book publishing in Russia]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

3. Ordinartsev, I.I. (2015) *Rossiyskoe knigoizdanie. Tendentsii. Strategii. Perspektivy* [Russian book publishing. Trends. Strategies. Perspectives]. Moscow: YuNITI: Zakon i pravo.

4. Pukhnatyy, F. (2012) Sovremennye problemy i tendentsii razvitiya knigoizdaniya v Rossiyskoy Federatsii [Modern problems and trends in the development of book

publishing in the Russian Federation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*. 3(104). pp. 249–256.

5. Eriashvili, N.D. (2020) *Knigoizdanie v sovremennoy Rossii: ekonomicheskiy aspect* [Book publishing in modern Russia: An economic aspect]. Moscow: YuNITI.

6. Posadskov, A.L. (2013) Krizisnye i perelomnye sostoyaniya v istorii knizhnoy kul'tury Rossii: opyt issledovaniya regional'nykh kharakteristik [Crisis and turning points in the history of Russian book culture: Studying regional characteristics]. *Trudy GPNTB SO RAN*. 5. pp. 20–26.

7. Poleushina, N.A. (2017) Knizhnaya kul'tura Rossii: formirovanie novoy paradigmy? [. Russian book culture: The formation of a new paradigm?]. *Tsennosti i smysly*. 2(48). pp. 73–83. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.12.10477

8. Dubin, B.V. & Zorkaya, N.A. (2009) Chtenie i obshchestvo v Rossii 2000-kh godov [Reading and Society in Russia in the 2000s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 61–77.

9. Askarova, V.Ya. (ed.) (2014) *Chtenie. XXI vek* [Reading. The 21st Century]. Chelyabinsk: [s.n.].

10. Chudinova, V.P. (2014) *Razvitie "natsii chitateley": rol' chteniya i bibliotek* [The development of a "nation of readers": The role of reading and libraries]. Moscow: [s.n.].

11. Lenskiy, B.V., Voropaev, A.N., Solovieva, E.V. et al. (2018) *Knizhnyy rynok Rossii: sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy doklad* [Russian book market: State, trends and development prospects: industry report]. Moscow: Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam.

12. Kulikov, G.B. (2019) Poslepechatnaya obrabotka izdaniy po trebovaniyu [Post-print processing of publications on demand]. *Poligrafiya: tekhnologiya, oborudovanie, materialy* [Polygraphy: technology, equipment, materials]. Proc. of the Tenth Conference. Omsk, May 15–16, 2019. Omsk: OmskSTU. [CD-ROM].

13. Libau, D. & Heinze, I. (2007) *Promyshlennoe broshyurovochno-perepletnoe proizvodstvo. Proizvodstvo knig (seriynoe)* [Industrial stitching and binding production. Production of books (serial)]. Vol. 2. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.

14. Lyudvinskiy, A. (2019) "Tsifrovye" biznes-protsessy, ili Kak povysit' rentabel'nost' tirazhey ["Digital" business processes, or How to increase the profitability of circulation]. *Format*. 7(138). pp. 26–29.

15. The Russian Book Chamber. [Online] Available from: http://www.bookchamber.ru/statistics.html. (Accessed: 20th August 2021).

16. Kupriyanov, N.G. (2005) Katalog "Izdaniya rossiyskikh vuzov": itogi, perspektivy razvitiya [Catalog "Publishing of Russian Universities": Results, development prospects]. *Biblioteki i informatsionnye resursy v sovremennom mire nauki, kul'tury, obrazovaniya i biznesa* [Libraries and information resources in the modern world of science, culture, education and business]. Proc. of the 12th Conference. Moscow: GPNTB Rossii. [CD-ROM].

17. Pankova, A.N. (2006) Malotirazhnaya vuzovskaya literatura: dostup k informatsii [Small-circulation university literature: Access to information]. *Knizhnaya kul'tura. Opyt proshlogo i problemy sovremennosti. K 250-letiyu vuzovskogo knigoizdaniya v Rossii* [Book culture. Experience of the past and problems of the present. To the 250th anniversary of university publishing in Russia]. Proc. of the International Conference. Moscow, September 20–21, 2006. Moscow: Nauka. pp. 207–211.

18. Dodo Press. (n.d.) *Izdaem chto khotim* [We publish what we want]. [Online] Available from: https://dodopress.ru/ (Accessed: 20th August 2021).

19. Lekhovitser, D. (2017) *Sokrovishcha Ameriki i samizdat "PollenFanzine"* [Treasures of America and samizdat "PollenFanzine"]. [Online] Available from: https://batenka.ru/aesthetics/reading/pollen/ (Accessed: 20th August 2021).

20. Lizunova, I.V. & Savenko, A.N. (2018) Sovremennoe al'ternativnoe knigoizdanie: obshchaya kharakteristika i tendentsii razvitiya [Modern alternative book publishing: General characteristics and development trends]. *Vestnik KazGUKI*. 4. pp. 22–29.

21. *Podsnezhnik*. Publushing House. [Online] Available from: https://vk.com/izd_ podsneg (Accessed: 20th August 2021).

22. Kazakova, G.M. (2016) Non-fikshn v sovremennoy knizhnoy kul'ture [Non-fiction in modern book culture]. *Vestnik Chelyabinskoy akademii kul'tury i iskusstv*. 3(47). pp. 7–12.

23. Flier, A.Ya. (2017) Modernizatsiya modeli morfologii kul'tury [Modernization of the culture morphology model]. *Observatoriya kul'tury*. 14(1). pp. 20–26. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-20-26

24. Troyak, I.S. (2020) Izdatel'stva i izdayushchie organizatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka kak populyarizatory istoriko-kul'turnogo naslediya regiona [Publishing houses and publishing organizations of Siberia and the Far East as popularizers of the historical and cultural heritage of the region]. *Bibliosfera*. 1. pp. 32–38. DOI: 10.20913/1815-3186-2020-1-32-38

25. Savenko, E.N. (2019) Sovremennye tendentsii samoizdaniya [Modern tendencies of self-publishing]. *Bibliosfera*. 2. pp. 59–64. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-2-59-64

26. Metelkov, A.S. (2016) Tolstye zhurnaly v knigoizdatel'skom protsesse [Journals in the book publishing process]. *Interekspo GeoSibir'*. 1. pp. 208–210.

27. Metelkov, A.S. (2019) Malotirazhnye literaturno-khudozhestvennye zhurnaly 2010-kh gg. kak al'ternativnaya tendentsiya v razvitii knizhnoy kul'tury [Small-circulation literary and art magazines of the 2010s as an alternative trend in the development of book culture]. *Kniga: Sibir' – Evraziya* [Book: Siberia – Eurasia]. Proc. of the International Seminar. Novosibirsk: SB RAS. pp. 164–175. DOI: 1020913/2619-001X-2019-164-175

28. Shatskin, M. (n.d.) *"Atomizatsiya" knigoizdaniya: ot industrii k instrument* ["Atomization" of Book Publishing: From Industry to Tool]. [Online] Available from: http://bookinstitute.ru/ (Accessed: 20th August 2021).

29. Ordinartsev, I.I. (2013) Mirovye tendentsii razvitiya knigoizdaniya. Kratkiy analiz [World trends in the development of book publishing. A brief analysis]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 4. pp. 105–109.

Информация об авторах:

Лизунова И.В. – доктор исторических наук, директор Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: lizunova@gpntbsib.ru

Савенко Е.Н. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: helensav@ngs.ru

Трояк И.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: troyak@spsl.nsc.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.V. Lizunova, Dr. Sci. (History), director, State Public Scientific and Technological Library, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lizunova@gpntbsib.ru
E.N. Savenko, Cand. Sci. (History), leading research fellow, State Public Scientific and Technological Library, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: helensav@ngs.ru
I.S. Troyak, Cand. Sci. (History), senior research fellow, scientific secretary, State Public Scientific and Technological Library, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: troyak@spsl.nsc.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.06.2022; принята к публикации 13.06.2023

The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 14.06.2022; accepted for publication 13.06.2023

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

1) инициалы и фамилия автора;

2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);

3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;

4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словами «Список источников» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (http://vestnik. tsu.ru/book/) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

– английский вариант инициалов и фамилии автора;

– перевод названия своей организации;

– перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория/сектор, факультет/институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организа-

ции, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьёвой Татьяне Леонидовне[1].

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала **http://vestnik.tsu.ru/book/**

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

[1] По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2023. № 32

Редактор *Ю.П. Готфрид*
Редактор-переводчик *В.В. Кашпур*
Оригинал-макет *А.И. Лелюр*

Подписано в печать 30.08.2023 г. Дата выхода в свет 13.09.2023 г.
Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Печ. л. 10,5; усл. печ. л. 9,7; уч.-изд. л. 19,2.
Тираж 50 экз. Заказ № 5506. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail: rio.tsu@mail.ru